

ISSN 2311-1402

НИЖНЕВАРТОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

3/2019

В

Е
С

Т

Н

И

К

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Чернова Л.Н.
«НОВЫЕ ДВОРЯНКИ» АНГЛИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА: МЕЖДУ НОРМОЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ3

Якубова Л.А.
МИГРАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА В ГЕРМАНИИ 2000-х ГОДОВ: СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ.....12

Козлова Д.А.
ШОТЛАНДСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАРТИЯ – ЛЕЙБОРИСТЫ: КОАЛИЦИЯ – УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?.....17

Беспалова Л.Н.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК РЕСУРС ДЛЯ СОЦИАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ ГЕРМАНИИ В 70-е ГОДЫ XIX ВЕКА23

Горбунова С.В.
ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА КАЗАХОВ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ СТЕПНОГО ФРОНТИРА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ33

Сойкин А.А.
ОСВЕЩЕНИЕ ГИБЕЛИ ЛАЙНЕРА «ЛУЗИТАНИЯ» В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ 1915 г.....40

Тарасова Д.А.
ПРАГМАТИЧЕСКАЯ «ДРУЖБА» КИТАЯ И ВОСТОЧНОГО ТИМОРА: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ46

Чжан Синьсинь
СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОЦЕНКАХ КИТАЙСКИХ СМИ. 1985–1987 гг.....55

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Бехтерев С.Л., Бехтерева Л.Н.
ЧЛЕН ЦЕНТРОБАЛТА: К РЕВОЛЮЦИОННОЙ БИОГРАФИИ САРАПУЛЬСКОГО МАКСИМАЛИСТА62

Пузанов В. Д.
ТАРСКИЙ УЕЗД И ЕГО СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.....72

Солодкин Я.Г.
БЕРЕЗОВСКИЙ УЕЗД В 1595 г.: ВОССТАНИЕ «ИНОЗЕМЦЕВ» И СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ82

Авдеев А.Г.
О ДАТЕ РОЖДЕНИЯ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АДРИАНА88

Цысь О.П.
ПОЕЗДКИ ПРИХОДСКИХ СВЯЩЕННИКОВ И МИССИОНЕРОВ ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ94

Стичак А.В.
ОТНОШЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ К ПРИЧИНЕНИЮ МУЖЧИНАМИ ИЗ СВЕТСКОГО И ДУХОВНОГО СОСЛОВИЙ ТЕЛЕСНОГО ВРЕДА ЖЕНЩИНАМ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX вв. (НА МАТЕРИАЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ).....108

Угрюмова М.В.
РОССИЙСКАЯ ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА И ДВИЖЕНИЕ ЗА ВВЕДЕНИЕ ЗЕМСТВА В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ113

Айдунова Т.Ю.
ПЕТР I В ЛИБЕРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.....122

Красовитова Э.С.
ПРОЦЕССЫ УРБАНИЗАЦИИ В ЭПОХУ АКТИВНОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА СУРГУТА)130

Главный редактор

Горлов С. И., доктор физико-математических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Заместитель главного редактора

Позонышев Д.А., кандидат биологических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Ответственный редактор

Цысь В. В., доктор исторических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Члены редакционной коллегии

Аикин В.А., доктор педагогических наук, профессор (г.Омск)

Гбоко С.К., кандидат педагогических наук

(г. Буаке, Республика Кот-д'Ивуар)

Горшков-Кантакузен В.А., доктор медицинских наук, профессор
(г. Москва)

Дайнеко Н.М., кандидат биологических наук, доцент (г.Гомель,
Республика Беларусь)

Еманов А. Г., доктор исторических наук, профессор
(г. Тюмень)

Казанский М.М., доктор-хабилитат (г.Париж)

Кулагин А. Ю., доктор биологических наук, профессор (г. Уфа)

Лубышева Л.И., доктор педагогических наук, профессор
(г.Москва)

Нурбеков Б. Ж., доктор педагогических наук, профессор
(г. Астана, Республика Казахстан)

Маймерова Г.Ш., кандидат медицинских наук (г.Бишкек,
Кыргызская Республика)

Медведев С. С., доктор биологических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург)

Овечкина Е. С., кандидат биологических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Синявский Н.И., доктор педагогических наук, профессор
(г.Сургут)

Солодкин Я. Г., доктор исторических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Суртаева Н. Н., доктор педагогических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург)

Талыбов Т.Г., доктор биологических наук, профессор
(г.Нахчыван, Азербайджанская Республика)

Усманов И. Ю., доктор биологических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Фатуллаев П.У., доктор философии по аграрным наукам,
доцент (г.Нахчыван, Азербайджанская Республика)

Цысь В. В., доктор исторических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Шаров О. В., доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник (г. Санкт-Петербург)

Editor-in-Chief

Gorlov S. I., Doctor of Physics and Mathematics, Professor
(Nizhnevartovsk)

Deputy Editor

Pogonyshv D.A., Candidate of Biological Sciences, Associate Profes-
sor (Nizhnevartovsk)

Executive editor

Tsys V. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Editorial Board

Aikin V. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Omsk)

Gboko S.K., Candidate of Pedagogical Sciences (Bouake,
Republic of Côte d'Ivoire)

Gorshkov-Kantakuzen V.A., Doctor of Medical Sciences, Professor
(Moscow)

Daineko N. M. Candidate of Biological Sciences, Professor
(Gomel, Republic of Belarus)

Emanov A. G., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
(Tyumen)

Kazansky M. M., doctor Habilitate (Paris)

Kulagin A. Yu., Doctor of Biological Sciences, Professor (Ufa)

Lubysheva L. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Moscow)

Nurbekov B. Zh., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Astana, Republic of Kazakhstan)

Majorova G. Sh., Candidate of Medical Sciences (Bishkek,
Kyrgyz Republic)

Medvedev S. S., Doctor of Biological Sciences, Professor
(Saint Petersburg)

Ovchikina E. S., Candidate of Biological Sciences, Associate Profes-
sor (Nizhnevartovsk)

Sinyavsky N. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Surgut)

Solodkin Ya. G., Doctor of Historical Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Surtaeva N. N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Saint Petersburg)

Talibov T. G., Doctor of Biological Sciences, Professor
(Nakhchivan, Azerbaijan Republic)

Usmanov I. Yu., Doctor of Biological Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Fatullayev P. U., Doctor of Philosophy in agricultural Sciences,
Associate Professor (Nakhchivan, Azerbaijan Republic)

Tsys V. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Sharov O. V., Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher
(Saint Petersburg)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-55479 от 25 сентября 2013 г.

Журнал индексируется в следующих научных базах:

- Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
- Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка (CyberLeninka)
- Google Академия
- Information Matrix for the Analysis of Journals (MIAR)
- Open Academic Journals Index (OAJI)
- Polska Bibliografia Naukowa (PBN)

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»

Адрес редакции: Россия, 628605, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 18.09.2019
Формат 60×84 1/8. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 12. Тираж 1000 экз.
Заказ 2096

ISSN 2311-1402

Отпечатано в НВГУ

Россия, 628615, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, 4.
Тел./факс: (3466) 45-18-20, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

© Нижневартовский государственный университет, 2019

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94"04/14"

Л. Н. Чернова
Саратов, Россия

«НОВЫЕ ДВОРЯНКИ» АНГЛИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА: МЕЖДУ НОРМОЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

Аннотация. Статья посвящена актуальной и малоизученной проблеме места и роли женщины в сообществе английского джентри первой половины XV столетия. С привлечением сведений из корреспонденции Амбургов автор прослеживает основные этапы жизни Джоан Амбург и перипетии её судьбы и судеб её племянниц и выясняет, насколько они были типичными представительницами своего пола в соответствии с общепринятыми представлениями о месте и предназначении женщины из семьи джентри. В статье показано, что статус женщины определялся семьей, её благополучие зависело от родственников – отца и мужа. Однако это не исключало активной роли женщины в отстаивании своих прав и интересов семьи. Биография Джоан Амбург, факты из жизни её племянниц – женщин, принадлежавших к джентри, противоречат картине бессилия и покорности жен в дворянских семьях. Трудности, с которыми им пришлось столкнуться, заставили этих женщин проявить удивительную для дворянок активность, настойчивое стремление отстаивать свои интересы, опираясь на собственные связи в обществе и познания, в том числе в области права, и на поддержку мужчин.

Ключевые слова: Англия; XV век; гендер; история женщин; джентри; Джоан Амбург; брачные стратегии; спор о земельном наследстве; права наследования.

Сведения об авторе: Лариса Николаевна Чернова, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

Контактная информация: 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83; тел. 89053693557, e-mail: larisachernova@mail.ru.

Известно, что представления о том, что такое мужчина и что такое женщина, каковы должны быть отношения между ними, являются продуктом культурно-исторического развития социума. Таким образом, гендерные модели конструируются обществом, предписываются институтами социального контроля и культурными традициями (Репина 2011: 506, 507). Средневековое общество осознавало себя в категориях господства деятельного мужчины и неприятия активности женщин в любой сфере. «Аристотелевская философия, самобытно осмысленная на средневековом Западе, породила наиболее последовательную и систематическую концепцию природной слабости женщины и необходимости её подчинения мужчине» (Веккьо 2009: 138–139). Краеугольными понятиями для женщин были целомудрие, смирение, скром-

ность, умеренность, молчание, трудолюбие, милосердие, опека, которые в течение многих столетий произносились проповедниками в церкви, повторялись в семье, читались в написанных для женщин книгах (Казагранде 2009: 108). Но, как правило, действительность оказывалась гораздо сложнее и многообразнее, и далеко не всегда укладывалась в прокрустово ложе общественных установок и нормативов. Необходимо также подчеркнуть, что вплоть до настоящего времени почти вся информация о жизни средневековых женщин нова и фрагментарна, их имена и биографии по большей части неизвестны, поэтому открытие новых исторических фактов, касающихся этой сферы, и их прочтение в контексте социальных перемен имеет несомненное научное значение.

Говоря о месте и роли женщины в средневековом социуме, представляется целесообразным обратиться к реалиям Англии XV столетия. В это сложное время английское общество переживало серьезную внутреннюю трансформацию в условиях нарастающей политической нестабильности, а его традиционные структуры наполнялись новым содержанием (McFarlane 1981; Золотов 2010). В социальном отношении одним из значимых факторов истории XV в. стало укрепление джентри, или «нового дворянства», которое в недалеком будущем станет главной опорой пришедших к власти Тюдоров. Основное внимание джентри уделяли управлению собственными манорами, в которых ведение интенсивного домениального хозяйства сочеталось с наиболее доходной сдачей земли в краткосрочную аренду, что выгодно отличало их от представителей аристократии (Браун 2016: 17).

Какое место занимала женщина из среды джентри, какова была модель её поведения? На эти вопросы попытаемся ответить, привлекая корреспонденцию Амбургов (The Armburgh Papers 1998) – источник, еще не введенный в полной мере в научный оборот как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Коллекция писем Амбургов находится в одном ряду с перепиской Пастонов, Стоноров, Пламптонов и Сели в том смысле, что проливает свет на жизнь английского джентри. Интересующий нас источник охватывает период 1417–1453 гг., подавляющее большинство писем приходится на конец 1420-х – начало 1430-х гг. и 1448–1453 гг. (письма Пастонов – 1440–1480 гг., Стоноров – 1470–1483 гг. и Пламптонов – после Босворта). Почти весь комплекс данного источника состоит из копий писем, за исключением нескольких юридических документов и сделок с недвижимостью (всего 13 документов) и 9 лирических стихотворений на французском, латинском и английском языках. Большинство материалов принадлежит Роберту Амбургу (57 писем и петиция в Пар-

ламент) и его супруге Джоан (5 писем и петиция в Канцелярию). Есть также несколько писем (8), адресованных Роберту (Чернова 2017: 48–52). В целом, письма и связанные с ними документы Амбургов представляют подробный отчет об имущественном споре XV в. (Williams 2001: 224), касающемся наследства Брокхол, которое было расположено в Уорикшире, Хартфордшире и Эссексе. Одной из сторон, претендовавших на это наследство, были Джоан Амбург и ее супруг Роберт Амбург. Им противостояли племянницы Джоан – Кристина и Эллен Самптер, дочери её покойной сестры Маргарет Самптер.

Основываясь преимущественно на сведениях из корреспонденции Амбургов, проследим основные этапы жизни Джоан Амбург и перипетии её судьбы и судеб её племянниц и выясним, были ли они типичными представительницами слабого пола в соответствии с общепринятыми представлениями о месте и предназначении женщины из семьи джентри.

О детстве Джоан почти ничего не известно, поскольку её детские годы не нашли сколь-нибудь внятного отражения в источниках. Родилась она, видимо, в конце XIV столетия. Её отцом был сэр Джеффри Брокхол, матерью – Эллен де Роос, владевшие поместьями в трех графствах: Эссексе, Хартфордшире и Уорикшире. В Эссексе это были манор Роос в Рэдвинтере (Грэйт Брокхолс), который являлся держанием от короля, герцога Ланкастерского, на условии рыцарской службы; манор Стэнли Гиффардс; манор Нью Холл в Эшелдхэме, который держали от герцога Йоркского за рыцарскую службу; в Хартфордшире: маноры Роос Холл в Сарратте – держание от аббата Сент-Олбанса, и Овер Холл в Гилстоне – рыцарское держание от короля, герцога Ланкастерского; манор Брокхолс в Грейт Манден – держание от лорда манора Грейт Манден (Mapping the Medieval Countryside 2014); в Уорикшире – манор Мансеттер (The Armburgh Papers 1998: 5).

Годовой доход от всех владений составлял без малого 50 ф. ст.

Джоан не была единственным ребенком в семье: по крайней мере, сохранились сведения о её сестре и сонаследнице Маргарет (умерла к 1420 г.).

Ничего не известно о том, как Джоан жила в родительском доме, кто и чему её обучал. Очевидно, что ей была уготована обычная для дворянки судьба жены и матери. Тем более что статус Джоан как наследницы собственности по двум линиям – Брокхол и Роос, должно быть, сделал её привлекательной невестой. И мы видим, что до 1406 г. (или 1410 г.) она была замужем за сэром Филиппом Кедингтоном из Эссекса. Вероятно, что ее брак с Филиппом был устроен родителями, прежде всего, отцом. Не будем забывать, что брачные стратегии были важной частью распределения собственности и создания семейных союзов в дворянской среде, а дочери были в центре этой системы. Отец, как это было принято, должен был наделить дочь приданым. Традиционно в него входили не только одежда, постельные принадлежности и некоторая сумма денег, но и недвижимость: определенный участок земли, который после брачной церковной церемонии и заключения брачного контракта полностью переходил под контроль супруга (Винокурова 2018: 11–38). Однако сложность для Джоан заключалась в том, что её земельное наследство считалось матрилинейным: она могла владеть им по праву своей матери, которая получила эти земли как наследница в семье Роос и благодаря браку с Джефффри Брохолом. По этой причине Джоан не контролировала причитающееся ей земельное наследство вплоть до смерти Эллен де Роос в 1419 г. (Schoonover 2017: 27–28).

Возможно, это обстоятельство послужило причиной того, что, выйдя замуж за Кедингтона, Джоан установила тесные связи с этой семьей и в полной мере разделила именно ее интересы. Последовавший в будущем выбор наследников Джоан показал, что она отдавала предпочтение супруже-

ской, а не родительской семье. Согласно последней воле, ее собственность отошла Джоан и Джону Палмер, родственникам Филиппа Кедингтона, возможно, это были потомки его дочери (Schoonover 2017: 28). Такой поступок тем более удивителен, что как раз в браке с сэром Филиппом у Джоан родились двое, и что немаловажно, сумевших выжить детей – Роберт и Маргарет (The Armburgh Papers 1998: 9). Обычно дворянки оставляли землю собственным детям или родственникам из своей семьи, если брак оказывался бездетным. Оставление имущества потомкам из семьи супруга, хотя и не было вовсе неслыханным поступком, но случалось гораздо реже (Schoonover 2017: 28). Может, Джоан и Филипп испытывали очень теплые чувства друг к другу. Это многое бы объяснило в таком её необычном поведении. Но, возможно, все было гораздо прозаичнее: Джоан Палмер вышла замуж за племянника Роберта Амбурга, третьего и последнего мужа Джоан Амбург (The Armburgh Papers 1998: 184–185). И это лишний раз подтверждает большую привязанность нашей героини к семьям своих мужей.

Филипп Кедингтон ушел в мир иной между 1406 и 1410 гг., после чего жизнь Джоан серьезно изменилась. Обстоятельства заставили её проявлять качества, вовсе не свойственные женщине и выходящие за рамки общепринятых представлений о слабой женской природе: мужество, упорство, расчетливость, настойчивость, ответственность не только за себя, но и за других, энергичность, а порой и агрессивность. Как правило, вдовы в позднесредневековом обществе были не иллюзорными фигурами, а полноправными хозяйками своей жизни, владелицами и распорядительницами оставшегося после смерти мужа имущества (Винокурова 2011: 49). Не случайно Б. Харрис называет вдовство «кульминацией карьеры женщин» (Harris 2002: 127). Но не в случае с Джоан. Из письма ее сына Роберта следует, что его крестный отец Томас Блендиш превратил вдовство этой женщи-

ны в настоящий кошмар. Блендиш фактически нарушил договоренности и пошел против воли Филиппа Кедингтона. Незадолго до кончины Филиппа его лучший друг Томас Блендиш, а между семьями Кедингтонов и Блендишей существовали давние и крепкие связи (The Armburgh Papers 1998: 90–91), забрал все его земли и имущество, а после смерти Кедингтона должен был незамедлительно вернуть их Джоан и Роберту (The Armburgh Papers 1998: 90). Этот план обеспечил бы Джоан контроль над собственностью без уплаты налогов на имущество мужа. Такое поведение Кедингтона вполне укладывалось в широко распространенную в то время практику, когда землевладелец обращался за помощью к своим друзьям и соседям в вопросах оформления наследства, а также при решении запутанных земельных тяжб. Джентри нередко выступали в качестве свидетелей, душеприказчиков, ленников друг друга. Фактически речь шла о передаче своих владений в пользование доверенных лиц (trustee), обычно своим друзьям, с условием возврата переданной земли наследникам дарителя. Делалось это с целью избежать уплаты обременительных феодальных пошлин своему непосредственному сеньору, лишить его права контроля над этими землями. Взаимные услуги, которые оказывали джентри друг другу в подобных операциях, укрепляли их связи, способствовали созданию устойчивого местного сообщества. Но не в нашем случае. Блендиш не вернул земли Джоан и Роберту. Дело касалось земель, строений, рент и служб в манорах Эшдон, Бартлоу Энд и Коупэлс Фарм, лордом которых был граф Оксфорд (Mapping the Medieval Countryside 2014).

К несчастью для Джоан друг её покойного мужа не только не выполнил план Филиппа, но и фактически похитил ее сына, которого отвез к находившемуся неподалеку графу Оксфорду (The Armburgh Papers 1998: 91). По словам Роберта Кедингтона, все это время Джоан вынуж-

дена была избегать какого бы то ни было контроля над любым из её детей и никак не вмешивалась в их воспитание (The Armburgh Papers 1998: 91). В оправдание Блендиша можно сказать, что он использовал доходы от земель, оставленных Филиппом, для обеспечения приданым его дочери (The Armburgh Papers 1998: 91), без чего невозможно было устроить её брак. Возможно, что Томас Блендиш следовал указаниям своего лорда, графа Оксфорда, который, являясь сеньором, имел право на опеку над Робертом Кедингтоном и его сестрой (Schoonover 2017: 28).

Видимо, страстное желание Джоан вернуть детей и земли, в том числе, обратившись в суд (где её интересы мог представлять только мужчина), заставило её примерно в 1411 г. вновь выйти замуж. Избранником Джоан стал Томас Эспелл (The Armburgh Papers 1998: 78), в 1409 г. занимавший в Эссексе должность управляющего выморочными фьефами (escheator) (The Armburgh Papers 1998: 78n). В обязанности управляющего входил контроль за доходами казны, поступавшими от выморочных держаний, от фьефов малолетних вассалов, не способных нести военную службу, принадлежавших королю до времени их совершеннолетия (наследники мужского пола считались совершеннолетними в 21 год, женского – в 14 лет); от вакантных церковных бенефициев и конфискованных маноров. Управляющие выморочными фьефами были подотчетны Казначейству и должны были сменяться ежегодно (Калмыкова 2011: 252). У себя в графстве Эспелл принадлежал к числу уважаемых людей, с доходом с земли не менее 20 ф. в год: именно такое требование к escheator содержались в парламентских свитках (Калмыкова 2011: 251–252). Но и у него был определенный расчет на брак с вдовой Филиппа Кедингтона. Ведь Джоан, по его мнению, должна была получить доступ к большей части собственности, доставшейся ей от первого мужа и от родителей, а это для Эспелла было как нельзя кстати: он собирался участ-

воват в очередной Французской кампании во главе с королем Генрихом V (1413–1422). Однако всем этим надеждам не суждено было сбыться, поскольку Джоан, как мы видели, ничего из наследства не контролировала (Hanawalt 2007: 61).

Каковы бы ни были доводы Джоан в отношении брака, Томас Эспелл стал для неё настоящим бедствием. Ему пришлось занять деньги для участия в войне во Франции у известного лондонского шорника Ричарда Кетфорда, который занимался также финансированием военных кампаний (The Armburgh Papers 1998: 77n) в ходе Столетней войны (1337–1453). Тяжелое финансовое положение можно было поправить за счет получения выкупа за пленников, что было обычной практикой. Этой возможностью попытался воспользоваться Эспелл, но безуспешно. В итоге Джоан пришлось решать проблемы, связанные с пленниками, которых её второй муж захватил во Франции, и потерей выкупа за них (The Armburgh Papers 1998: 75). Она жаловалась лондонскому торговцу Джону Риджесу, что один из пленников ее мужа был «перемещен в Вестминстер и передан Суду Королевской скамьи, что идет против закона военного времени и против всевозможных законов» (The Armburgh Papers 1998: 75–76). Обратим внимание на то, что Джоан знала закон гораздо шире того объема, каковой полагался женщинам. Традиционно это было знание обычаев наследования, что, возможно, передавалось от матери к дочери как неотъемлемая часть обучения вдовству. Джоан же демонстрирует знание законов войны (Pollard 2000: 74). Возможно, она получила эти знания от своего мужа или другого родственника-мужчины, но ей пришлось эту информацию понять, осознать, чтобы использовать её в собственном письме и попытаться убедить покровителя помочь ей. А поддержка была жизненно необходима Джоан, оказавшейся в тяжелой ситуации после смерти Томаса Эспелла, который переложил на её плечи долг

в размере не менее 27 ф. (The Armburgh Papers 1998: 78–79).

Этот долг был непосильной ношей для вдовы, которая пыталась получить контроль над землями от первого мужа, не имела опеки над сыном и еще не вступила в наследство. Но для тех, кто не был знаком с финансовым положением Джоан Эспелл, она была небезынтересна в матримониальном отношении. Эта обманчивая на тот момент привлекательность позволила Джоан выйти замуж за Роберта Амбурга, который, как показало время, стал не только последним её мужем, но и надежным, верным другом. Очевидно, что как вдова с большой задолженностью Джоан нуждалась в мужчине, который помог бы ей в юридических вопросах. В лице Роберта Амбурга она обрела такого помощника и защитника. К сожалению, о нем самом практически ничего не известно. Роберт принадлежал к семье не слишком богатых и влиятельных джентри Хантингдоншира. Его старший брат Уильям однажды даже упоминался в источнике как «землепашец» (The Armburgh Papers 1998: 6, 50). Между братьями на протяжении всей жизни сохранялись тесные отношения. Именно к Уильяму Роберт обращался за денежной помощью в самые трудные моменты жизни. Рейнольд, старший сын Уильяма, возможно, обучался в Линкольнс-Инн в 1440-х гг., проживал со своим дядей Робертом Амбургом и вполне мог помогать ему в качестве юриста и секретаря (The Armburgh Papers 1998: 59). Другой сын Уильяма, Роберт, занимался торговлей и жил в Лондоне (The Armburgh Papers 1998: 186). Здесь он мог рассчитывать на поддержку еще одного дяди – Джоан Амбурга, лондонского горожанина и позолотчика (The Armburgh Papers 1998: 128–129). Эти факты подтверждают то, что в Англии вторжение дворян в сферу бюргерской экономики было открытым и массовым, прежде всего, со стороны слоя мелких вотчинников, пополнявших ряды джентри, с которыми горожане были связаны общими или сходными хозяйственными, а зача-

стю и социально-политическими интересами (Чернова 2016: 269–270). Не случайно кредитором Томаса Эспелла стал лондонский ремесленник и финансист, и Джоан тоже обращалась за содействием к торговцу Лондона.

Перед тем, как выйти замуж за Роберта, Джоан, совместно с племянником Джоном Самптером, сыном ее умершей сестры Маргарет (The Armburgh Papers 1998: 193, 194), вступила в права собственности на земли, поскольку в 1419 г. умерла её мать. Даже в половинном размере наследство было не малым: ежегодный доход оценивался в 24,5 ш. и 22 п. (Mapping the Medieval Countryside 2014). Джоан и её племянник, очевидно, прекрасно ладили друг с другом. Но после смерти последнего в 1420 г. все кардинальным образом изменилось. Джоан, в том же году вышедшая замуж за Роберта Амбурга (The Armburgh Papers 1998: 78), утверждала, что именно в этот момент Джон Самптер-старший начал лгать и предъявлять обществу двух своих незаконных дочерей вместо якобы умерших приблизительно в одно время со своим братом настоящих её племянниц – Кристины и Эллен. В официальном заявлении и в письмах она обвиняла своего зятя в том, что он не только лишил ее истинных племянниц христианского захоронения, утаив сам факт их смерти, но и выдал двух незаконнорожденных своих дочерей за детей её сестры Маргарет и, следовательно, сонаследниц (The Armburgh Papers 1998: 87–88, 92, 193).

Что заставило Джоан выдвигать такие обвинения и неистово их отстаивать? Ответ очевиден – борьба за полное наследство, острая потребность в средствах. Последовало юридическое разбирательство, растянувшееся почти на два десятилетия, на протяжении которого, несмотря на то, что Канцелярия и суды были на стороне племянниц, Джоан и ее муж Роберт Амбург продолжали сражаться, при этом не только апеллируя к судам, но и пытаясь заручиться поддержкой и получить покровительство

влиятельных аристократов и знатных женщин, действуя в соответствии с моделью поведения джентри. Чаше других Джоан Амбург обращалась к леди Эллен Феррерс из Чартли, письма к которой всегда были почтительными по тону и ясно показывали понимание того, что нужно льстить аристократке, чтобы получить столь необходимую помощь. Джоан неизменно писала, обращаясь к леди Феррерс: «Моя праведная и грациозная леди», «Моя праведная и милостивая леди», «Моя верная и любезная леди» (The Armburgh Papers 1998: 92).

Амбурги использовали еще один способ увеличить поступление денежных средств: они всячески стремились ужесточить условия для работавших на их землях арендаторов, фермеров. Источник буквально пестрит фактами такого рода, фиксируя также противодействие со стороны тех, кто арендовал земли Амбургов и вел на них фермерское хозяйство (The Armburgh Papers 1998: 104–109, 114–118, 130–131, 170). Уже способ хозяйствования позволяет говорить об Амбургах как о джентри. Это подтверждает и структура их маноров. Некое владение Уэстон в Хартфордшире состояло из усадьбы, двух карукат (200 акров) земли, двух акров лугов, 100 акров пастбищ, 4 акров леса и ежегодной ренты в 6 ш. 8 п. (Mapping the Medieval Countryside 2014). Фермерское хозяйство было тесно связано с рынком и специализировалось либо на поставках шерсти для суконной промышленности, либо на товарном производстве зерна, мяса, сыра, молока и других продуктов. Известно, например, что жена одного из арендаторов Амбургов, Томаса Бернарда, занималась транспортировкой шерсти в Эссексе (The Armburgh Papers 1998: 130), который был важным центром английского сукноделия.

Несмотря на все усилия, спор о наследстве не был разрешен при жизни Джоан Амбург. В ноябре 1443 г. она умерла (The Armburgh Papers 1998: 32–33). Юридические баталии продолжил её муж Роберт, обращавшийся в Парламент, пода-

вавший петиции самому королю, но безрезультатно (The Armburgh Papers 1998: 191). Влияния его самого и тех, кто его поддерживал, не хватило.

Поддержка, которой пользовались Кристина и Эллен, оказалась более внушительной. Немаловажную роль в этом сыграли брачные стратегии. Кристина была замужем за Томасом Бернардом, представителем очень влиятельной в Саффолке семьи, что обеспечило ей включенность в патронатные связи, необходимые для ведения в течение длительного времени дорогостоящего судебного процесса (The Armburgh Papers 1998: 7).

Эллен в первом браке была супругой Джеймса Беллерса, чьи связи оказались еще более важными для семьи: его отец был управляющим выморочными фьефами в Уорикшире, а сам он стал слугой архиепископа Йоркского, одного из самых влиятельных политических фигур в королевстве (Schoonover 2017: 39). Однако удачные браки Кристины и Эллен оказались недолговечными. К 1432 г., вскоре после смерти отца, скончалась Кристина, оставив сестру без важных семейных связей и поддержки (The Armburgh Papers 1998: 61). Эллен оказалась в крайне тяжелой ситуации после того, как её муж, наделав долгов, отправился воевать в Нормандию в надежде на извлечение доходов. Дальнейшая его судьба сложилась трагически: Джеймс совершил измену в отношении собственных людей, напал на английскую охрану и был обезглавлен во Франции (The Armburgh Papers 1998: 66). Эллен после такого позора мужа вынуждена была избавляться от его долгов и предпринимать все возможные усилия для того, чтобы не потерять своё имущество. В этом ей помогал её очень влиятельный тесть Ральф Беллерс, по протекции которого Эллен получала ссуды и денежные средства, столь необходимые для участия в судебных разбирательствах, инициированных её тетей. Однако Ральф Беллерс действовал не бескорыстно и стремился установить контроль над невесткой и её имуще-

ством. Во многом надеясь сохранить свою самостоятельность и обрести защиту, в 1439 г., через три года после смерти первого мужа, Эллен вышла замуж за Ральфа Холта, никак не связанного с семьей Беллерс. К этому времени она контролировала половину имущества, на которое претендовали также Амбурги, поскольку в 1436 г. умер её юный племянник, сын Кристины (The Armburgh Papers 1998: 29–30). К концу спора Эллен унаследовала все. В 1453 г., со смертью Роберта Амбурга, она осталась единственной претенденткой на наследство Брокхолов и Роос (Schoonover 2017: 41).

Таким образом, первая половина XV в. стала для Англии беспокойным временем, когда нарастающие социальные трансформации порождали политическую нестабильность и вели страну к глубокому и затяжному конфликту, вылившемуся в войны Роз (1455–1485). Знаковым явлением в английской социальной действительности этого времени стало формирование джентри. Именно к этой категории дворянства по уровню доходов, структуре земельных владений и методам хозяйствования принадлежала семья Амбург и те, кто составлял её ближайшее окружение. Их интересы в первую очередь были сконцентрированы в графствах, в которых находились их земли. Они были интегрированы в социальную жизнь своих графств за счет разветвленных родственных, матримониальных, соседских и дружеских связей, объединявших джентри. Именно земля представляла для них наибольшую ценность как маркер социального статуса и главный источник доходов. Хозяйство Амбургов было ориентировано на товарное производство, а с городом их связывали не только экономические интересы, но и родственные отношения.

Активную роль в жизни джентри играли женщины. Биография Джоан Амбург и судьбы её племянниц противоречат картине бессилия и покорности жен в дворянских семьях. Трудности, с которыми им пришлось столкнуться, закалили характер этих женщин, особенно Джоан Амбург и

Эллен Холт, заставили их проявить удивительную для дворянок активность, настойчивое стремление отстаивать свои интересы, опираясь на собственные связи в обществе и познания, в том числе в области права, и, конечно, на помощь и поддержку мужчин.

ЛИТЕРАТУРА

Браун Е.Д. 2016. Войны Роз: История. Мифология. Историография. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

Веккьо С. 2009. Женщина и семья в XV веке // История женщин на Западе: В 5 т. Т. 2: Молчание Средних веков / Клапиш-Зубер К. (ред.). СПб.: Алетейя, 133–139.

Винокурова М.В. 2011. Имущественные права женщин в средневековой Англии // Гладков А.К., Уваров П.Ю. (отв. ред.). Долгое Средневековье: Сб. научных статей в честь профессора А.А. Сванидзе. М.: Кучково поле, 45–66.

Винокурова М.В. 2018. Брак и собственность в средневековой Англии // Средние века 79 (2), 11–38.

Золотов В.И. 2010. Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. Брянск: Курсив.

Казагранде К. 2009. Добродетели и пороки женщин // История женщин на Западе: В 5 т. Т. 2: Молчание Средних веков / Клапиш-Зубер К. (ред.). СПб.: Алетейя, 91–109.

Калмыкова Е.В. 2011. Властные институты и должности в средневековой Англии // Гусарова Т. П. (отв. ред.). Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время: Коллективная монография. М.: КДУ, 211–253.

Репина Л.П. 2011. Гендерная история: итоги и перспективы // Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 503–546.

Чернова Л.Н. 2016. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

Чернова Л.Н. 2017. Письма Амбургов: новые возможности для изучения английского джентри XV века // Чернова Л. Н. (ред.). Историческая наука и судьбы историков: преемственность и инновационные подходы: Сб. научных статей. Саратов: Саратовский источник, 48–52.

Hanawalt B. 2007. *The Wealth of Wives: Women, Law, and Economy in Late Medieval London.* Oxford: Oxford University Press.

Harris B.J. 2002. *English Aristocratic Women, 1450–1550: Marriage and Family, Property and Careers.* N. Y.: Oxford University Press.

Mapping the Medieval Countryside (online]. E-CIPM 26-211: Joan the late wife of Robert Armeburgh, Esquire. 2014. L.: King's College London. URL: <http://www.inquisitionspostmortem.ac.uk/view/inquisition/26-211/> (2018. 25 февр.).

McFarlane K.B. 1981. *England in the Fifteenth Century.* L.: Bloomsbury Publishing Plc.

Pollard A.J. 2000. *Late Medieval England 1399–1509.* Harlow: Pearson Education Limited.

Schoonover J. 2017. *Medieval Women Go to Court: The Armburgh Papers and the Role of Women in Court in Medieval England.* Ohio: The Ohio State University.

The Armburgh Papers. The Brokholes Inheritance in Warwickshire, Essex and Hertfordshire. 1998 / Carpenter Ch. (ed.). Woodbridge: Boydell Press, 1417–1453.

Williams S.R. 2001. *English Vernacular Letters: language, literacy and culture.* York: University of York, 1400–1600.

REFERENCES

Braun E.D. 2016. *Voiny Roz: Istoriya. Mifologiya. Istoriografiya.* Moscow; St. Petersburg. (In Russian).

Vekk'o S. 2009. *Zhenshchina i sem'ya v XV veke.* In *Istoriya zhenshchin na Zapade. Vol. 2: Molchanie Srednikh vekov.* St. Petersburg, 133–139. (In Russian).

Vinokurova M.V. 2011. *Imushchestvennye prava zhenshchin v srednevekovoi Anglii.* In *Dolgoe Srednevekov'e. Sbornik nauchnykh statei v chest' professora A.A. Svanidze.* Moscow, 45–66. (In Russian).

Vinokurova M.V. 2018. *Brak i sobstvennost' v srednevekovoi Anglii.* *Srednie veka, 79 (2), 11–38.* (In Russian).

Zolotov V.I. 2010. *Obshchestvo i vlast' v pozdnesrednevekovoi Anglii XV veka.* Bryansk: Kursiv. (In Russian).

Kazagrande K. 2009. *Dobrodeteli i poroki zhenshchin.* In *Istoriya zhenshchin na Zapade. Vol. 2: Molchanie Srednikh vekov.* St. Petersburg, 91–109. (In Russian).

Kalmykova E.V. 2011. Vlastnye instituty i dolzhnosti v srednevekovoi Anglii. In Vlastnye instituty i dolzhnosti v Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya. Moscow, 211–253. (In Russian).

Repina L.P. 2011. Gendernaya istoriya: itogi i perspektivy. In Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. Moscow, 503–546. (In Russian).

Chernova L.N. 2016. Po sen'yu Svyatogo Pavla: delovoi mir Londona XIV–XVI vv. Moscow; St. Petersburg. (In Russian).

Chernova L.N. 2017. Pis'ma Amburgov: novye vozmozhnosti dlya izucheniya angliiskogo dzhentri XV veka. In Istoricheskaya nauka i sud'by istorikov: preemstvennost' i innovatsionnye podkhody: Sbornik nauchnykh statei. Saratov, 48–52. (In Russian).

Hanawalt B. 2007. The Wealth of Wives: Women, Law, and Economy in Late Medieval London. Oxford. 9780195311761.

Harris B.J. 2002. English Aristocratic Women, 1450–1550: Marriage and Family, Property and Careers. N. Y.: Oxford University Press.

Mapping the Medieval Countryside [online]. E-CIPM 26-211: Joan the late wife of Robert Arneburgh, Esquire. 2014. L.: King's College London. available at: <https://clck.ru/JYDVk> (February 25, 2018).

McFarlane K.B. 1981. England in the Fifteenth Century. L.: Bloomsbury Publishing Plc.

Pollard A.J. 2000. Late Medieval England 1399–1509. Harlow: Pearson Education Limited.

Schoonover J. 2017. Medieval Women Go to Court: The Armburgh Papers and the Role of Women in Court in Medieval England. Ohio: The Ohio State University. Available at: <http://hdl.handle.net/1811/80630>

The Armburgh Papers. The Brokholes Inheritance in Warwickshire, Essex and Hertfordshire. 1998 / Carpenter Ch. (ed.). Woodbridge: Boydell Press, 1417–1453.

Williams S.R. 2001. English Vernacular Letters: language, literacy and culture., 1400–1600. available at: <http://etheses.whiterose.ac.uk/id/eprint/10795>

L. N. Chernova
Saratov, Russia

«NEW NOBLEWOMEN» IN ENGLAND OF THE FIRST HALF OF THE XV CENTURY: BETWEEN THE NORM AND REALITY

Abstract. The article is devoted to the urgent and poorly known problem of the place and role of women in the English gentry's community of the first half of the XV century. Using the information from the correspondence of the Armburghs (The Armburgh Papers), the author traces the main stages of Joan Armburgh's life and varieties of her fortune and that of her nieces and finds out how typical they were in accordance with generally accepted ideas about the place and mission of a woman from the gentry's family. The article shows that the status of a woman was determined by the family and her well-being depended on the relatives – her father and husband. However, this did not exclude the active role of the woman in asserting her rights and interests of the family. The biography of Joan Armburgh and the facts from the life of her nieces, who belonged to the gentry, contradict the idea of weakness and humility of wives in noble families. Difficulties that they had to deal with forced these women to show a surprising for noblewomen activity and persistent desire to defend their interests, relying on their own connections in society and knowledge of law, and on men's support.

Key words: England; XV century; gender, women history, gentry, Joan Armburgh, marriage strategies, land dispute, inheritance rights.

About the author: Larisa Nikolayevna Chernova, Doctor of History, the Head of the Department of World History.

Place of employment: Saratov State University.

Чернова Л.Н. «Новые дворянки» Англии первой половины XV века: между нормой и реальностью // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2019. № 3. С. 3–11.

Chernova L.N. «New noblewomen» in England of the first half of the XV century: between the norm and reality // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2019. No. 3. P. 3–11.

МИГРАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА В ГЕРМАНИИ 2000-Х ГОДОВ: СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ

Аннотация. В статье исследованы основные аспекты миграционной политики Германии в 2000-е гг. Происходившие в данный период процессы позволяют сделать вывод о перемене миграционной парадигмы Германии как одного из наиболее успешных государств Европейского Союза и как государства, наделенного наибольшей миграционной нагрузкой после кризиса 2008 г. Изучены основные качественные и количественные характеристики миграционной политики Германии в 2000-е гг. В первую очередь ее характеризуют изменения в географии миграционных потоков в Германию. С 2004 г. в связи со вступлением в ЕС десяти новых стран стал нарастать приток из стран Восточной Европы (Польша). За этот период численность приезжих из этой страны практически удвоилась. После вступления в ЕС Болгарии и Румынии численность выходцев из этих стран также выросла более чем в три раза. С началом финансово-экономического кризиса в 2008 г. активизировался приток мигрантов из Италии, Испании, Греции и балканских стран; скачок притока лиц из Хорватии произошел после вступления этой страны в ЕС в 2013 г. Автор анализирует качественный состав мигрантов и приходит к выводу, что доминировавшая долгие десятилетия миграция гастарбайтеров и их семей с начала нынешнего века постепенно меняется в пользу квалифицированных мигрантов. Обосновывается значение университетов в привлечении высококвалифицированных специалистов. Отдельное внимание уделено исследованию влияния миграции на рынок труда. Приезжая в страну и получая возможность применить навыки и реализовать свой человеческий капитал, мигрант становится своеобразным инвестором в экономику принимающей страны, способствуя ее росту. Одно из его главных преимуществ состоит в том, что уже обладая определенным набором знаний и навыков (принимающему государству не нужно оплачивать его обучение), он может генерировать новое знание, создавать инновации, тем самым повышая конкурентоспособность экономики страны-реципиента. Германия проводит политику привлечения на территорию страны высококвалифицированных мигрантов. В статье рассмотрены нововведения в миграционной политике ФРГ в XXI веке. Введена «Голубая карта» для высококвалифицированных специалистов в соответствии с директивой ЕС и изменено регулирование на рынке труда. Обозначена необходимость сократить количество правовых ограничений для мигрантов из третьих стран, и улучшить отношение к мигрантам, несмотря на провал политики мультикультурализма. По-прежнему сохраняется множество препятствий для активного участия на рынке труда: языковые трудности, различия в образовательных системах, нехватка информации о вакансиях.

Ключевые слова: социальная политика; миграционная политика; мигранты; миграционное законодательство; миграция; Европейский Союз; Германия; Европейское экономическое сообщество; «свобода передвижения трудящихся»; социальное обеспечение; социальное страхование.

Сведения об авторе: Лала Алиевна Якубова, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628615, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 36, кв. 27; тел.: 8(982)185-33-61, e-mail: lalayakubova@gmail.com.

Вопросы создания эффективных механизмов управления внутренней и внешней миграции являются актуальными для государств Европейского Союза в настоящее время. Наибольший интерес в этом отношении представляет Германия. В последние годы потоки миграции в Германию значительно возросли. Это связано как с движением европейской интеграции на Восток, так и с последствиями экономического кризиса и усилением притока лиц из стран Южной и Восточной Европы. В связи

с тем, что уровень жизни в среде приезжих падал, а нагрузка на рынок труда и социальную систему возрастала, необходимо проанализировать, как поменялся в последние годы состав мигрантов и как миграция повлияла на современный рынок труда в Германии. Необходимо принимать во внимание тот факт, что часть миграционных потоков относится к передвижениям людей внутри ЕС; граждане новых государств-членов, воспользовавшиеся своим правом на свободу передвижения, не относятся к

мигрантам, а представляют собой категорию высококомобильных лиц.

В начале 2013 г. были опубликованы первые результаты переписи населения Германии, согласно которым в Германии живет на 1,5 млн человек меньше, чем показывали прежние расчеты. Таким образом, численность жителей страны была уменьшена на 1,9%: до 80,3 млн человек на конец 2011 г. вместо 81,8 млн. Одновременно, согласно новым данным переписи, численность иностранцев сократилась почти на 1 млн граждан, составив только порядка 6,2 млн человек. За период с 2009 по 2013 гг. чистый приток мигрантов составил почти 1,2 млн человек. В 2013 г. население увеличилось до 80,8 млн, при этом естественная убыль составила порядка 211,8 тыс. человек, а миграционный прирост дал порядка 428,6 тыс. человек. Это наиболее сильный прирост с 2007 г., когда общая численность иностранцев в стране вновь стала расти. Таким образом, к 2014 г. в Германии проживало уже порядка 7 млн иностранцев, или 8,7% населения (Statistische Ämter des Bundes und der Länder). Вместе с гражданами с миграционным фоном их доля составила в 2013 г. около 20,5%, или 16,5 млн человек (одна треть из них родилась в Германии).

За прошедшие два десятилетия существенно поменялась география иммиграции в Германию. Пик численности турецких мигрантов пришелся на конец 1990-х гг., когда она превысила 2,1 млн человек. В середине 1990-х гг. волна политических беженцев из бывшей Югославии достигла 1,3 млн человек. До начала века нарастала также численность прибывших из Италии и Греции. Затем особенно чувствительный спад миграции наблюдался в начале и середине прошлого десятилетия, когда Германию называли «больным человеком Европы» в связи со снижением темпов экономического роста и безработицей, превысившей 5 млн человек.

С 2004 г. в связи со вступлением в ЕС десяти новых стран стал нарастать приток

из стран Восточной Европы, в первую очередь Польши. За этот период численность приезжих из этой страны практически удвоилась, превысив 600 тыс. человек. После вступления в ЕС Болгарии и Румынии численность выходцев из этих стран также выросла более чем в три раза. Если накануне вступления в ЕС (в 2006 г.) в Германии было зарегистрировано порядка 40 тыс. болгар и 73 тыс. румын, то к 2013 г. их численность возросла до 147 тыс. и 267 тыс. соответственно. С началом финансово-экономического кризиса 2008 г. активизировался приток мигрантов, в особенности из Италии, Испании, Греции и балканских стран; скачок притока лиц из Хорватии (почти на 20 тыс.) произошел после вступления этой страны в ЕС в 2013 г. Однако при этом с 1 мая 2011 г. для восьми восточно-европейских государств, ставших членами ЕС в 2004 г., были сняты ограничения на трудоустройство в Германии, а также других старых членах ЕС, за исключением Великобритании и Ирландии, где ограничения были сняты еще в 2004 г.

Значительные изменения коснулись и качественного состава мигрантов. Доминировавшая долгие десятилетия миграция гастарбайтеров и их семей с начала нынешнего века постепенно меняется в пользу квалифицированных мигрантов. Большая часть мигрантов имеет высокую квалификацию (Statistisches Bundesamt). В целом около 85% вновь прибывших мигрантов в возрасте от 18 до 24 лет имеют школьный аттестат.

Огромное значение в привлечении высококвалифицированных специалистов стали играть университеты. В середине 1990-х гг. доля иностранцев среди поступающих в вузы составляла только 14%, к 2013 г. она возросла до 20%. В общей численности обучающихся в немецких вузах доля иностранцев за тот же период возросла с 7% до 11,5% (Statistisches Bundesamt). По данным на 2013 г. доля лиц, имеющих аттестат о среднем образовании, среди граждан Германии составляла 72,9% у

мужчин и 65,6% у женщин; в то же время среди лиц с миграционным фоном их доля составляла 43,5% и 40,3% соответственно. Доля немцев с дипломом об окончании университета составляет 9,2% у мужчин и 7,3% у женщин. Среди лиц с миграционным фоном доля обладателей диплома о высшем образовании была выше у женщин: 7,3% и 8,7% соответственно.

В середине 2012 г. на рынке труда насчитывалось около 900 тыс. вакансий и 2,9 млн безработных, еще около одного миллиона были задействованы на общественных работах. Отметим, что доля людей с неполной занятостью велика, однако предприятия с трудом заполняют вакансии по многим специальностям. Сегодня Германия находится на пике потенциала занятости (около 45 млн человек). Вместе с тем ожидается, что в средне- и долгосрочной перспективе в связи с влиянием демографического фактора количество вакансий будет сокращаться. Без миграции в закрытой системе потенциал занятых сократится к 2050 г. до 18,1 млн человек, или на 40%.

Наибольший дефицит трудовых кадров ФРГ испытывает по таким специальностям, как инженеры, IT-эксперты, высококвалифицированные специалисты в отрасли металлообработки и электротехники, воспитатели и няни, врачи, сиделки, специалисты в области логистики и гостиничного хозяйства. Негативные демографические тенденции усугубляли положение: для сохранения статус-кво в количестве квалифицированной рабочей силы к 2020 г. необходимо добиться того, чтобы 70% выпускников средних учебных заведений получили диплом об окончании высшего учебного заведения, и около половины из них должны закончить университеты с дипломом с отличием (Отчет...).

В период с октября 2000 по октябрь 2011 гг. безработица по инженерным специальностям сократилась на 51%, а количество вакантных мест по специальности «инженер» в сентябре 2011 г. достигло рекордного уровня с 2000 г. К 2013 г. в Гер-

мании количество вакантных академических мест достигло порядка 330 тыс., в том числе около 70 тыс. в области естественных наук и около 85 тыс. инженеров. Следует отметить, что приезжая в страну и получая возможность применить навыки и реализовать свой человеческий капитал, мигрант становится своеобразным инвестором в экономику принимающей страны, способствуя ее росту. Мигрант-специалист, в отличие от низкоквалифицированного мигранта, не только восполняет нехватку на рынке труда, но и создает дополнительные рабочие места. Одно из его главных преимуществ состоит в том, что уже обладая определенным набором знаний и навыков (принимающему государству не нужно оплачивать его обучение), он может генерировать новое знание, создавать инновации, тем самым повышая конкурентоспособность экономики страны-реципиента. Привлечение из-за рубежа большого контингента ученых и инженеров стимулирует изобретательскую активность и распространение инноваций в экономике, ускоряя темпы ее роста (согласно макромоделям, на 0,5% в год) (International Migration Outlook 2008). Таким образом, на современном этапе большинство европейских государств проводит политику привлечения на территорию страны высококвалифицированных мигрантов.

За период с 2001 по 2010 гг. на Германию пришлось около 7,4% иммигрантов, вовлеченных в создание патентов. Это второе место в мире после США. Анализируя долю иммигрантов среди авторов всех патентов и их долю в прорывных патентах, можно сделать общий вывод, что для большинства развитых стран характерна концентрация иммигрантов среди авторов наиболее цитируемых патентов. В Германии доля иммигрантов составляет 20% среди авторов всех прорывных патентов. Таким образом, мигранты участвуют в создании наиболее ценных и востребованных изобретений и технологий. Однако в сравнении с другими европейскими странами, в

Германии участие иммигрантов в создании патентов невысоко: только 12,2% всех патентов были зарегистрированы иностранцами.

В 1973 г., после первого нефтяного кризиса Германия ввела заметные ограничения на рынке труда, чтобы предотвратить рост безработицы и сокращение заработных плат. Существовало убеждение в том, что мигранты повысят нагрузку на социальное государство и систему соцзащиты. В связи с этим были введены значительные ограничения для граждан из третьих стран, а при расширении ЕС на Юг и Восток использовались долгие переходные сроки, регулирующие доступ к национальному рынку труда. Ограничительная миграционная политика имела следствием тот факт, что воссоединение семей и приток беженцев стали ключевыми каналами миграции в Германию. Именно поэтому в среднем квалификация лиц с миграционным фоном и иностранцев все еще более низка, чем у немцев. Эти контрасты в Германии выше, чем в среднем по странам Организации экономического сотрудничества и развития.

Со временем миграцию стали рассматривать не как угрозу, а как шанс для привлечения на рынок труда специалистов, которые помогут разгрузить социальную систему страхования. Как многие иммигранты в Германии, так и лица немецкого происхождения имеют высокий уровень квалификации, полученный в других странах, но не могут трудоустроиться в Германии по специальности. Они востребованы на рынке труда, но проблемы с трудоустройством возникают из-за отсутствия процедур признания дипломов. По оценкам Федерального министерства образования и науки, в Германии проживает около 2,9 млн лиц с миграционным фоном, которые получили аттестаты за границей; тех, кого потенциально могли бы затронуть реформы, насчитывается около 300 тыс. человек.

Для решения этого вопроса был принят ряд законодательных инициатив. В

особенности действенными стали полис Зеленая карта (введена Красно-зелёной комиссией), закон о мигрантах (2005 г.), а также меры 2009 и 2012 гг., включающие нормативы ЕС по высококвалифицированным специалистам (введение европейской Голубой карты). В декабре 2011 г. правительство согласовало проект закона, вносящий изменения в действие так называемой Голубой карты. Запущенная с мая 2009 г. соответствующая программа облегчает трудоустройство высококвалифицированных специалистов не из стран Европейского союза. Теперь действие карты распространяется на любую высококвалифицированную деятельность.

В будущем признание зарубежных дипломов будет облегчено. Соответствующий закон «Об улучшении признания полученных за границей квалификаций» был подписан в конце сентября 2011 г. в Бундестаге и согласован в начале ноября в верхней палате. Закон вступил в силу 1 апреля 2012 г. Вехой в аттестационной практике в Германии является введение права на оценку около 350 нерегламентированных ранее специальностей. Согласно букве закона, граждане ЕС и граждане третьих стран могут требовать проверку аттестационных документов на соответствие квалификации вне зависимости от своего гражданства. Правительство также рассчитывает на приток квалифицированной рабочей силы из стран Центральной и Восточной Европы и третьих стран (Bundesbericht... 2011). Нововведения предполагают снижение планки по уровню доходов специалиста-иммигранта с 66 тыс. евро в год до 48 тыс. евро. Для программистов и инженеров годовая шкала доходов в 33 тыс. евро, согласно договору, достаточна, чтобы получить разрешение на пребывание и трудоустройство в Германии. Специалисты с хорошим знанием языка, чей средний годовой доход составляет не менее 48 тыс. евро, имеют право получить бессрочное разрешение на регистрацию компании уже после двух лет пребывания в стране. Программа

быстрого привлечения программистов из-за рубежа на рынок труда была закреплена в законе о миграции, что предоставило специальные привилегированные права иммигрантам, работающим в сфере ИТ (Bundeszentrale für politische Bildung).

Тем не менее, эффект от существующих мер пока весьма незначителен: $\frac{3}{4}$ приезжих в Германию – выходцы из стран ЕС и Европейского экономического пространства, в особенности из новых стран ЕС. Принятые законы практически не касаются граждан третьих стран. Количество выданных на работу и пребывание в стране разрешений в результате принятых мер, регулирующих высококвалифицированную миграцию, оказалось весьма скромным.

Таким образом, в настоящее время Германия получает дополнительный приток граждан из других стран ЕС в результа-

те последствий финансово-экономического кризиса, но необходимо продумывать стратегию для миграции из третьих стран, так как рано или поздно ситуация в них будет улучшаться. Первые шаги уже сделаны: введена Голубая карта для высококвалифицированных специалистов в соответствии с директивой ЕС и изменено регулирование на рынке труда. Необходимо также сократить количество правовых ограничений для мигрантов из третьих стран и улучшить отношение к мигрантам, несмотря на полный провал политики мультикультурализма в Германии. Потенциал поиска новых кадров на востоке ЕС пока не полностью исчерпан. По-прежнему сохраняется множество препятствий для активного участия на рынке труда: языковые трудности, различия в образовательных системах, нехватка информации о вакансиях.

ЛИТЕРАТУРА

- Отчет Федерального агентства по труду «Перспективы 2025». URL: https://www.forumberatung.de/cms/upload/Wissenswertes/Politische_Initiativen/Perspektive_2025_Fachkrfte_fr_Dtl.pdf (2019. 11 сент.).
- Bundesbericht: Fachkräftesicherung. Ziele und Maßnahmen der Bundesregierung. 2011. S. 33.
- Bundeszentrale für politische Bildung. Deutschland: Einführung der «EU Blue Card» für Hochqualifizierte. URL: <https://clck.ru/JYDup> (11.09.2019).
- International Migration Outlook. 2008. P.: OECD, 69, 83. https://doi.org/10.1787/migr_outlook-2008-en
- Statistische Ämter des Bundes und der Länder. URL: <https://www.statistikportal.de/de/bevoelkerung> (2019. 11 сент.).
- Statistisches Bundesamt. URL: <https://clck.ru/JYEFq> (11.09.2019).

REFERENCES

- Otchet Federal'nogo agentstva po trudu "Perspektivy 2025". Available at: <https://clck.ru/JYDw8> (2019. 11 Sep.). (In Russian).
- Bundesbericht: Fachkräftesicherung. Ziele und Maßnahmen der Bundesregierung. 2011. P. 33.
- Bundeszentrale für politische Bildung. Deutschland: Einführung der "EU Blue Card" für: Hochqualifizierte. Available at: <https://clck.ru/JYDup> (2019. 11 Sep.).
- International Migration Outlook. 2008. Edition. P.: OECD, 2008. R. 69, 83. https://doi.org/10.1787/migr_outlook-2008-en
- Statistische Ämter des Bundes und der Länder. Available at: <https://clck.ru/JYE46> (2019. 11 Sep.).
- Statistisches Bundesamt. Available at: <https://clck.ru/JYEFq> (2019. 11 Sep.).

L. A. Yakubova
Nizhnevartovsk, Russia

MIGRATION PARADIGM IN GERMANY IN 2000S: CHANGE OF PRIORITIES

Abstract. The given paper touches upon the problem of German migration policy in contemporary period. The on-going processes allow us to conclude that the German migration paradigm has been changing as well as one of the most successful states in the European Union and as a state endowed with the greatest peace load after the crisis of 2008. The study gives the main qualitative and quantitative characteristics of the German migration policy in the 2000s. First of all, it is characterized by changes in the geography of migration flows. In 2004, with ten new coun-

tries entering the EU, the inflow of migrants from Eastern Europe countries began to increase. During this period, the number of immigrants from Poland has almost doubled. After Bulgaria and Romania joined the EU, the number of people from these countries also increased by more than three times. At the period of 2008 crisis, the inflow of migrants from Italy, Spain, Greece and the Balkan countries intensified; the number of migrants from Croatia rapidly increased after this country joined the EU in 2013. The author analyzes the qualitative composition of migrants and concludes that, from the beginning of the 21st century, the working migration, having dominated for many decades, is gradually changing in favor of skilled workers' migration. The important role of universities in order to attract highly qualified specialists is substantiated. The migration impact on the labor market is studied with a special attention. It is due to the fact that, when arriving in the country and getting the opportunity to apply skills and realize their human capital, a migrant becomes a kind of investor in the hosting country economy, contributing to its growth. One of its main advantages is that, already having a certain set of knowledge and skills (the hosting country does not need to pay for his education), he can generate new knowledge, create innovations, thereby increasing the competitiveness of the recipient country economy. Germany has a policy of attracting highly qualified migrants to the country. The paper touches upon the innovations in the migration policy of Germany in the 21st century. A "Blue Card" has been introduced for highly qualified professionals in accordance with the EU directive and labor market regulation has been changed. The need to reduce the number of legal restrictions for migrants from third countries, and to improve attitudes towards migrants, despite the failure of the multiculturalism policy, is indicated too. There are still many obstacles to immigrants' active participation in the labor market, such language difficulties, differences in educational systems, and lack of information about vacancies.

Key words: social policy; migration policy; migrants; migration legislation; migration; the European Union; Germany; the European Economic Community; free movement; social security; social insurance.

About the author: Lala Alieva Yakubova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Head of the Department for Documentation Studies and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Якубова Л.А. Миграционная парадигма в Германии 2000-х годов: смена приоритетов // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2019. № 3. С. 12–17.

Yakubova L.A. Migration paradigm in Germany in 2000s: change of priorities // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2019. No. 3. P. 12–17.

УДК 94(4/9):327

Д. А. Козлова
Ростов-на-Дону, Россия

ШОТЛАНДСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАРТИЯ – ЛЕЙБОРИСТЫ: КОАЛИЦИЯ – УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимодействия британских лейбористов и шотландских националистов в контексте формирования современной британской политической «повестки дня». Участники британского политического пространства, будучи озабоченными вопросами относительно выхода Соединенного Королевства из Европейского Союза, неизбежно сталкиваются с рядом вызовов, и проблема их внутреннего взаимодействия остается одной из наиболее значимых. Оппозиционные партии находятся «в тупике»: переговоры по Брекситу им представляются настолько же успешными, насколько провальными. Премьер-министр поставлена в очень сложное положение: вотум недоверия в декабре, провал ее предложений относительно сделки по Брекситу в январе. Сама правящая консервативная партия глубоко разделена. То и дело слышны призывы к повторному референдуму о выходе Соединенного Королевства из ЕС. Насколько возможна в этих условиях коалиция в рядах оппозиционеров – лейбористов и шотландских националистов? И если возможна, то каковы ее будущие перспективы?

Ключевые слова: Шотландская национальная партия; лейбористы; Никола Стерджин; Джереми Корбин; Брексит; референдум; Европейский Союз.

Сведения об авторе: Диана Анатольевна Козлова, кандидат исторических наук, старший преподаватель
Место работы: Высшей школы бизнеса Южного федерального университета.

Контактная информация: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42; e-mail: dakozlova@sfedu.ru.

Достаточно длительный промежуток времени с обоих полюсов британской политики раздаются призывы к единению: сторонники обеих партий (Шотландской националистической и лейбористской) высказывают предположения о необходимости консолидации сил для противостояния премьер-министру и ее плану по выходу из Европейского Союза.

Еще весной и летом 2017 г., накануне Всеобщих выборов, лидер британских лейбористов Джереми Корбин неоднократно подчеркивал, что его партия намеревается самостоятельно выиграть выборы и сформировать правительство, не вступая ни в какие коалиции как непосредственно перед выборами, так и после них. Позицию своего лидера поддержала и одна из ближайших союзников Корбина – Эмили Торнберри, отметив, что на данном этапе скорее нужно заниматься конкретными вещами, нежели гипотетическими предположениями (BBC News 19 April 2017; McCann 2017). Очевидно, оба политика делали ставку на достаточно неоднозначное отношение британского общества к Брекситу и плану консерваторов по выходу из Евросоюза. Это обстоятельство «играло на руку» оппозиционным партиям, к коим себя сейчас причисляют и лейбористы. Однако, как вскоре показали результаты выборов, лейбористы хотя и ожидаемо остались одной из крупнейших партий в правительстве, в условиях отсутствия «жизнеспособной» коалиции с Николой Стерджен (Шотландская национальная партия) и Тимом Фэрроном (либерал-демократы) им не удалось получить достаточного количества мест для самостоятельного управления (General election 2017).

На этом фоне позиция Н. Стерджен выглядела более конструктивной: Первый министр выражала готовность поддержать «прогрессивный альянс» в Вестминстере, чтобы «оттянуть» голоса консерваторов в

ходе выборов и впоследствии нивелировать их представительство в правительстве (McCann 2017). Однако данное межпартийное политическое сотрудничество представляется сомнительным на долгосрочную перспективу, так как Шотландская национальная партия не исключает возможность второго референдума о независимости в ближайшем будущем: так, в июне 2017 г., непосредственно перед Всеобщими выборами, Н. Стерджен заявила о необходимости вернуться к вопросу о независимости после завершения процедуры выхода Великобритании из Евросоюза (BBC News 27 June, 2017).

Но даже при наличии подобных противоречий у обеих партий оставалась возможность для сотрудничества: лидер лейбористов не исключал возможности дальнейших дискуссий о повторном референдуме в Шотландии в случае своего избрания премьер-министром (McCann 2017).

Несмотря на всю сложность и остроту вопроса, летом 2017 г. никакого существенного сдвига в сторону коалиции между британскими левыми не случилось: во многом этому способствовала утечка информации из стана лейбористов относительно их миграционной политики. Консерваторы обнародовали данные о том, что в случае победы на выборах лейбористов британское общество ждёт волна неконтролируемой низкоквалифицированной миграции (Mortimer 2017). Исторически известно, что миграционные вопросы являются одними из наиболее «чувствительных» для британского общества (Якубова, Бадалов 2018). Так, Дж. Корбин был вовлечен в дискуссии о миграционном законодательстве после Брексита, что не позволило ему сосредоточиться на политическом сотрудничестве с другими партиями накануне всеобщих выборов.

Однако, спустя пару месяцев после голосования, в сентябре 2017 г., представи-

тель шотландских лейбористов в Европарламенте (один из шести представителей региона в Брюсселе и Страсбурге) Дэвид Мартин вновь призвал заложить основу для координации общей политики между своей партией и шотландскими националистами. Прекрасно понимая, что подобная позиция может вызвать определенный уровень недоверия среди избирателей и скептицизма среди однопартийцев, политик подчеркнул, что его мнение основывается на том, что в условиях сложившихся политических реалий обе левоцентристские партии должны отставить в сторону разногласия по вопросу о независимости региона и сосредоточить свои силы на таких традиционных вопросах, как здравоохранение, образование и налогообложение (Johnson 2017).

Коалиция тем более важна в преддверии будущих выборов в 2021 и 2022 гг.: она поможет обеим партиям завоевать большинство голосов. В подтверждение своих слов политик привел пример из недавнего прошлого, когда Н. Стерджен довольно успешно сотрудничала с Первым министром лейбористской партии Уэльса Карвином Джонсоном в отношении проекта британского правительства по Брекситу: оба политика были против предлагаемого плана (Johnson 2017).

По мнению Д. Мартина, националисты заинтересованы в коалиции не меньше, чем лейбористы. Подобный вывод он сделал, опираясь на результаты двух предыдущих выборов: в Шотландский парламент 2016-го и Всеобщих 2017-го года. Тенденция отразила снижение уровня общественной поддержки Шотландской национальной партии. Так, в 2016 г., хотя и сохранив за собой статус самой крупной партии в местном парламенте (48,8%), националисты тем не менее потеряли 6 мест, а лейбористы – 13 (Scottish parliament election 2016). На выборах в следующем году Шотландская национальная партия и вовсе потеряла треть своих голосов (35 мест против 56 в 2015 г.), лейбористы же хотя и «вышли в плюс» по количеству мест

в сравнении с 2015 г. (262 места против 232), все же их отрыв от консерваторов (317 мест) оставался существенным (General election 2017).

Идею Д. Мартина поддержал бывший член шотландского парламента от лейбористской партии Малкольм Чишолм (Chisholm 15 September 2017). Но официальные представители лейбористов заявили, что не поддерживают идею какой-либо консолидации с националистами, так как именно их и планируют вытеснить из шотландского правительства на следующих выборах (Johnson 15 September 2017).

Разумеется, Шотландская национальная партия не осталась в стороне и прокомментировала данный выпад лейбористов, хотя и достаточно сдержанно, заявив, что в сложных условиях существующих противоречий по выходу Британии из Евросоюза наиболее конструктивным для партий было бы объединиться, чтобы успешно противостоять консерваторам, а не нападать друг на друга (Johnson 15 September 2017).

Вопрос повторного референдума о независимости Шотландии остается спорным между партиями и принципиальным для каждой из них: так, в сентябре 2018 г. лидер шотландских лейбористов Ричард Леонард заявил, что несмотря на аккуратные и сдержанные обещания Дж. Корбина о возможном включении этого вопроса в манифест партии, на деле это вряд ли произойдет, так как в большинстве своем лейбористы не сторонники данного процесса (Johnson 23 September 2018).

Лейбористы пошли дальше и на своей осенней конференции озвучили свое видение дальнейшего развития Шотландии. Оно касалось проведения земельной реформы с новой системой налогообложения (в основном для иностранных компаний), что позволило бы не только привлечь дополнительно около 3,7 млрд фунтов стерлингов на государственные нужды, но и внести свой вклад в снижение уровня социального неравенства. Определенные шаги предпо-

лагается сделать для сохранения рабочих мест на производствах (Jamieson 27 September, 2018).

Представляется, что подобные заявления должны были быть озвучены именно националистами, так как поддержка национального производства традиционно является их прерогативой. Лейбористы же, вторгнувшись на «территорию» Шотландской национальной партии с одной стороны, и отказавшись поддержать идею о повторном референдуме о независимости – с другой, тем самым не только осложнили возможность дальнейшего межпартийного сотрудничества, но и создали благоприятные условия своим политическим оппонентам – консерваторам.

Ответ на это не заставил себя долго ждать, и уже в октябре 2018 г. на очередной конференции Шотландской национальной партии Н. Стерджен озвучила позицию, которая заключалась в следующем: Шотландия не должна больше оказываться в таком положении, когда большинство населения голосует за то, чтобы остаться в ЕС, но регион тем не менее вынужден покинуть общее европейское пространство по решению Лондона (Buchan 10 December 2018). Подобные решительные заявления, носящие скрытый подтекст об особом статусе региона, неизбежно остро воспринимаются остальными членами британского политического истеблишмента, и это в очередной раз осложнило взаимодействие с лейбористами.

В таких непростых и неоднозначных условиях в ноябре 2018 г., немногим более года после выборов, между левыми оппозиционными партиями наконец состоялся диалог. Согласно заявлению Н. Стерджен после встречи с Дж. Корбином, ее партия и лейбористы были «полны решимости» представить альтернативу плану премьер-министра по выходу Великобритании из ЕС, которая бы устроила обе стороны (Gourtsoyannis 20 November 2018). Первый министр также встретила с премьер-министром. Результатом всех переговоров

стало заявление об ответственности каждой партии перед своими избирателями и понимание необходимости консолидированного ответа консерваторам: оппозиция знает, чего она хочет, в соответствии с этим и предполагается выстраивать общую траекторию, ради которой обе партии должны на время отставить в сторону взаимную критику (Gourtsoyannis 20 November 2018). Однако стороны, несомненно, понимают всю сложность сложившейся ситуации, и скорее всего им потребуется время для выработки подходящей альтернативы, которая должна соответствовать ожиданиям не только основных противостоящих консерваторам сил – шотландских националистов и лейбористов – но и остальных оппозиционных партий. Так как только в случае полной консолидации левых сил возможно существенное противостояние консервативному блоку. Н. Стерджен отдельно подчеркнула последнее, отметив, что в этом свете ее переговоры с лидерами либерал-демократов и Партии Уэльса выглядят достаточно логичными.

На этом фоне в начале декабря 2018 г. Н. Стерджен вновь призвала Дж. Корбина работать сообща, чтобы ослабить правительство Т. Мэй. Националисты заявили, что дальнейшее откладывание голосования невозможно и является не чем иным, как «политической трусостью», поэтому они готовы поддержать вотум недоверия премьер-министру в случае, если лейбористы, как самая многочисленная политическая группа после консерваторов, решатся его выдвинуть (Buchan 10 December 2018; Sturgeon 10 December 2018). Лейбористы оставили без ответа данное заявление Первого министра.

Волнения и настойчивость шотландских националистов выглядели весьма обоснованными, так как из данного анализа очевидна их глубокая озабоченность вопросами межпартийной консолидации, что во многом помогло бы преодолеть назревший правительственный кризис. Однако очевидно также и то, что остальные оппо-

зиционные партии, и в первую очередь лейбористы, долгое время ограничивались лишь громкими популистскими заявлениями о сотрудничестве, в реальной жизни не предпринимая существенных шагов к сближению.

В этой связи достаточно логичной выглядит позиция, которой Шотландская национальная партия решила придерживаться самостоятельно: если лейбористы и дальше будут заниматься популизмом, колебаться и откладывать принятие решения, националисты готовы самостоятельно вынести вотум недоверия премьер-министру (Sturgeon 19 December 2018; РИА Новости 19 декабря 2018). К ним присоединились Партия Уэльса, либерал-демократы и «зеленые».

Вскоре и лейбористы, осознав шаткость своего политического положения, решили примкнуть к оппозиционной коалиции, и уже прозвучали заявления Дж. Корбина о том, что политика премьер-министра изначально была направлена скорее на сохранение своей политической власти – в партии и в государстве, нежели на должное урегулирование сделки по Брекситу в интересах британского народа. Тереза Мэй уже давно остается «закрытой» для диалога с оппозицией: представители партии лейбористов даже не были приглашены на обсуждения по урегулированию сложившейся ситуации. Корбин пошел дальше, ссылаясь на историческую традицию, согласно которой любой премьер-министр, которому было нанесено столь тяжелое поражение (с 1924 г. ни одно действующее правительство не проигрывало свои реше-

ния с перевесом в 200 голосов), должен подать в отставку (Газета.ру 16 января 2019).

Консерваторы по популярности уступают левым партиям по ряду направлений – налогообложение, расходы на здравоохранение, политика социального жилья – по которым взаимодействие между лейбористами и националистами отнюдь не кажется недостижимым. К тому же у лейбористов и шотландских националистов есть еще одна весьма существенная точка соприкосновения политических интересов – ядерная политика. Дж. Корбин ясно дал понять, что лейбористы настроены против возобновления британской ядерной программы, так называемой «Трайидент», ракеты которой базируются на территории Шотландии (Cowburn 5 October 2018). Н. Стерджин неоднократно подчеркивала свою антиядерную направленность и заинтересованность в построении мира без ядерного оружия.

Безусловно, у обеих партий (у Шотландской национальной в большей степени) сильно развито чувство недоверия друг к другу, осмотрительности и скептицизма, но представляется также, что скорее всего на данном этапе исторического развития можно говорить о возможности точечного взаимодействия между партиями как раз по указанным выше направлениям, которое впоследствии может быть трансформировано в некую коалицию. Следующие выборы в шотландский парламент состоятся в 2021 г., Всеобщие выборы – в 2022 г., но основа для успешного взаимодействия левоцентристских партий (если они действительно этого желают) должна быть заложена уже сейчас.

ЛИТЕРАТУРА

- 19 голосов: Мэй чудом удержалась у власти. 2019 // Газета.ру. 16 января. URL: <https://goo-gl.su/WZQN>
В парламент Британии внесли предложение о вотуме недоверия Мэй. 2018 // РИА новости. 19 декабря. URL: <https://goo-gl.su/vTUcJ1>
Якубова Л.А., Бадалов М.Ф. 2018. Внутренняя миграция в Европейском Союзе и ее последствия в 2000–2014 гг. // Вестник Нижегородского государственного университета 4, 127–135.
BBC News. 2017. Jeremy Corbyn rejects 'progressive alliance' with SNP. 19 April. URL: <https://clck.ru/JYTQN>.

BBC News. 2017. Nicola Sturgeon puts Scottish independence referendum bill on hold. 27 June. URL: <https://clck.ru/JYTRj>.

Buchan L. 2018. Brexit: Sturgeon offers to unit with Corbyn to topple ‘shambles’ government after Theresa May calls off vote on her deal // The Independent. 10 December. URL: <https://goo-gl.su/FI0iDLDr>.

Chishol M. 2017. Malcolm Chishol’s personal account // Twitter. 15 September. URL: <https://clck.ru/JYTTp>.

Cowburn A. 2018. Labour urged to scrap Trident renewal policy to get SNP support for any election deal // The Independent. 5 October URL: <https://goo-gl.su/s0eLbqE>.

General election 2017: full results and analytics. URL: <https://clck.ru/JYTWc> (31.01.2018).

Gourtsoyannis P. 2018. Nicola Sturgeon: SNP, Labour and Tories must form ‘coalition’ to fight Brexit deal // The Scotsman. 20 November. URL: <https://clck.ru/JYTZA>.

Jamieson B. 2018. An SNP-Labour coalition at Westminster is not possible // The Scotsman. 27 September. URL: <https://clck.ru/JYTdh>.

Johnson S. 2017. Scottish labour grandee calls for party to plan for coalition with SNP // The Telegraph. 15 September. URL: <https://goo-gl.su/ccSa>.

Johnson S. 2018. Labour manifesto to rule out second independence referendum, says Richard Leonard // The Telegraph. 23 September. URL: <https://goo-gl.su/VgQCEgU1>.

McCann K. 2017. Jeremy Corbyn refuses to rule out Labour coalition deal with SNP // The Telegraph. 1 June. URL: <https://goo-gl.su/JPk3hMu>

Mortimer C. 2017. Labour could introduce new post-Brexit visa scheme for unskilled workers, leaked paper reveals // The Independent. 31 May. URL: <https://goo-gl.su/yFgur>.

Scottish parliament election 2016 results. URL: <https://clck.ru/JYU2U> (31.01.2018).

Sturgeon N. Nicola Sturgeon’s personal account. 10 December. URL: <https://clck.ru/JYU5A> (2018. 10 Dec.).

REFERENCES

19 golosov: Mei chudom uderzhalas' u vlasti. 2019. In Gazeta.ru. 16 yanvarya. Available at: <https://goo-gl.su/WZQN> (16 January, 2019). (In Russian).

V parlament Britanii vnesli predlozhenie o votume nedoveriya Mei. 2018. In RIA novosti. 19 dekabrya. Available at: <https://goo-gl.su/vTUcJ1> (20 December, 2018.). (In Russian).

Yakubova L.A., Badalov M.F. 2018. Vnutrennyaya migratsiya v Evropeiskom Soyuze i ee posledstviya v 2000–2014 gg. Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta 4, 127–135.

BBC News. 2017. Jeremy Corbyn rejects 'progressive alliance' with SNP. In BBC. Available at: <https://clck.ru/JYTQN> (December 10, 2018).

BBC News. 2017. Nicola Sturgeon puts Scottish independence referendum bill on hold. In BBC. Available at: <https://clck.ru/JYTRj> (June 27, 2019.).

Buchan L. 2018. Brexit: Sturgeon offers to unit with Corbyn to topple ‘shambles’ government after Theresa May calls off vote on her deal. In The Independent. Available at: <https://goo-gl.su/FI0iDLDr> (December 10, 2018).

Chishol M. 2018. Malcolm Chishol’s personal account. In Twitter. Available at: <https://clck.ru/JYTTp> (December 10, 2018).

Cowburn A. Labour urged to scrap Trident renewal policy to get SNP support for any election deal. The Independent. Available at: <https://goo-gl.su/s0eLbqE> (December 10, 2018).

General election 2017: full results and analytics. Available at: <https://clck.ru/JYTWc> (December 10, 2018).

Gourtsoyannis P. Nicola Sturgeon: SNP, Labour and Tories must form ‘coalition’ to fight Brexit deal. The Scotsman. Available at: <https://clck.ru/JYTZA> (December 10, 2018).

Jamieson B. 2018. An SNP-Labour coalition at Westminster is not possible. The Scotsman. Available at: <https://clck.ru/JYTdh> (December 10, 2018).

Johnson S. 2017. Scottish labour grandee calls for party to plan for coalition with SNP. The Telegraph. Available at: <https://goo-gl.su/ccSa> (December 10, 2018).

Johnson S. 2018. Labour manifesto to rule out second independence referendum, says Richard Leonard. In The Telegraph. Available at: <https://goo-gl.su/VgQCEgU1> (December 10, 2018).

McCann K. 2017. Jeremy Corbyn refuses to rule out Labour coalition deal with SNP. In The Telegraph. Available at: <https://goo-gl.su/JPk3hMu> (December 10, 2018).

Mortimer C. 2017. Labour could introduce new post-Brexit visa scheme for unskilled workers, leaked paper reveals. In The Independent. Available at: <https://goo-gl.su/yFgur> (December 10, 2018).

Scottish parliament election 2016 results. Available at: <https://clck.ru/JYU2U> (December 10, 2018).

Sturgeon N. Nicola Sturgeon’s personal account. Available at: <https://clck.ru/JYU5A> (December 10, 2018).

D. A. Kozlova
Rostov-on-Don, Russia

SNP – LABOUR COALITION: A DREAM OR A REALITY?

Abstract. This article is an attempt to analyse the collaboration between the Labour and the Scottish nationalists in the context of the formation of the modern British political agenda. The participants of the British political space, being concerned about the questions of the United Kingdom leaving the European Union, inevitably face a number of challenges, and the problem of their internal interaction remains one of the most significant. Opposition parties are at an impasse: the Brexit negotiations seem as good as paralysed. The Prime Minister is being put in a very difficult position: a motion of no confidence in December, the failure of her proposals for the Brexit deal in January. The ruling conservative party itself is deeply divided. Every now and then there are some calls for a second United Kingdom European Union membership referendum. And in that event, to which extent is the opposition coalition possible – the Labor Party and the Scottish nationalists? And if so, what are its future prospects?

Key words: Scottish national party; Labour party; Nicola Sturgeon; Jeremy Corbyn; Brexit; referendum; European Union.

About the author: Diana Anatolyevna Kozlova, Candidat of Historical Sciences, senior lecturer.

Place of employment: Higher School of Business of the Southern Federal University.

Козлова Д.А. Шотландская национальная партия – лейбористы: коалиция – утопия или реальность? // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2019. № 3. С. 17–23.

Kozlova D.A. SNP – labour coalition: a dream or a reality? // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2019. No. 3. P. 17–23.

УДК 94(430)

Л. Н. Беспалова
Нижневартовск, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК РЕСУРС ДЛЯ СОЦИАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ ГЕРМАНИИ В 70-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье анализируется роль политических партий и иных политических ресурсов в условиях социального реформирования Германской империи в 70-е гг. XIX в. Автор относит к политическим ресурсам не только политические партии и движения, но и профессиональные объединения, предпринимательские группы, демонстрирующие определенную степень социальной ответственности. Указанный период во внутренней политике рейхсканцлера О. Бисмарка был отмечен активным поиском единомышленников в лице представителей различных политических партий, экономистов, крупных промышленников для разработки и проведения социальных реформ. Автор показал, что в поисках социальной опоры общегерманского государства О. Бисмарк продемонстрировал умение лавировать между политическими партиями и группами, предпринимательскими и иными социальными слоями. В статье акцентируется внимание на стратегии рейхсканцлера, которая состояла в снижении остроты политических и социальных проблем, создании социального баланса между различными общественными слоями. Автор особо отмечает, что глава правительства Германской империи не только стремился за счет социальных уступок изолировать рабочий класс от социал-демократии, но и путем социального реформаторства сохранить мир и согласие в новом, индустриальном немецком обществе, открыть дорогу к его консолидации, а затем и стабильности. Автор уделяет особое внимание структуре, организации и влиянию партий. Представлены статистические сведения о процентном соотношении избирателей, голосовавших за ту или иную партию, а также о количестве полученных по результатам выборов в парламент депутатских мандатов. Интерес представляет характеристика политических программ различных партий.

Ключевые слова: партия; либералы; консерваторы; прогрессисты; социал-демократы; Отто фон Бисмарк; парламент; рейхстаг; юнкерство.

Сведения об авторе: Людмила Николаевна Беспалова, старший преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижневартковский государственный университет.

Контактная информация: 628605, Россия, г. Нижневартковск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)27-35-10, e-mail: biespalova_80@mail.ru.

Путь к социальному реформированию, заключавшемуся прежде всего в выработке законодательной базы, всегда сопровождается немалыми трудностями. Перед государственными властями встают проблемы, связанные с политическими ресурсами создания нормативно-правового фундамента. В тогдашних германских условиях к политическим ресурсам можно отнести в первую очередь политические партии и движения, профессиональные объединения, предпринимательские группы, демонстрирующие определенную степень социальной ответственности.

В Германской империи в рассматриваемое время продолжался процесс формирования многопартийной системы как суммы политических партий.

Правая сторона политических сил Германии имела консервативный характер – этот вывод можно сделать на основе выборов в 1871 г., где консерваторы получили 23% голосов и 94 мандата в парламент (Бонвеч 2008b: 270). В декабре 1870 г. появляется католическая немецкая партия Центра. Ее название было заимствовано от другой существовавшей ранее (50–60-е гг.) католической фракции, которая работала в парламенте Пруссии. Впрочем, прямой организационной связи Центра с политическими и идеологическим предшественниками не прослеживается, полагает О.В. Ольховская в своей диссертации (Ольховская 2014: 73). Название партии – Центр, часто используемое в политической и обыденной лексике, ничего общего не имеет с центристской позицией. Немецкая партия Центра была на правом крае партийного поля в Германии.

Наибольшее политическое влияние Центр имел на юге и западе империи, а так же в Эльзасе, Лотарингии и польских землях, где проживало значительное число католиков. Организовывая свою деятельность

по религиозному принципу, Центр смог себе обеспечить широкую базу поддержки населения, не в последнюю очередь потому партия не ориентировалась на определенные социальные группы.

Немецкую партию Центра на парламентских выборах 1871 г. поддержали 18,6% избирателей – 724 тыс. человек из более 4 млн имеющих право голоса, через три года (1874) – 27,9% (1 млн 446 тыс. человек); количество мандатов партия увеличила с 63 до 91 (Ritter, Niehuss 1980: 38).

Центр имел строгую организацию, чего нельзя сказать о либеральных партиях. В распоряжении партии была разветвленная сеть католических союзов и объединений (Salomon 1924: 25). Основные лозунги Центра строились на вечных постулатах христианства, которое основывалось на традициях и обычаях. Традиционализм воспринимал индустриализацию, научно-техническое развитие, идеи социализма и либерализма негативно, выступал за возвращение к христианскому образу жизни. Так же они решительно осуждали излишний контроль О. Бисмарка над обществом, подчеркивая необходимость защиты суверенитета католиков (Specht 1898: 352).

Что касается «устранения социальной несправедливости и поддержки всех интересов рабочего сословия», то немецкая партия Центра предлагала в своей программе от 30 июня 1870 г. достичь этого «посредством здорового христианского воспитания» (Бонвеч 2008b: 252). В новой партийной программе, обнародованной в феврале 1871 г., предлагались уже конкретные социальные меры: организация рабочего сословия и ремесленников на корпоративных началах; законодательная защита женского и детского труда от эксплуатации их властью капитала; защита трудящихся посредством издания законов о рабочем времени и воскресном отдыхе; защита здоровья и жи-

лиц, принадлежащих трудящимся в рабочих поселках; учреждение инспекции, контролирующей соблюдение законов о защите рабочего сословия» (Бонвеч 2008b: 262).

Резюмируя суждения о партии Центра, можно согласиться с О.В. Ольховской, которая утверждала, что эта партия фактически отстаивала «идею создания социально ориентированного государства и общества» (Ольховская 2014: 73).

Еще одной консервативной партией парламента была Партия свободных консерваторов, ставшая потом Немецкой имперской партией; она имела в рейхстаге 37 мандатов. Партия не могла похвастаться широкой социальной базой, но обладала хорошей организацией и влиянием. На выборах 1874 г. за партию проголосовали 376 тыс. избирателей (7,2%); количество мандатов партии уменьшилось до 33 (Ritter, Niehuss 1980: 38).

Немецкая имперская партия стояла на защите интересов крупных землевладельцев и промышленников Вестфалии и Рурской области, а потому ее в прессе и в широких кругах общественности называли «союзом ржи и стали». Партии симпатизировало высшее чиновничество. В 70-е и 80-е гг. XIX в. партия инициировала повышение таможенных тарифов. Немецкая имперская партия полностью поддерживала стремления рейхсканцлера объединить Германию и сохранить существующий политический строй (Треуе 1956: 61–62). Одним словом, Бисмарк мог всегда рассчитывать на свободных консерваторов при проведении своей политики социального реформирования.

С 1876 г. на правом фланге политического поля Германии находилась Немецкая консервативная партия (НКП). Она была в почете среди юнкерства, прусской бюрократии и офицерства, духовенства и зажиточного крестьянства. Налаживались отношения партии с населением через деятельность профессиональных политиков. На парламентских выборах 1877 г. НКП получила значительную поддержку. НКП очень

рьяно боролась с другими политическими силами империи. В своей программе, которая вышла в 1876 г., партия заявила о необходимости борьбы с социалистическими учениями (История Германии 2008b: 262–263), а также о целесообразности разработки «хорошего рабочего законодательства», которое могло бы обеспечить «мирное сотрудничество работодателей и работников» (Бонвеч 2008b: 263). НКП в 1893 г. помогла сельским жителям создать «Союз сельских хозяев», подталкивая в его ряды мелкое и среднее крестьянство.

В результате такого симбиоза с «Союзом сельских хозяев» НКП удалось массово расширить социальную базу партии. К тому же НКП не считала зазорным брать на вооружение некоторые лозунги из народнической идеологии «крови и почвы» и даже из антисемитизма. Одним словом, НКП обладала большим политическим весом в рейхстаге.

Антагонистами консерваторам были либеральные партии. В 1870-е гг. самой влиятельной их них была Национал-либеральная партия (НЛП) (Устинова 2011: 201); в 1871 г. на выборах в имперский парламент НЛП получила 30% голосов, создав самую большую фракцию (125 депутатов); на следующих выборах 1874 г. она набрала 29,7% голосов (155 мандатов) (Бонвеч 2008b: 270). Ее базу составляли представители крупных промышленных и торговых предпринимателей, бюрократов и буржуазной интеллигенции. Они были приверженцами централизованной Германии, поэтому поддерживали О. Бисмарка, однако считали, что нужно учитывать специфику регионов. Несмотря на то, что в 1870-е гг. представители НЛП имели парламентское большинство, они не стремились ограничивать авторитарную политику канцлера.

Социальному вопросу НЛП не уделяла много внимания. Изначально они заявляли, что государство не должно вмешиваться в социально-экономические отношения, но экономический кризис 70-х гг.

расколол партию на два противоборствующих лагеря, из-за чего уровень ее влияния в парламенте значительно снизился. Спор между партийцами заключался в проведении политики протекционизма, где только половина поддержала ее проведение. В итоге вектор партии постепенно переместился вправо. Для сохранения своей политической силы НЛП поддержала политику колониальной экспансии и усиления военно-промышленного комплекса.

Левее НЛП на политическом поле Германии находилась Немецкая прогрессистская партия, занимавшая в парламенте 46 мандатов (Ritter, Niehuss 1980: 38). Партию поддерживали представители средних и мелкобуржуазных слоев. Когда во главе партии стоял О. Рихтер, ее курс был направлен на критику чрезмерной бюрократизации и централизации общества; он предлагал создать контроль парламента над правительством, где исполнительная власть была бы обязана вести отчетность о своих действиях. Когда пришел новый лидер партии Ф. Науманн, были предприняты робкие попытки наладить контакты с социал-демократами, однако большая часть партии отнеслась к этому негативно.

На политическом ландшафте Германии в рассматриваемое время находилась и Немецкая народная партия, созданная в 1868 г. Она стояла в оппозиции к Бисмарку с момента создания Германской империи. Немецкая народная партия на выборах 1971 г. набрала немного – 0,5%. И лишь один представитель этой партии был в рейхстаге (Ritter, Niehuss 1980: 38). Тем не менее, голос партии был слышен; она была известна критикой прусско-германской монархии, настойчиво требовала демократических реформ, в частности, выступала за усиление полномочий рейхстага, который не участвовал по конституции в формировании правительства и не оказывал нужного влияния на политику исполнительной власти. Немецкая народная партия была самой левой среди немарксистских партий и располагалась ближе всего к социал-де-

мократам из центристских партий. Это была единственная либеральная партия, сотрудничавшая с социалистами в рейхстаге.

И наконец, на левом фланге партийного поля Германии была Социал-демократическая рабочая партия (СДРП), созданная в 1869 г. В 1871 г. на выборах в рейхстаг за партию проголосовало 124 тыс избирателей (3,2%); этот результат позволил им иметь в рейхстаге двух своих представителей (Бонвеч 2008b: 270). В последующие годы партия набирала политический вес: после выборов 1874 г. СДРП, получив 6,8% (352 тыс. голосов), стала обладать 9 мандатами. В 1875 г. после объединения с Всеобщим германским рабочим союзом СДРП стала называться Социал-демократической партией Германии (СДПГ). На выборах 1877 г. за партию уже проголосовали почти полмиллиона избирателей; фракция социалистов увеличилась до 12 человек (Ritter, Niehuss 1980: 38).

Итак, можно заключить, что политический ресурс в виде политических партий, в большей или меньшей степени демонстрирующих свою заинтересованность в решении социальных проблем, в Германии присутствовал. Бисмарку предстояло приложить громадные усилия для того, чтобы вместе с политическими партиями, заинтересованными в разрешении социально-политического конфликта, приступить к созданию социального законодательства в парламенте страны – рейхстаге.

Что касается изложения характера взаимоотношений Бисмарка и рейхстага, то в исторической литературе преобладает, к сожалению, картина крайне негативного отношения рейхсканцлера к парламенту. Историки еще времен императорской России, в частности В.Н. Ренненкампф, считали, что рейхсканцлер и его сторонники «придерживались мысли о том, что лишь сильная и независимая монархическая власть способна защитить каждого и вести общество к высшим целям, лишь она, а не парламентарии с их мелкими частными интересами, является истинной выразитель-

ницей народной воли» (Ренненкампф 1890: 126). Здесь необходимо уточнить: Бисмарк, воспитанный семьей и окружением как монархист, тем не менее, на протяжении всей своей жизни являлся приверженцем ограниченной конституционной монархии.

Современные российские исследователи не соглашались с утверждениями о том, что Бисмарк был «решительным противником парламентской системы» (Чупрова 2009: 280). Бисмарк считал парламент таким государственным учреждением, которое объединяет в себе силы, способные противостоять центробежным тенденциям (Бисмарк 1940b: 275). Учитывая нерешительность императора в отстаивании своей позиции, рейхсканцлер полагал, что «царя легче обмануть, чем парламент» (Бисмарк 1940b: 195). Он осознавал необходимость и полезность наличия рейхстага в Германии для ограничения монархии и сепаратизма династий. В значительной степени этому сдерживанию могли помогать, по мнению Бисмарка, умеренно действующие оппозиция и пресса (Бисмарк 1940a: 12).

Вместе с тем, Бисмарк опасался чрезмерного усиления влияния оппозиции в парламенте, и чтобы «притупить острие» этого влияния, считал важной для себя задачей не допустить «господства парламента в империи» (Бисмарк 1940b: 57). По требованию канцлера император даже несколько раз распускал парламент, если он вдруг не поддерживал какой-либо законопроект. Но причина роспусков рейхстага заключается не только в «неповиновении» канцлеру; Бисмарк полагал, что «своевременный роспуск после явных эксцессов большинства – средством весьма целительным и самым верным ... для восстановления здорового кровообращения» (Бисмарк 1940a: 171). Кроме того, Бисмарк пытался сдерживать рейхстаг стимулированием работы других госучреждений, например, государственного совета Пруссии, организацией Совета народного хозяйства, расширением комиссий в бундесрате.

В своих выступлениях в парламенте Бисмарк предупреждал, что внутри законодательной власти борьбы фракций быть не должно, поскольку, по его мнению, от этого страдает вся Германская империя. Борясь друг с другом за власть, фракции забывают, как считал рейхсканцлер, о главных задачах страны, создавая такие политические программы, которые будут составлены не для государства, а ради борьбы с конкурентом (Бисмарк 1940b: 148). Бисмарк резко критиковал некоторых депутатов за то, что они не работают внимательно и усердно с законопроектами, погружившись лишь во фракционную борьбу, слепо почитая своих партийных вождей и т. п. (Бисмарк 1940 b: 248).

Рейхсканцлер нуждался в поддержке таких депутатов парламента, которые могли помочь ему бороться с сепаративными тенденциями и ограничить возможное своеволие со стороны исполнительной власти. Для Бисмарка законодательная власть должна была занимать важное место; именно рейхстаг должен был разработать законодательство, относящееся к жгучим тогда социальным проблемам в Германии. Безусловно, идеи социального реформирования Бисмарка могли реализоваться только в рейхстаге.

Для принятия социального законодательства Бисмарку надо было подключить и еще один политический ресурс – предпринимательские классы, или, как тогда говорили и писали, «предпринимательские группы». Необходимо было создать прочную социальную опору общегерманского государства. Это была довольно сложная задача – рейхсканцлеру нужно было умело лавировать между политическими партиями и группами, предпринимательскими и иными социальными слоями.

С начала 1870-х гг. глава правительства Германской империи стал тесно общаться с крупными финансистами и промышленниками, используя их в своих социально-политических целях. Рейхсканцлер и сам был предпринимателем; в своем

имении Варцин он владел двумя бумажными фабриками (Pflanze 2008: 36).

Главу немецкого правительства сблизили с промышленниками общие интересы в сфере экономического законодательства, стремление к развитию промышленности, потребность в защите предпринимательства от демократического движения, успехи в войнах с Францией и, наконец, создание единой империи.

Объединение Германии, как по национальным, так и по экономическим причинам, в предпринимательских кругах было встречено с восторгом. Первоначально осторожная позиция биржи при подписке на первый военный заем в 1870 году, явно продемонстрировавшая недоверие финансовых кругов государству, уступила место убежденности в целесообразности бисмарковского государственного порядка и – без основания – в политическом величии главы правительства. Предприниматели стали рассматривать прусскую армию, для развития которой О. Бисмарк испрашивал у них финансы, как приоритетное политическое средство для решения национального вопроса. Они осознали, что для достижения экономического единства Германии необходимы сильная армия и военно-морской флот, которые позволят экономике и торговле государства развиваться без страха перед иностранным вмешательством (Zunkel 1962: 228–229).

Поддержка предпринимательства позволила рейхсканцлеру сблизиться со Свободно-консервативной партией, отстаивавшей интересы крупных промышленников (Zunkel 1962: 230). Бисмарк мог рассчитывать на свободных консерваторов в политике противодействия излишне активным, по мнению рейхсканцлера, сторонникам либеральных реформ (Gall 1982: 323).

В первой половине XIX в. предприниматели вынуждены были бороться за свое признание в обществе со знатью, ремесленным и сельскохозяйственным сословием, служащими. Они не имели традиций, их происхождение от надомников или ско-

пивших скромный капитал мастеров, сделало их непритязательными и беспощадными по отношению к себе и другим. В отношении своих работников они в основном не признавали никаких иных обязанностей, кроме выплаты заработной платы.

Жесткая конкурентная борьба, нехватка капитала и ликвидных средств, трудности сбыта препятствовали развитию их социальных установок. Из-за относительно благополучного положения промышленных рабочих в сравнении с сельскохозяйственными рабочими и поденщиками многим предпринимателям социальная политика казалась ненужной.

Тем не менее, отдельные немецкие промышленники вскоре после начала индустриализации начали заниматься производственными и внепроизводственными социальными проблемами, разработкой и реализацией социально-политических программ. Немецкий экономист Г. Геркнер написал в своем труде «Рабочий вопрос»: «Едва ли можно обнаружить социальную реформу, в осуществлении которой также работодатели ... не приняли бы участие».

Среди немецких предпринимателей XIX в. социально-политической активностью отличались Э. Аббе, Р. Бош, Г. Фризе, В. фон Функе, В. Охельхойзер, А. Крупп, барон К.Ф. фон Штумм-Гальберг, Л. Бааре и др.

Социально-политические концепции предпринимателей балансировали между двух полюсов. Одну сторону представляли А. Крупп и барон фон Штумм-Гальберг, другую – Э. Аббе.

А. Крупп и К.Ф. фон Штумм-Гальберг были представителями того патриархально-антидемократического, социал-феодалистского предпринимательства, которое активно поддерживал О. Бисмарк. С одной стороны, они признавали социальные обязанности по отношению к своему персоналу и щедро создавали социальные учреждения (Althammer, Lampert 2014: 43–45). Так, созданные А. Круппом учреждения в середине XIX в. считались образцовыми.

Особенно известной стала его больничная касса (Wurm 1975: 62).

С другой стороны, занимая в феодально-аристократической манере жесткую позицию хозяина в доме, эти магнаты промышленности требовали дисциплины и послушания и верили в свое право опекать своих «подопечных» даже вне предприятия. Они отказывали своим работникам не только в праве голоса на заводе, но и стремились сделать их политически бесправными, препятствуя созданию рабочих объединений, профсоюзов и рабочих партий (Althammer, Lampert 2014: 43–45).

Напротив, Э. Аббе – опережая свое время – представлял демократическую, ориентированную на идею социального правового государства социально-политическую концепцию. Для него были естественными право на самоопределение для рабочих, защита человеческого достоинства, право рабочих на политическую деятельность, участие в управлении предприятием, участие в прибыли. В соответствии с этими принципами им была основана в 1889 г. фирма «Карл Цейсс Штифтунг», более известная как фонд имени Карла Цейсса. Целями этого благотворительного фонда являлись забота о развитии отраслей наукоемкой промышленности и оказание помощи в проведении научных работ в области математики и образования путем передачи средств университету в Йене (Althammer, Lampert 2014: 43–45).

Достаточно результативные социально-политические связи О. Бисмарк имел с «саарским угольным королем» К.Ф. фон Штумм Гальбергом и генеральным директором фирмы «Бохумерферайн» Л. Бааре. Эти связи еще более убедили Бисмарка в необходимости обязательного государственного страхования.

С некоторыми политическими партиями Бисмарк вел довольно жесткую дискуссию. К примеру, в 70-е гг. у него не складывались должные отношения с консервативной партией, поскольку та выступала в поддержку крупных аграрных соб-

ственников, которых Бисмарк, по большей части, относил к «непроизводящим классам», «бесполезным трутням» немецкого общества, не желающим управлять собственными землями. «Землевладелец, который живет в сельской местности, еще не самое плохое, самое плохое – это крупный землевладелец, который живет в городе, будь это Париж, Рим или Берлин, и от своих земель и владений требуют лишь денег, не представляя их в парламенте и даже не зная, как там идут дела. В этом состоит беда латифундий. Латифундии, чьи собственники живут на селе, при известных условиях являются большим благом и очень полезны» (Dove 2017: 281).

К так называемым «производящим народным классам» Бисмарк относил землевладельцев, промышленников и торговцев, сельскохозяйственных рабочих, ремесленников, т. е. те общественные слои, которые поддерживали существующий государственный порядок и, соответственно, были заинтересованы в его сохранении. От них он ожидал, что они не будут выдвигать политические теории, а отстаивать будут не «эгоистические» партийные, а практические экономические интересы (Born 1988: 76).

В 1875–1876 гг. Германия вступила в фазу стагнации, известную как «грюндерский кризис». Пострадали прежде всего металлургическая и текстильная промышленность от иностранной конкуренции. Ее представители возлагали ответственность за кризис сбыта на либеральную таможенную политику.

Вскоре промышленность получила поддержку от сельского хозяйства, прежде выступавшего за свободную торговлю. Мотивы для нового движения в пользу покровительственных пошлин были основаны на начавшемся в 70-е гг. структурном аграрном кризисе. Во-первых, из-за роста населения Германия превратилась из страны, экспортирующей зерно, в импортирующую. Во-вторых, облегчение транспортировки по всему миру привело к тому, что

восточноевропейские и трансатлантические страны стали составлять конкуренцию немецким сельхозпроизводителям на внутреннем рынке. Благодаря невысоким издержкам производства зарубежные поставщики продавали по более низким ценам, чем немецкие производители.

В таких условиях юнкерство требует защиты своих экономических интересов. В 1879 г. крупные землевладельцы выдвинули лозунг «Защита национального труда» и потребовали от правительства субсидировать юнкерские хозяйства (Бонвеч 2008а: 22–23).

В то время как прусский министр торговли без портфеля, президент канцелярии имперского канцлера и его правая рука Р. Дельбрюк и министр финансов Пруссии О. фон Кампгаузен к аграрно-индустриальному движению в пользу покровительственных пошлин отнеслись негативно, сам О. Бисмарк изменил свой курс за свободную торговлю и стал выступать за пересмотр тарифов, инициировав тем самым новую фазу протекционизма.

Цель реформы состояла в том, чтобы вернуть внутри страны спрос на местную промышленную и аграрную продукцию. Ставки таможенных пошлин по пересмотренным в 1879 г. тарифам оставались в целом ниже тех, которые существовали до этапа свободной торговли. Сутью реформы было восстановление ввозных таможенных пошлин на такое необходимое сырье и полуфабрикаты, как чугун, скот, зерно и пряжа.

Металлургическая промышленность добилась 20% покровительственной пошлины на сырье, в то время как сельское хозяйство – лишь 5–6% хлебной пошлины. В том числе благодаря хлебной пошлине О. Бисмарк надеялся обеспечить значительный рост доходов империи. Импорт зерна по его плану следовало не запретить полно-

стью, а использовать в фискальных нуждах. Для империи пошлина образовала важнейший источник доходов, в то время как политика свободной торговли долгое время вела к финансовым потерям.

Тем самым, цель главы правительства по консолидации молодой империи не в последнюю очередь зависела от успеха его таможенной политики. Сверхплановая выручка в 82,2 млн марок превысила все ожидания. Удачная в налоговом отношении реформа таможенных тарифов в итоге привела к тому, что империя смогла справиться с растущими финансовыми потребностями, возникшими из-за возросших расходов в оборонном секторе и сфере социальной политики (Handwörterbuch der wirtschaftswissenschaft 1982: 655).

К 1879 г. О. Бисмарк добился с помощью покровительственных тарифов союза крупных предпринимателей и землевладельцев, т. е. объединения финансовой и социальной элиты. Он также убедился, к собственному удовлетворению, что покровительственные тарифы способствуют падению цен на промышленную продукцию, став бременем для иностранного производителя, но не немецкого потребителя, а также эффективно защищают внутренний рынок от иностранной конкуренции, способствуя увеличению прибыли немецких работодателей и повышению зарплат немецким рабочим. Таким образом, «покровительственные тарифы» О. Бисмарка следует рассматривать в рамках социальной политики.

Итак, Бисмарк, преобразуя разнонаправленные интересы в устойчивый политический альянс, лавируя между различными социальными слоями и политическими группами, руководствовался целью создания надежной социальной опоры общегерманского государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Бисмарк О.* 1940а. Мысли и воспоминания: В 3 т. / Пер. с нем. под ред. проф. Л.С. Ерусалимского. М.: ОГИЗ. Т. 1.
- Бисмарк О.* 1940б. Мысли и воспоминания: В 3 т. / Пер. с нем. под ред. проф. Л.С. Ерусалимского. М.: ОГИЗ. Т. 2
- Бонвеч Б.* 2008а. История Германии: В 3 т. Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: КДУ.
- Бонвеч Б.* 2008б. История Германии: В 3 т. Т. 3: Документы и материалы / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: КДУ.
- Ольховская О.В.* 2014. Партия «Центр» в Германии 70-х годов XIX века: организация, идеология, политическая практика: Дис. ... канд. ист. наук. Брянск.
- Ренненкампф В.Н.* 1890. Конституционные начала и политические воззрения Бисмарка. Киев: Тип. высоч. утв. Т-ва Кушнерев и К^о в Москве, Киевское отд.
- Устинова Ю.Н.* 2011. Национал-либеральная партия в политической жизни Германии: 1871–1878 годы: Дис. ... канд. ист. наук. Брянск.
- Чупрова О.В.* 2009. Взгляды О. Бисмарка на место и роль законодательной власти в Германии во второй половине XIX века // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. Вып. 4, 309–312.
- Althammer J.W., Lampert H.* 2014. Lehrbuch der Sozialpolitik. Berlin Heidelberg Springer: Verlag Berlin Heidelberg.
- Born K.E.* 1988. Kräfte und Ideen // hrsg. von Hohmann K., Wünsche H. F. Grundtexte zur sozialen Marktwirtschaft. Bd. 2. Das Soziale in der Sozialen Marktwirtschaft. Stuttgart/New York: Gustav Fischer Verlag.
- Dove A.* 2017. Fürst Bismarck als Redner: Die Reichstagsession von 1884/85. Salzwasser: Verlag Verone.
- Gall L.* 1982. Bismarcks Preußen, das Reich und Europa // Historische Zeitschrift. Bd. 234. H. 2. Berlin: Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH.
- Handwörterbuch der wirtschaftswissenschaft (HdWW). 1982. Bd. 9. Wirtschaft und Politik bis Zölle, Nachtrag / Zottmann A. (Redaktion). Tübingen: Gustav Fischer – J.C.B. Mohr, Göttingen und Zürich: Vandenhoeck und Ruprecht.
- Pflanze O.* 2008. Bismarck: Der Reichskanzler. München: Verlag C.H. Beck.
- Ritter G.A., Niehuss M.* 1980. Wahlgeschichtliches Arbeitsbuch. Materialien zur Statistik des Kaiserreich 1871–1918. München: C.H. Beck, 38–43.
- Salomon F.* 1924. Die deutschen Parteiprogramme vom Erwachen des politischen Lebens in Deutschland bis zur Gegenwart. Heft 2. Im deutschen Kaiserreich 1871–1918. Leipzig.
- Specht F.* 1898. Die Reichstags Wahlen von 1867 bis 1897. Eine Statistik der Reichstagswahlen nebst den Programmen den Parteien und dem Verzeichniß der gewählten Kandidaten. Berlin.
- Treue W.* 1956. Deutschen Parteiprogramme 1861–1956. Göttingen.
- Wurm F.F.* 1975. Wirtschaft und Gesellschaft in Deutschland 1848–1948. Opladen: Leske Verlag,
- Zunkel F.* 1962. Der Rheinisch-Westfälische Unternehmer 1834–1879. Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Bürgertums im 19. Jahrhundert. (Dortmunder Schriften zur Sozialforschung). Bd. 19. Köln und Opladen: Westdeutscher Verlag.

REFERENCES

- Bismark O.* 1940. Mysli i vospominaniya. Vol. 1. Moscow. (In Russian).
- Bismark O.* 1940. Mysli i vospominaniya. Vol. 2. Moscow. (In Russian).
- Bonvech B.* 2008. Istoriya Germanii. Vol. 2. In Ot sozdaniya Germanskoi imperii do nachala XXI veka. Moscow. (In Russian).
- Bonvech B.* 2008. Istoriya Germanii. Vol. 3. In Dokumenty i materialy. Moscow. (In Russian).
- Ol'khovskaya O.V.* 2014. Partiya "Tsentr" v Germanii 70-kh godov XIX veka: organizatsiya, ideologiya, politicheskaya praktika: candidate's thesis. Bryansk. (In Russian).
- Rennenkampf V.N.* 1890. Konstitutsionnye nachala i politicheskie vozzreniya Bismarka. Kiev. (In Russian).
- Ustinova Yu.N.* 2011. Natsional-liberal'naya partiya v politicheskoi zhizni Germanii: 1871–1878 gody: candidate's thesis. Bryansk. (In Russian).
- Chuprova O.V.* 2009. Vzglyady O. Bismarka na mesto i rol' zakonodatel'noi vlasti v Germanii vo vtoroi polovine XIX veka. Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. Yuridicheskii zhurnal. Issue. 4, 309–312. (In Russian).
- Althammer J.W., Lampert H.* 2014. Lehrbuch der Sozialpolitik. Berlin Heidelberg Springer: Verlag Berlin Heidelberg.
- Born K.E.* 1988. Kräfte und Ideen. New York.

- Dove A.* 2017. Fürst Bismarck als Redner: Die Reichstagssession von 1884/85. Salzwasser.
- Gall L.* 1982. Bismarcks Preußen, das Reich und Europa. Historische Zeitschrift. Bd. 234. H. 2. Berlin. Handwörterbuch der wirtschaftswissenschaft (HdWW). 1982. Bd. 9. Wirtschaft und Politik bis Zölle, Nachtrag. In Tübingen: Gustav Fischer - J.C.B. Mohr, Göttingen und Zürich: Vandenhoeck und Ruprecht.
- Pflanze O.* 2008. Bismarck: Der Reichskanzler. München.
- Ritter G.A., Niehuss M.* 1980. Wahlgeschichtliches Arbeitsbuch. In Materialien zur Statistik des Kaiserreich 1871–1918. München, 38–43.
- Salomon F.* 1924. Die deutschen Parteiprogramme vom Erwachen des politischen Lebens in Deutschland bis zur Gegenwart. Heft 2. Im deutschen Kaiserreich 1871–1918. Leipzig.
- Specht F.* 1898. Die Reichstags Wahlen von 1867 bis 1897. Eine Statistik der Reichstagswahlen nebst den Programmen der Parteien und dem Verzeichniß der gewählten Kandidaten. Berlin.
- Treue W.* 1956. Deutschen Parteiprogramme 1861–1956. Göttingen.
- Wurm F.F.* 1975. Wirtschaft und Gesellschaft in Deutschland 1848–1948. Opladen.
- Zunkel F.* 1962. Der Rheinisch-Westfälische Unternehmer 1834–1879. Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Bürgertums im 19. Jahrhundert. (Dortmunder Schriften zur Sozialforschung). Bd. 19. Köln und Opladen: Westdeutscher Verlag.

L. N. Bepalova
Nizhnevartovsk, Russia

GERMAN POLITICAL PARTIES AS A RESOURCE FOR SOCIAL REFORM IN GERMANY IN THE 70^S OF THE XIX CENTURY

Abstract. The paper analyzes the role of political parties and other political resources in the context of social reform in the German Empire in the 1870s. Not only political parties and movements, but also professional associations, entrepreneurial groups that demonstrate a certain degree of social responsibility are referred to political resources. The indicated period in Reich Chancellor O. Bismarck's domestic policy was marked by an active search for like-minded people represented by representatives of various political parties, economists, and large industrialists for social reforms development and implementation. It is proved that in search of the all-German social support, O. Bismarck demonstrated the ability to maneuver between political parties and groups, business and other social strata. The study focuses on Reich Chancellor's strategy was aimed at reducing the severity of political and social problems and creating a social balance between different social strata. The author emphasizes that the head of the German government not only sought to isolate the working class out of the social democracy through social concessions, but also to maintain peace and harmony in new industrial society, open the way to its consolidation, which was supposed to come to stability through social reforms. The author pays particular attention to the structure, organization and influence of the political parties. The study provides the statistical data on the share of voters who voted for the parties and the number of deputy mandates received from the results of general elections, as well as describes various political programs.

Key words: party; liberals; conservatives; progressives; social democrats; Otto von Bismarck, parliament; Reichstag; cadets.

About the author: Lyudmila Nikolaevna Bepalova, Senior Lecturer of the Department for Documentation Studies and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Беспалова Л.Н. Политические партии как ресурс для социального реформирования Германии в 70-е годы XIX века // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2019. № 3. С. 23–32.

Bepalova L.N. German political parties as a resource for social reform in Germany in the 70^s of the XIX century // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2019. No. 3. P. 23–32.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА КАЗАХОВ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ СТЕПНОГО ФРОНТИРА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются процессы изменения образа казахов в российской общественно-политической мысли XIX в. Сложные отношения с казахами, которые, несмотря на формальное вхождение в состав Российской империи, представляли серьезную угрозу для русских приграничных жителей, обусловили первоначальное представление о казахах как об агрессивном и враждебном народе. Однако прекращение пограничных конфликтов и нападений казахов на казачьи поселения и пограничную линию, более близкое знакомство с казахами вытеснило враждебный образ «чужого» на более привлекательный образ «другого» – немного наивного и легкомысленного, но щедрого, гостеприимного, любознательного и добродушного народа. Завоевание Средней Азии поставило перед русской администрацией задачу инкорпорирования этого региона в состав Российской империи. Казахи стали рассматриваться как союзники, с помощью которых надеялись облегчить этот процесс. В образе казахов приоритетными становятся интеллектуальные способности («смышленость», «понятливость», «любопытность»), стремление к образованию, кажущаяся религиозная индифферентность («отсутствие косного фанатизма»), позитивные отношения к русским («расположенность к России») – черты, которые позволяли большинству представителей власти надеяться на сравнительно быструю инкорпорацию степняков в российский социум.

Ключевые слова: казахи; российская политика в отношении казахов; пограничные конфликты; «образ другого»; ислам; вестернизация; инкорпорация Средней Азии в состав Российской империи.

Сведения об авторе: Светлана Витальевна Горбунова, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628616, Россия, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3б, каб. 310; тел. 8(912)934-32-86, e-mail: s.v.gorbunova@mail.ru.

Присяга знати Младшего и Среднего жузов Анне Ивановне, положившая начало присоединения казахов к России, не привела к прекращению взаимных нападений, грабежей, убийств между степняками и русскими приграничными жителями. Правительство, придерживаясь политики невмешательства во внутренние дела казахов, ограничилось строительством линии укреплений. «Открылось зрелище ... едва ли виданное до тех пор на памяти истории, – писал В.В. Григорьев, – от новых подданных своих нашлись мы вынужденными ограждать себя линиями крепостей с многочисленными гарнизонами» (Григорьев 1874: 248). Но нападения, теперь уже на саму пограничную линию, продолжались. Похищения людей с целью продажи их в среднеазиатские ханства стали настоящим промыслом казахских барымтачей. В этих обстоятельствах казахи воспринимались отнюдь не в пасторальном образе мирных пастушеских племен. Поэтому представляется весьма далеким от истины утвержде-

ние, что образ диких и беспощадных разбойников был сформирован в результате слабой изученности Степи, в которой «путешественники ... испытывали чувство тревоги за свою судьбу, поскольку смутно представляли себе, что конкретно их ожидает» (Сухих 2007: 14). Достаточно сказать, что вглубь Степи без военного сопровождения не рисковали отправляться даже последние казахские ханы, не говоря уже о русских чиновниках. Не только индивидуальные путешествия, но и торговля были невозможны в тех условиях, и, разумеется, любой человек на границе должен был очень хорошо представлять, что его ожидает в случае ее пересечения.

Этим были обусловлены и в немногочисленных работах о казахах, и в ряде официальных документов XVIII – первой трети XIX вв. характеристики казахов как «буйного», «разбойничьего», «хищнического» народа (Спаский 1820; Броневский 1830а; Казахско-русские отношения 1964: 144–147 и др). Даже А.И. Левшин, первый профес-

сиональный исследователь Казахской степи, сосредоточился в основном на констатации воинственных и «хищнических» нравов казахов, описывая их алчными, необузданными, жестокими, мстительными, склонными к грабежу и обману (Левшин 1832: 74–75, 77–78, 81, 87).

Справедливости ради следует отметить, что никто из русских чиновников и офицеров не считал эти негативные качества этническими чертами казахов; все пороки представлялись следствием особенностей среды обитания и специфики кочевого производства. Более того, в 20-е гг. XIX в. в петербургской администрации наиболее популярной становится точка зрения, в соответствии с которой «неустройства и смятения» в Степи стали результатом действий местных российских властей, которые «по не искусству или малому усердию» не смогли управлять, «приноравливаясь к местным обстоятельствам» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 265 об.–266). Министерство иностранных дел рекомендовало оренбургским и омским властям «поступать ... с крайней осторожностью», поскольку «одно просвещение может смягчить нравы народа дикаго», а «благотворные последствия просвещения открываются весьма медленно» (АВПРИ. Ф. 161. СПб.ГА. II-25. Оп. 70. 1786–1842. Д. 1. Ч. II. Л. 250 об.)

Один из руководителей Азиатского департамента МИДа В.Ф. Тимковский был склонен считать нападения и грабежи казахов «возмездными поисками» для «оплаты и мщения за свои страдания» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 268). И если в XVIII – начале XIX вв. в официальных документах нередко встречается выражение «дикий народ» применительно к казахам, то после 1820 г. оно исчезает из деловой переписки, а «разбойничьими» и «хищническими» называются только «шайки», непосредственно участвовавшие в нападениях, или мятежники.

В условиях, когда вся имперская политика была направлена на умиротворение Степи, если речь и заходила об ассимиля-

ции казахов, то только в отдаленной исторической перспективе, тем более, что долгое время оставался нерешенным определяющий вопрос: признавать ли казахские жузы неотъемлемой составной частью империи и, соответственно, стремиться к их интеграции или продолжать считать их вассально-зависимыми и не вмешиваться во внутренние дела. Российские власти не испытывали иллюзий по поводу легкости не только ассимиляции, но и унификации управления. «Непостоянство и ветренность киргизского народа, соединясь с корыстолюбием, ... долго будут препятствовать введению посреди оного учреждений полезных», – писал тот же А.И. Левшин (Левшин 1832: 82). Едва ли не до середины XIX в. прослеживается официальная позиция, что казахи, «сохраняя пороки племен кочующих, сохраняют и их добродетели и, подобно всем другим, способны совершенствоваться» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 265 об.–266), но политика в отношении их должна строиться на «воспитании гражданственности» без вмешательства во внутренние дела (Материалы 1960: 251).

Необходимо, впрочем, отметить, что среди российской администрации была и другая точка зрения, сторонники которой считали необходимым как можно более тесное сближение казахов с русскими для «благоденствия народа». Так, председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс разработал целую программу мероприятий, фактически направленных на ассимиляцию поволжских народов и казахов, считая, что «народам покоренным ... должно быть облегчено соединение с народом господствующим, к чему они будут стремиться для собственной выгоды» (ГАОО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3. Л. 30 об.).

Существенные изменения в представлениях о казахах происходят к середине XIX в., когда не только прекратились нападения на пограничную линию, но и затихли межродовые столкновения. Кроме того, объективные процессы сближения с казахами, их «узнавание» вытесняли образ

«чужого» неизвестного (и уже тем неприятного и даже пугающего) на более привлекательный образ «другого», но уже знакомого, в чертах которого находилось все больше и больше черт, вызывающих симпатию.

Перенос пограничной линии на рубежи со среднеазиатскими ханствами, а затем и завоевание Средней Азии завершило включение казахов в состав России. При завоевании Средней Азии казахи выступали проводниками, находили колодцы, обеспечивали разведку, управляли основным транспортом – верблюдами и даже участвовали в боях. Бывший образ «кочевого хищника» окончательно сменился образом добродушного, немного наивного и легкомысленного, но достаточно сметливого и любознательного союзника. Кочевник перестал восприниматься беспокойным барымтачем: «Прежняя баранта, составлявшая славу и удалство смельчаков, заменилась конокрадством, которое постепенно уменьшается в своих размерах под влиянием изменяющихся взглядов народа на это занятие, встречающее уже порицание. В общем, туземец – прост, добродушен, любознателен и понятлив. Убедившись, по опыту, что в знании – сила, он стремится к просвещению и хочет не отставать от русских, с которыми связан волею исторических судеб», – так описывал казахов старший советник Тургайского областного правления И.И. Крафт (в будущем – глава Якутской и Иркутской губерний) (Крафт 1900: 92).

Такое представление о степняках становится господствующим в общественно-политической мысли. Набеги кочевников становятся далеким прошлым и в сознании уральских и сибирских казаков и других бывших пограничных жителей, а тесное общение русских и казахов в процессе совместной производственной деятельности, торговли, обучения, проживания в одних и тех же городах, тамырство (личная дружба-сотрудничество между крестьянами-переселенцами и казахами-кочевниками) при-

водят к окончательному вытеснению негативного образа казахов.

В общественной мысли, да и в массовом сознании религиозно индифферентные в своем большинстве казахи стали восприниматься как наиболее благодатная среда для проведения ассимиляционных мероприятий. В дальнейшем предполагалось именно казахов сделать основными проводниками интеграционных процессов среди родственных им среднеазиатских народов.

Меняются и характеристики: вместо степного хищника создается вполне симпатичный образ добродушного, гостеприимного, открытого и несколько простоватого, но в то же время любознательного номада, который вполне готов принять и русскую власть, и легче всего поддается вестернизации. По словам известного востоковеда и одного из наиболее талантливых российских управленцев, ведавших отношениями с Младшим жузом, В.В. Григорьева, «нравственная природа кочевников так податлива, рассудок так свеж, что при благоразумно направленной деятельности правительства поймут они всякую меру на благо их принятую, и очень легко могут сделаться полезными и преданными подданными России» (Веселовский 1887: 275).

Для приобщения казахов к числу «коренных подданных» России предлагалось использовать два основных пути: христианизацию, сторонники которой находились в явном меньшинстве, и распространение русского образования, которое поддерживалось и петербургскими, и местными властями. Следует отметить, что православное миссионерство среди казахов было фактически запрещено до 60-х гг. XIX в., чтобы не вызывать недовольство новых подданных (Горбунова 2008: 38–39). Только в последней трети Русская православная церковь начинает, хотя и очень слабо, вести миссионерскую работу в Степи. Убеждение в том, что казахи только «внешние исполнители закона и обряда мусульманского» и поэтому легко могут быть обращены в хри-

стианство, далеко не соответствовало действительности. Е. Елисеев, один из наиболее талантливых и успешных миссионеров, вспоминал, что перед назначением в Степь ему говорили: «Поживете среди киргиз дватри дня, и вы сами убедитесь в том, что проповедь можно начать со всяким встречным киргизом безбоязненно; где бы вы не беседовали с киргизами о вере, – все будут слушать вас с должным вниманием...» (Елисеев 1900: 5). Однако на практике он убедился в том, что внешняя религиозная индифферентность казахов вовсе не означала их готовности к отказу от ислама.

Большинство российских администраторов не возлагали особых надежд на христианизацию казахов и связывали их обрусение с их просвещением и европеизацией. В сложившихся в колониальную эпоху стереотипах представлений о взаимоотношениях Запада и Востока прогресс однозначно отождествлялся с вестернизацией. Традиционные институты восточных обществ, препятствующие вестернизации, рассматривались как главная препона на пути развития этих обществ, а наиболее устойчивой традицией признавалась религия.

Русская общественная мысль, за редкими исключениями, расценивала ислам как «религию отсталости». «Магометанство изжило себя», «Религия мусульманская – религия косности, недвижности. И поскольку она соприкасается с жизнью, она ее задерживает», – в этих высказываниях суммировалось преобладающее отношение русского общества к исламу. Даже среди ученых-востоковедов господствующим было представление о несовместимости прогресса и ислама.

Безграничная вера во всемогущество и универсальность западного опыта, западных ценностей и представлений была присуща и первым мусульманским интеллигентам в России. Это были мусульмане, получившие высшее образование, владевшие русским языком как родным и во многом принадлежавшие уже русской культу-

ре. Среди них преобладали сначала офицеры (в основном, выходцы из знати), затем – учителя, ученые, врачи, журналисты. Эти люди, даже если и не принимали христианство, уже не были мусульманами. Как П. Чаадаев видел в православии причину отсталости России от «просвещенной Европы», так и первые мусульманские интеллигенты считали ислам препятствием для развития своих народов. Так, казахский султан и российский офицер, известный путешественник, географ и этнограф Ч.Ч. Валиханов доказывал, что «мусульманство и образованность – понятия не совместимые, даже враждебные, одно другое вытесняющие». «Учение Магомета не может быть очищено, как думают некоторые защитники ислама; в нем невозможна никакая реформация, – утверждал он. В работе «О мусульманстве в степи», написанной в 1862 г., Ч.Ч. Валиханов советовал русскому правительству для блага самих же казахов отказаться от покровительственной политики по отношению к исламу, который способен «только тормозить развитие мысли и чувств», и облегчить им принятие христианства (Валиханов 1985: 71–73).

Русское государство со времени Екатерины II проводило покровительственную по отношению к исламу политику, но эта политика была вызвана текущими интересами. Поскольку в исторической перспективе ислам считался не жизнеспособным, правительство не видело в нем какой-либо серьезной угрозы империи и православию, и чтобы «не раздражать» новых подданных, отказалось от давления. Как выше отмечалось, была фактически запрещена православная миссионерская деятельность среди мусульман, отменены все ограничения для отправления культа, сохранены и даже расширены привилегии исламского духовенства. Более того, среди казахов, сохранявших доисламские верования, проводилась политика «насаждения» ислама. Во второй половине XIX в. политика «поощрения» ислама меняется на политику «не-

вмешательства» или «игнорирования ислама». Суть ее состояла в том, что российская администрация постепенно отказывалась от активной и открытой поддержки мусульманского духовенства, предоставив ему «пробиваться самостоятельно». Принцип «невмешательства», сформулированный первым генерал-губернатором Туркестанского края К.П. Кауфманом и оставшийся основой русской политики в Средней Азии вплоть до революции, исходил из все того же постулата о неспособности ислама к сосуществованию с «прогрессом». «Предоставленный себе», «лишенный внимания государства» ислам постепенно утратит свое значение в жизни исповедующих его людей, – убеждал К.П. Кауфман петербургские власти (Кауфман 1885: 442).

Однако в 70–80-е гг. XIX в., когда слой мусульманской интеллигенции несколько вырос, когда стала насущной необходимостью модернизация всей мусульманской общины, втягиваемой в общероссийские процессы экономического, социального и культурного развития, среди мусульман распространяются либерально-обновленческие настроения. Модернисты, как и их предшественники, выступали за реформирование мусульманского общества, но в отличие от них, не порывали с исламом, а стремились приспособить его к новому времени. К появлению такого ислама, готового к интеграции с западными достижениями, не порывая с религиозной традицией, русские власти оказались не готовы: это не связывалось с представлением о «мусульманской косности» и «фанатизме», и опровергало постулат о том, что ислам, не выдержав конкуренции с «цивилизацией», отомрет естественным путем.

В этих условиях на казахов стали возлагать надежды как на естественных союзников в деле приобщения к «русской гражданственности» других мусульманских народов.

Таким образом, завоевание Средней Азии поставило перед империей сложнейшую проблему удержания под своей вла-

стью такой далекой, населенной исключительно мусульманами, окраины. Наиболее эффективным и фундаментальным решением этой проблемы представлялось приобщение среднеазиатских народов к «цивилизации», под которой понималась русская (= европейская) культура. Впрочем, исходя из тактических соображений («чтобы не раздражить новых подданных») туркестанская администрация действовала крайне осторожно и опасалась посягать на традиционные устои. К тому же, среднеазиатские народы считались «настоящими» мусульманами, «фанатично преданными» исламу.

Мировоззрение казахов представлялось некой *tabula rasa*, которую должны заполнить православно-русские духовные и политические идеи (в отличие от оседлых мусульманских народов, русифицировать которых было значительно сложнее, поскольку их менталитет был вполне сформированным и пришлось бы сначала очищать его от мусульманского содержания). «Киргиз (т. е. казах. – С. Г.), – писал Е. Марков, – ...очень плохой и даже сомнительный мусульманин. Он не пропитан до мозга костей предубеждениями против всего русского, как пропитан по-своему цивилизованный сарт, его муллы не начинили такую фанатическую ненавистью к христианской власти и христианским порядкам. Поэтому все русские меры прививаются среди степных киргизов гораздо удачнее, чем среди горожан-сартов, и внедрить киргиза, этого простодушного потомка скифов, в общее тело русского государства будет несравненно легче, чем заматерелого в магометанстве сарта, прямого наследника бактриян и согдов» (Марков 1901: 173).

В этой связи особо акцентировалась способность казахов «к приобретению всяких знаний и к умственному совершенствованию». «Киргизская народность, – отмечал И.И. Крафт, – обнаруживает живучесть, жизнеспособность и стремление к высшей культуре... Киргизы свободно и умело переходят к земледельческому быту, становясь на один уровень, а иногда и опережая

исконных земледельцев – русских колонизаторов» (Крафт 1900: 107).

В образе казахов приоритетными становятся интеллектуальные способности («смышленость», «понятливость», «любопытность»), стремление к образованию, кажущаяся религиозная индифферентность («отсутствие косного фанатизма»), пози-

тивное отношение к русским («расположенность к России») – черты, которые позволяли большинству представителей власти не только надеяться на сравнительно быструю инкорпорацию степняков в российский социум, но и рассчитывать на их посредничество в процессе вестернизации других народов Средней Азии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
РГИА – Российский государственный исторический архив
АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

ЛИТЕРАТУРА

- АВПРИ. Ф. 161. СПб.ГА. II-25. Оп. 70. 1786–1842. Д. 1. Ч. II.
Броневский С.Б. 1830а. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. Ч. 41.
Броневский С.Б. 1830б. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. Ч. 42.
Валиханов Ч.Ч. 1985. О мусульманстве в степи // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата: Главная редакция Казахской Советской энциклопедии. Т. 4.
Веселовский Н.И. 1887. В.В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля.
 ГАОО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3.
Горбунова С.В. 2008. Государственная регламентация религиозной жизни казахов в Российской империи // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета 1, 35–41.
Григорьев В.В. 1874. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк // Сборник государственных знаний. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова. Т. 1, 233–261.
Елисеев Е. 1900. Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892–1899 гг. СПб.: Тип. Сиб. акц. общ. печ. дела в России К. Евдокимов.
[Кауфман К.П.] 1885. Проект Всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. СПб.: Издание военно-ученого кабинета Главного штаба.
Крафт И.И. 1900. Из киргизской старины. Оренбург: Типо-литография Ф.Б. Сачкова.
Левшин А.И. 1832. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Часть третья: Этнографические известия. СПб.: Тип. Карла Крайя.
Марков Е. 1901. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. СПб.: Типография М.М. Стасюлявича. Т. 1.
 Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). 1960. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР. Т. 1.
 РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44 а.
Ретина Л.П. 2012. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем 39, 9–19.
 Русско-казахские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867 годы): Сб. документов и материалов. 1964. Алма-Ата: Наука.
Спасский Г.И. 1820. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды // Сибирский вестник. Ч. 9.
Сухих О.Е. 2007. Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII – первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск.

REFERENCES

- AVPRI [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. F. 161. SPb.GA. II-25. Op. 70. 1786–1842. D. 1. Part. II. (In Russian).
Bronevskii S.B. 1830a. Zapiski o kirgiz-kaisakakh Srednei ordy. Otechestvennye zapiski. Part. 41. (In Russian).

- Bronevskii S.B.* 1830b. Zapiski o kirgiz-kaisakakh Srednei ordy. Otechestvennye zapiski. Part. 42. (In Russian).
- Valikhanov Ch.Ch.* 1985. O musul'manstve v stepi. Sobranie sochinenii v pyati tomakh. Vol. 4. Alma-Ata. (In Russian).
- Veselovskii N.I.* 1887. V.V. Grigor'ev po ego pis'mam i trudam. 1816–1881. St. Petersburg. (In Russian).
GAOO [State Archive of Orenburg region]. F. 166. Op. 1. D. 3. (In Russian).
- Gorbunova S.V.* 2008. Gosudarstvennaya reglamentatsiya religioznoi zhizni kazakhov v Rossiiskoi imperii. Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta 1, 35–41. (In Russian).
- Grigor'ev V.V.* 1874. Russkaya politika v otnoshenii k Srednei Azii. Istoricheskii ocherk. Sbornik gosudarstvennykh znani. Vol. 1. St. Petersburg, 233–261. (In Russian).
- Eliseev E.* 1900. Zapiski missionera Bukonskogo stana Kirgizskoi missii za 1892–1899 gg. St. Petersburg. (In Russian).
- Kaufman K.P.* 1885. Proekt Vsepoddanneishego otcheta general-ad'yutanta K.P. fon - Kaufmana po grahdanskomu upravleniyu i ustroistvu v oblastiakh Turkestanskogo general-gubernatorstva. St. Petersburg. (In Russian).
- Kraft I.I.* 1900. Iz kirgizskoi stariny. Orenburg: Tipo-litografiya F.B. Sachkova. (In Russian).
- Levshin A.I.* 1832. Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisakskikh, ord i stepei. Part. 3: Etnograficheskie izvestiya. St. Petersburg. (In Russian).
- Markov E.* 1901. Rossiya v Srednei Azii. Ocherki puteshestviya po Zakavkaz'yu, Turkmenii, Bukhare, Samarkandskoi, Tashkentskoi i Ferganskoi oblasti, Kaspiiskomu moryu i Volge. Vol. 1. St. Petersburg. (In Russian).
- Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii). 1960. Vol. 1. Alma-Ata. (In Russian).
- RGIA [Russian State Historical Archive]. F. 1291. Op. 81. D. 44a. (In Russian).
- Repina L.P.* 2012. "Natsional'nyi kharakter" i "obraz drugogo". Dialog so vremenem, 39, 9–19. (In Russian).
Russko-kazakhskie otnosheniya v XVIII–XIX vv. (1771–1867 gody). Sbornik dokumentov i materialov. 1964. Alma-Ata. (In Russian).
- Spasskii G.I.* 1820. Kirgiz-kaisaki Bol'shoi, Srednei i Maloi Ord. Sibirskii vestnik. Part. 9. (In Russian).
- Sukhikh O.E.* 2007. Obraz kazakha-kochevnika v russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka: Extended abstract of candidate's thesis. Omsk. (In Russian).

S. V. Gorbunova
Nizhnevartovsk, Russia

KAZAKHS IMAGE EVOLUTION AS A PART OF THE STEPPE REGIONS INTEGRATION INTO THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract. The article deals with developing of the Kazakhs image under the influence of changing Russian socio-political environment of the XIXth century. Though the Kazakhs area was nominally a part of the Russian Empire, the Kazakhs were still a serious threat for Russian near-border settlements. It drove to the tensed national relations thus promoting an aggressive and hostile image of the Kazakhs. Later mostly due to boundary conflicts having been arranged and attacks upon the Cossacks having been stopped as well as to closer interpersonal relations having been developed, the negative "barbarian" image of the Kazakhs gave way to a new more positive and attractive one of a little naïve and light-minded, but generous, hospitable, curious, kind and softhearted nation. After The Central Asia was conquered, it had to be completely incorporated into the Russian Empire, and the Kazakhs were treated as the main allies in the process. The further image developing exposed such significant Kazakhs traits as intelligence (they were characterized as "sharp-minded", "clever", "curious"), striving for education, seeming religion tolerance ("absence of fanaticism"), good-treating the Russians ("Russia favoritism"). All these together held out a hope of the steppe-dwellers easy and quick incorporation into the Russian Empire.

Keywords: Kazakhs, Russian policy towards Kazakhs, border conflicts, "the image of Other", Islam, Westernization, incorporation of Central Asia into the Russian Empire.

About the author: Svetlana Vitalievna Gorbunova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Documentation Studies and General History

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 94(73).091

А. А. Сойкин
Нижевартовск, Россия**ОСВЕЩЕНИЕ ГИБЕЛИ ЛАЙНЕРА «ЛУЗИТАНИЯ»
В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ 1915 г.**

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем в современной исторической науке – анализу освещения в американской прессе 1915 г. гибели трансатлантического лайнера «Лузитания». Значимость темы заключается в том, что периодические издания, являясь важными историческими источниками, позволяют путем интерполяции ввести в научный оборот новые данные о гибели лайнера, а также определить отношение к этому трагическому событию американского общества. В результате предметом исследования являются американские периодические издания 1915 г. как источники сведений об отдельных событиях периода Первой мировой войны. Исследование основано на материалах американской прессы 1915 г., основными из которых являются «The New York Times», «The New York Herald», «The Brooklyn Daily Eagle», «The Evening Telegram – New York», «The Evening Sun». Материалы этих газет расположены на официальном сайте библиотеки Конгресса США и содержат информацию об отношении американского общества к гибели трансатлантического лайнера «Лузитания». Работа с американскими газетами осуществлялась при помощи общенаучных методов исследования, таких как описание, анализ, сравнительно-сопоставительный метод, а также с использованием специальных методов исторического исследования – историко-сравнительного метода и культурно-семиотического подхода. В ходе исследования было определено, что гибель лайнера «Лузитания» активно обсуждалась на страницах американской прессы 1915 г. Основное внимание уделялось следующим фактам: количеству погибших людей, причинам гибели, отношению американского правительства к данной трагедии и т. д. Результаты проведенного исследования позволяют выявить отношение американской прессы к гибели лайнера «Лузитания».

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки; Первая мировая война; пресса; «Лузитания»; немецкий подводный флот; субмарина.

Сведения об авторе: Алексей Александрович Сойкин, ассистент кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628600, Россия, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 36; тел.: 8(3466)27-35-10, e-mail: soykinaalexey@mail.ru.

Первая мировая война привлекает внимание зарубежных и российских исследователей на протяжении ряда лет. Это обусловлено значимостью данного события для развития истории России и мировой истории. На сегодняшний день достаточно изученными являются вопросы, связанные с причинами Первой мировой войны (Савельева 2013), ее этапами, итогами, условиями вступления в войну ряда стран (Савельева 2016; Савельева, Сойкин 2018; Синегубов, Шилов 2016). Однако несмотря на это, имеются проблемы, которые остаются недостаточно исследованными в историче-

ской литературе. К одной из них следует отнести деятельность немецких подводников по отношению к пассажирским суднам, а именно к лайнеру «Лузитания».

«Лузитания» – это трансатлантический лайнер, строительством которого занималась известная фирма «Джон Браун» из Клайдбэнка. Работы по его строительству начались 20 сентября 1904 г., а 7 июля 1906 г. судно торжественно было спущено на воду. Основными техническими характеристиками лайнера «Лузитания» были:

– валовая регистровая вместимость – 31 000 рег. т;

- максимальная длина – 239,42 м;
- длина между перпендикулярами – 231,8 м;
- ширина – 26,84 м;
- осадка – 10,21 м;
- мощность механизмов – 68 000 л. с.;
- максимальная скорость хода – 25,85 узла.

Судно могло принять на борт до 2200 пассажиров всех классов.

27 июля 1907 г. лайнер «Лузитания» отправился в пробный рейс вокруг Ирландии. В сентябре того же года он впервые отправился в Америку. Из-за тумана установить рекорд в первом же плавании не удалось. Однако во втором рейсе «Голубая лента» (переходящий приз, присуждаемый океанским лайнерам за рекорд скорости при пересечении Северной Атлантики) была завоевана, причем впервые в истории удалось пересечь океан быстрее, чем за пять суток. Вплоть до начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. единственным конкурентом лайнера «Лузитании» в борьбе за «Голубую ленту» являлся однотипный лайнер «Мавритания». Эти судна имели отличную репутацию не только самых скоростных, но и очень комфортабельных судов. Помимо этого ими управляли опытные капитаны с высокопрофессиональными командами. Всего до августа 1914 г., до начала Первой мировой войны 1914–1918 гг., «Лузитания» совершила более 900 трансатлантических рейсов.

Начавшаяся война не прервала рейсы «Лузитании» через Атлантику, однако в целях экономии угля часть ее котлов (6 из 25) вывели из эксплуатации. В результате этого максимальная скорость лайнера несколько снизилась. Но к весне 1915 г. в океане сложилась весьма напряженная обстановка. В ответ на введенную правительством Великобритании блокаду германское командование решило предпринять ответные меры. Блокаду Британских островов немцы, явно уступавшие в морских силах, возложили на подводные лодки, которые первоначально не рассматривались в каче-

стве эффективного средства ведения войны. Они получили приказ топить без предупреждения все корабли и судна, оказавшиеся в объявленных запретными для судоходства обширных районах. Это противоречило принятым ранее правилам, согласно которым уничтожение торговых (а тем более пассажирских) судов вместе с находящимися на борту людьми считалось совершенно недопустимым. Однако Первая мировая война была совершенно не похожа на предыдущие военные конфликты. Все ранее принятые соглашения игнорировались, воюющие страны совершали многочисленные действия, которые сложно классифицировать иначе, чем военные преступления (Кузнецов). Именно такая ситуация сложилась с деятельностью немецких подводников, которые потопили «Лузитанию» 8 мая 1915 г. В результате атаки на судно погибло 1197 человек, из которых 128 были гражданами Соединенных Штатов Америки.

В советской исторической литературе обстоятельства гибели «Лузитании» не стали специальным объектом для исследования. Краткий анализ событий, связанных с последним рейсом лайнера, содержится в исследованиях советского и российского историка-американиста Э. Иваняна «Белый дом: президенты и политика» и в очерках истории британских секретных операций «Секретная дипломатия Великобритании», автором которых является советский историк-англовед Е. Черняк. В данных исследованиях авторы высказывают мнение о неслучайности гибели «Лузитании» (Черняк 1975). По этой причине появляется необходимость специального исследования данной проблемы. Помимо этого трагедия «Лузитании» привлекает внимание и тем, что является очередной загадкой истории. После гибели трансатлантического лайнера и до настоящего времени высказывается мнение, согласно которому катастрофа произошла из-за наличия на судне перевозимых в Великобританию боеприпасов. Однако прямых доказательств этого факта

нет, поскольку не все материалы рассекречены, а из имеющихся в распоряжении исследователей источников исчезли многие важные исторические документы. Даже после проведенной в 2012 г. экспедиции, когда подводным аппаратом, спущенным в грузовой трюм, были найдены разбросанные патроны разного калибра, не представляется возможным однозначно утверждать, что гибель лайнера связана с наличием на его борту боеприпасов.

В итоге, безусловно, трагедия трансатлантического лайнера «Лузитания» заслуживает внимания исследователей. Отдельный интерес вызывает проблема оценки данного события современниками, изучить которую представляется возможным на основе анализа американских периодических изданий. Именно благодаря газетам можно определить общественное настроение и отношение к случившейся трагедии современников.

В статье основное внимание уделяется анализу именно американской прессы. Всего автором было проанализировано около 30 периодических изданий США периода Первой мировой войны, основными из которых являются: «The New York Times» (американская ежедневная газета, издававшаяся в Нью-Йорке с 18 сентября 1851 г.), «The New York Herald» (крупнотиражная газета со штаб-квартирой в Нью-Йорке, издававшаяся с 1835 г.; первый номер газеты был издан ее основателем Джеймсом Гордоном Беннеттом (старшим)), «The Brooklyn Daily Eagle», «The Evening Telegram – New York», «The Evening Sun». Текст данных газет расположен в электронной национальной библиотеке Конгресса США, которая была основана в 1800 г. для открытого пользования научными работниками, правительственными органами, исследовательскими учреждениями, промышленными компаниями, частными фирмами и школами.

Одной из авторитетных газет США периода Первой мировой войны стала газета «The New York Times». Она очень по-

дробно освещала события, связанные с гибелью трансатлантического лайнера «Лузитания». В частности на ее страницах говорится о людских потерях, численность которых достигла, «вероятно», 1260 человек. Упоминается также и о судьбе известных личностей, путешествовавших на лайнере. Например, говорится о том, что капитан лайнера Тернер спасен, однако в числе пропавших без вести были такие известные люди, как американский продюсер Фроман и Альфред Гвинн Вандербильт I, являвшийся представителем династии Вандербильтов, богатым спортсменом и филантропом. Отдельное внимание газета уделяла тому факту, что после трагедии стали высказываться мнения о гибели лайнера по причине схожести с «Титаником». Помимо этого в газете при описании непосредственно трагедии говорилось, что сразу после случившегося приходили сообщения о том, что жертв нет, однако вечером того же дня стало известно о большом количестве жертв, что повергло всех американцев в недоумение. В периодическом издании обращается внимание на то, что американские чиновники были сдержаны в своих высказываниях, но все согласны с тем, что данная ситуация в будущем приведет к кризису международных отношений. Указывалось и на то, что потопление «Лузитании» является результатом нейтрального положения Соединенных Штатов Америки в Великой европейской войне. Говорилось, что экстренно будет созван Конгресс, основной целью работы которого станет обсуждение данного трагического события. В газете также приводятся свидетельства очевидцев трагедии. Так, некий Патрик О'Донелла утверждал, что видел как торпеда поражает корабль. Эрнест Каупер, газетчик из Торонто, описывал, что после атаки лайнера наблюдался некий ядовитый газ, используемый в торпедах. Это привело к потере сознания некоторых пассажиров. Этот факт подтверждали и другие пассажиры лайнера (The New York Times 1915).

В издании «The New York Herald» было написано о 1412 погибших и 658 спасенных пассажиров и членов экипажа. Из первого класса спаслось лишь несколько человек, так как они думали, что корабль останется на плаву, из-за чего не предпринимали особых усилий для спасения. Вандербильт также числится среди пропавших без вести. В периодическом издании говорилось о том, что на лайнер напали без предупреждения, а также указывалось место его потопления – «в пятидесяти саженях воды в восьми милях к юго-западу от Олд-Хеда». Также в газете обращалось внимание на то, что сразу после трагедии было известно лишь о потоплении «Лузитании» немецкими пиратами, которые совершали гнусные преступления. Под немецкими пиратами при этом понимались немецкие подводники. Газета обращала внимание читателей на хорошие погодные условия во время трагедии, благодаря которым удалось избежать еще большего количества жертв. Помимо этого акцентировалось внимание на том, что новости о трагедии доходили до США крайне медленно. Телефон бюро Геральда разрывался от звонков, желавших узнать точные данные о погибших и всех обстоятельствах случившегося. Из-за напряженной ситуации, связанной с ожидавшими родственниками пассажиров, стали выдвигаться мнения о произошедшей трагедии. Так, например один американец, пересекший Атлантику 40 раз за последние 20 лет, сказал следующее: «Настало время для того, чтобы Соединенные Штаты отправили флот, чтобы помочь британскому флоту ... Соединенные штаты не могут себе позволить дальше откладывать действия по защите американцев... Американцы же, со своей стороны, будут ждать с нетерпением заявления из Белого дома...». Лорд Чарльз Бересфорд высказал мнение о том, что потопление знаменитого парохода произошло из-за нехватки крейсеров для защиты торговых путей. Стюард «Лузитании» рассказал следующее: «Пассажиры были на обеде. Когда подводная

лодка выпустила две торпеды, которые поразили “Лузитанию” по правому борту сбоку. А другая торпеда попала в машинный отсек, из-за чего произошли ужасные взрывы». Так же было сказано, что Капитаном Тернером был отдан приказ о спуске спасательных шлюпок в количестве десяти штук: «...Десять лодок были спущены на воду и от 400 до 500 пассажиров спустились на них...». Все эти сведения очевидцев трагедии содержались на страницах газеты (The New York Herald 1915).

Издание «The Brooklyn Daily Eagle» назвало свою статью «Оценка крушения “Лузитании” у берегов Ирландии». В ней говорится, что «в войне человечество не выше самых низших животных, так как благородные традиции рыцарства обязывают уважать права нейтральных лиц, не участвовавших в войне, однако на деле все эти традиции растворяются в воздухе». Последний акт Германии, при котором был торпедирован пароход с 2300 пассажирами на борту, это наглядно показывает. Это событие самое варварское, что происходило со времен разграбления Магдебурга в период Тридцатилетней войны. Действия германских подводников сравниваются с поведением пиратского капитана Моргана, за которым закрепился статус кровавого и жестокого пирата. Помимо этого в газете определяется то, что на борту «Лузитании» было большое количество боеприпасов. При попадании торпеды весь этот груз взорвался, что привело к сильной деформации корпуса лайнера (The Brooklyn Daily Eagle 1915).

Газета «The Evening Telegram – New York» опубликовала статью под заголовком «Дьявольское преступление». Весь ее текст основан на голландской газете «Amsterdam Telegraph». В частности, осуждаются нейтральные страны, которые пассивны в принятии действий против немецких методов ведения войны. Говорится и о преднамеренном преступлении германских подводников против пассажирского судна, на борту которого было 2500 некомбатантов.

Также упоминается о том, что только совместное осуждение деятельности подводников не позволит случиться похожим событиям в будущем. Еще рассказывается о неизвестной судьбе богатого нью-йоркского мистера Вандербильта. Сама миссис Вандербильт отказывалась верить в то, что ее муж находился в числе погибших, даже когда стало известно, что их число равно числу погибших «Титаника». В статье высказывается мнение о том, что часть вины лежит на Вашингтоне, который не предпринял никаких защитных мер для своих граждан. Теперь американское правительство столкнулось с самой серьезной ситуацией со времен начала Великой европейской войны, и оно должно было что-то предпринять, так как эта ситуация могла повториться вновь (The Evening Telegram – New York 1915).

Газета «The Evening Sun» освещала проблему гибели лайнера «Лузитании» под заголовком «Перевозка мирных пассажиров, включая сотни женщин и детей, не была событием войны, а была массовым убийством». На страницах этого периодического издания говорилось о том, что эта трагедия даже по законам военного времени не может быть оправдана, так как оправданий столь ужасному поступку немецких подводников, которые не руководствовались «великим законом всеобщей человечности», не существует. В статье упоминалось, что германское правительство, руководствуясь своими амбициями, превратило море в свое поле битвы, где Германская империя должна была добиться превосходства с целью «принуждения к голоданию мирных жителей союзнических стран», дабы склонить эти страны к подписанию мирного договора. Однако при этом не учитывался тот факт, что эти амбиции принесут много «быстрых, внезапных и невидимых смертей мирным океанским путешественникам». Помимо этого в газете

высказывалось мнение о том, что современная война, несмотря на ее современный «лоск цивилизации, так же жестока и так же безжалостна, как и в любую другую варварскую эпоху». Примером этого может служить гибель лайнера (The Evening Sun 1915).

Таким образом, проанализировав американские авторитетные периодические издания, мы можем сделать вывод о том, что потопление трансатлантического лайнера «Лузитания» вызвало активное отражение события на страницах американской прессы, так как до этого момента столь ужасного события в Великой европейской войне, как изначально называли американцы Первую мировую войну, граждане США не знали. На страницах газет «Лузитания» сравнивалась с «Титаником», хотя данный факт имел место быть и до последнего круиза лайнера. В результате этого многие люди боялись и предсказывали схожую судьбу судну. В газетах отдельно внимание уделялось числу погибших людей, хотя данные существенно разнились. В результате печатные издания требовали от правительства и Конгресса США ответных мер на «варварские» действия со стороны немецких подводников и немецкого правительства в целом. Они определяли, что данное трагическое событие произошло из-за бездействия США, а именно из-за того, что они не реагировали на действия немецкого подводного флота и не участвовали в защите кораблей, пассажирами которых являлись граждане США. Сомнений на счет того, что «Лузитания» была потоплена именно с помощью торпедирования, не было ни у кого уже в первый день после трагедии, т. к. в пользу этой версии служило множество свидетельств очевидцев. Это событие стало главным информационным поводом на следующий день после трагедии.

ЛИТЕРАТУРА

Кузнецов Н.А. Лайнер «Лузитания» // 100 великих кораблей. URL: <https://military.wikireading.ru/9996> (2019. 28 мая).

Савельева А.В. 2013. Дискуссии о причинах Первой мировой войны в научной литературе // Коричко А.В. (отв. ред.). Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Мат-лы II Всерос. научно-практической конф. Ч. I. История идей и история общества. Проблемы всеобщей истории, 119–121.

Савельева А.В. 2016. Военная пропаганда в периодических изданиях США 1916–1917 гг. // Вестник Нижегородского государственного университета 3, 73–77.

Савельева А.В., Сойкин А.А. 2018. США и подводная война кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. // Вестник Нижегородского государственного университета 4, 114–119.

Синегубов С.Н., Шилов С.П. 2016. Кайзеровская Германия – Великобритания – Россия: альтернативы и реалии военно-морских взаимоотношений в 1897–1906 гг. СПб.: Остров.

Черняк Е. 1975. Секретная дипломатия Великобритании: Из истории тайной войны. М.: Международные отношения.

The New York Times. Saturday. May 8. 1915 // twenty-four pages. URL: <https://goo-gl.su/IZ4EU> (20.04.2019).

The New York Herald. Saturday. May 8. 1915 // twenty-four pages. URL: <https://goo-gl.su/EvwZR> (20.04.2019).

The Brooklyn Daily Eagle. Saturday. May 8. 1915. URL: <https://goo-gl.su/EvwZR> (20.04.2019).

The Evening Telegram – New York. Saturday. May 8. 1915. URL: <https://www.https://goo-gl.su/qPYp> (20.04.2019).

The Evening Sun. Saturday. May 8. 1915. URL: <https://goo-gl.su/8Cgk4> (20.04.2019).

REFERENCES

Kuznetsov N.A. Lainer “Luzitaniya”. 100 velikikh korablei. Available at: <https://goo-gl.su/aZ5qA8> (May 28, 2019).

Savelyeva A.V. 2013. Diskussii o prichinakh Pervoi mirovoi voyny v nauchnoi literature. In Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: Proceedings of the 2nd All-Russian Conference. Nizhnevartovsk, 119–121. (In Russian).

Savelyeva A.V. 2016. Church of England During Pre-reformation Decades of the 16th century. Bulletin of Nizhnevartovsk State University [Bulletin of Nizhnevartovsk State University] 3, 73–77. (In Russian).

Savelyeva A.V., Soykin A.A. 2018. USA and Submarine Warfare of Kaiser Germany in 1914–1918. Bulletin of Nizhnevartovsk State University [Bulletin of Nizhnevartovsk State University]. 4. 114–119. (In Russian).

Sinegubov S.N., Shilov S.P. 2016. Kaizerovskaya Germaniya – Velikobritaniya – Rossiya: al'ternativy i realii voenno-morskikh vzaimootnoshenii v 1897–1906 gg. St. Petersburg. (In Russian).

Chernyak E. 1975. Sekretnaya diplomatiya Velikobritanii: Iz istorii tainoi voyny. Moscow. (In Russian).

The New York Times. Saturday. May 8. 1915: twenty-four pages. Available at: <https://goo-gl.su/IZ4EU> (April 20, 2019).

The New York Herald. Saturday. May 8. 1915: twenty-four pages. Available at: <https://goo-gl.su/EvwZR> (April 20, 2019).

The Brooklyn Daily Eagle. Saturday. May 8. 1915. Available at: <https://goo-gl.su/JGs9> (April 20, 2019).

The Evening Telegram-New York. Saturday. May 8. 1915. Available at: <https://www.https://goo-gl.su/qPYp> (April 20, 2019).

The Evening Sun. Saturday. May 8. 1915. Available at: <https://goo-gl.su/8Cgk4>. (April 20, 2019).

A. A. Soykin
Nizhnevartovsk, Russia

THE USA PRESS ABOUT THE LINER «LUSITANIA» CRASH IN 1915

Abstract. The paper is devoted to one of the most interesting problems in the modern historical science; it analyzes the crash of transatlantic liner “Lusitania” and the reaction of the US printed press towards it in 1915. The importance is increased by the fact that periodicals, being considerable historical sources, are able to introduce new data on the liner wreck with a help of interpolation, as well as to determine the American society’s attitude to this tragic event. As a result, the paper’s subject is the American printed press of 1915 as a source of information about particular events of the World War I. The study analyzes the US periodicals of 1915, such as *The New York Times*; *The New York Herald*; *The Brooklyn Daily Eagle*; *The Evening Telegram-New York*. The given items are published

on the Library of the US Congress's official website and contain information about the Americansociety's attitude towards the wreck of Lusitania. The author carried out research using the US newspapers with a help of general scientific research methods, such as: description, analysis, comparative method. We also used special methods of historical research: the historical-comparative method and the cultural-semiotic approach. The given work came to conclusion that the wreck of Lusitania was actively discussed in the USA in 1915. The focus was on the following facts: the number of people killed, the causes of the crush, the American government's attitude to this tragedy etc. The results of the study allow us to reveal the USA press's attitude towards Lusitania wreck.

Key words: United States of America; World War I; press; "Lusitania"; German submarine; submarine.

About the author: Alexey Alexandrovich Soykin, Assistance Lecturer at the Department for Documentation Studies and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Сойкин А.А. Освещение гибели лайнера «Лузитания» в американской прессе 1915 г. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2019. № 3. С. 40–46.

Soykin A.A. The USA press about the liner «Lusitania» crash in 1915 // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2019. No. 3. P. 40–46.

УДК 94(510).093, 327

Д. А. Тарасова
Нижний Новгород, Россия

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ «ДРУЖБА» КИТАЯ И ВОСТОЧНОГО ТИМОРА: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Статья посвящена сотрудничеству между Китайской Народной Республикой и Восточным Тимором как интересному аспекту растущего влияния Китая в ЮВА. Помимо исторической обусловленности и традиционной поддержки Китаем независимости Тимора, в том числе и в ООН, выделяется ряд причин содействия юной нации, среди которых: желание Китая диверсифицировать свои источники энергии и обрести новые рынки сбыта для китайских товаров; закрепить свой статус в качестве важного партнёра Союза португалоязычных стран и не допустить расширения принятия Тайваня (Китайской Республики). В экономическом отношении Китай для Тимора-Лешти означает более дешёвый импорт и потенциальный экспорт; в то время как Тимор оставался площадкой для проектов китайских бизнесменов даже несмотря на кризис 2006 года. Также рассматривается влияние данной дружбы на других важных акторов в регионе – Индонезию и Австралию, которые тоже оказывают поддержку Тимору, а также США, которые противодействуют расширению влияния Пекина в геостратегически важном районе. Пример Тимора-Лешти также иллюстрирует растущую утонченность китайской дипломатии и ее приверженность к использованию мягкой силы в качестве противодействия восприятию Китая как угрозы, которое господствовало ранее в ЮВА. В итоге, когда иссякнут восточнотиморские запасы нефти, сотрудничество, возможно, трансформируется из экономического в военное, однако кардинальные изменения во внешней политике Тимора, так долго борвшегося за свою независимость, маловероятны.

Ключевые слова: Китай; Восточный Тимор; Содружество португалоязычных стран; лузофоны; Юго-Восточная Азия; Австралия; Индонезия; стратегическое сотрудничество; экономическая экспансия.

Сведения об авторе: Дарья Александровна Тарасова, аспирантка кафедры истории и политики России

Место работы: Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: 603032, Россия, г. Нижний Новгород, д. 65, кв. 149; тел. +79043945717, e-mail: daria.tarasovaz@yandex.ru.

Как только Демократическая Республика Тимор-Лешти (чаще можно встретить название Восточный Тимор) добилась формальной независимости (20 мая 2002 г.),

КНР начала упорно трудиться, чтобы развивать близкие отношения с молодой нацией, являющейся самой бедной страной в

Юго-Восточной Азии и второй по этому показателю в мире, после Афганистана.

Интересы Китая в Восточном Тиморе можно условно разделить на три блока: расширить свое влияние в Юго-Восточной Азии, ограничить международное признание Тайваня и получить доступ к природным ресурсам страны.

Китай и ранее, хотя иногда и опосредованно, участвовал в жизни Восточного Тимора.

Поддержка КНР Восточного Тимора после их обретения независимости в 1975 г. послужила одним из факторов аннексии страны Индонезией, которая боялась, кроме сепаратизма в своих провинциях, распространения идей коммунизма. Последний страх также связан с антикоммунистическими и антикитайскими настроениями президента Сухарто.

В соответствии с планом Komodo индонезийская и восточнотиморская пресса выступили со сфабрикованными сообщениями, в которых утверждалось, что агенты КНР насаждали антииндонезийские настроения, что демонстрации финансировались из средств КНР и что Пекин предоставлял оружие ФРЕТИЛИНу в рамках подготовки к перевороту. Под этими предложениями 7 декабря 1975 г. ирредентистски настроенная Индонезия вторглась в Восточный Тимор (Dunn 2003).

Поддержка Китаем независимости Восточного Тимора ослабела в конце 1970-х гг., когда ситуация казалась безнадежной. Тем не менее, Китай продолжал голосовать в поддержку ежегодной резолюции в ООН, в которой утверждалось право Восточного Тимора на самоопределение. И когда после трёх лет опеки ООН Восточный Тимор получил независимость, КНР стала первой страной, официально его признавшей. Возможно, это было сделано, чтобы не допустить установления отношений Тимора-Лешти с Тайванем, но еще до получения независимости Шанана Гужмау, ставший впоследствии первым президентом страны, согласился с политикой «Одного Китая».

Учитывая поддержку Китая в 70-е гг., отказываться от дружбы с Пекином для новообразованного государства было бы странно.

Как уже упоминалось выше, основные интересы Китая делятся на три части.

Во-первых, развитие тесных связей с Дили как неотъемлемая часть стратегии расширения влияния Пекина в Юго-Восточной Азии, при одновременном уменьшении влияния других держав, включая США, Австралию и Японию. При этом Китаю приходится балансировать между синофобией, исторически свойственной странам Юго-Восточной Азии, и заинтересованностью в Китае как в экономическом партнере.

Во-вторых, тесная связь с Дили ограничивает экономическое и политическое пространство Тайваня в регионе. Что с каждым годом становится менее актуальным, так как благодаря своей экономической мощи Китай мягко убедил всё больше стран присоединиться к политике «Одного Китая».

В-третьих, Китай стремится использовать природные ресурсы Восточного Тимора, особенно нефть и газ, а также медь, цинк и редкий синий мрамор. Доступ к энергоресурсам Восточного Тимора предоставит Китаю дополнительную возможность диверсифицировать свои источники энергии, тем самым повысив энергетическую независимость страны.

Дополнительный интерес Китая состоит в дальнейшем развитии отношений с Содружеством португалоязычных стран, членом которого является Восточный Тимор.

После «открытия» китайское общество начало модернизировать себя, используя методы других стран, что привело к быстрым изменениям, позволившим продемонстрировать миру свою силу и ставший очевидным рост. С середины 90-х гг. Китай начал всё более уверенно преследовать свои геополитические амбиции, фактически бросив вызов США. Но именно в развивающихся странах Китай, сам являю-

щийся развивающейся страной, сделал значительные успехи в преобразовании своего имиджа. Можно отметить, что Пекин сначала сконцентрировал свои силы в Юго-Восточной Азии, прежде чем стал пытаться расширить свое влияние на Африку и Латинскую Америку и на Ближнем Востоке. Такая стратегия понятна, страны Юго-Восточной Азии, ближайшие соседи Китая, населены почти двадцатью миллионами этнических китайцев и имеют давние исторические, экономические и культурные связи с Китаем. А провозглашение Китаем чего-то вроде доктрины Монро и вовсе может превратить данный регион в сферу влияния Китая, полностью исключив американцев (Percival 2005).

Отказавшись от практикуемой десятилетиями оборонительной дипломатии, Китай внезапно начал общаться с миром, используя мягкий подход, чтобы добиться популярности и успеха, в то время как популярность Америки во всем мире падала. В Африке Китай выиграл нефтегазовые сделки; в Латинской Америке Китай подписывал стратегические партнерские отношения; на Филиппинах китайские фильмы наступали на пятки американским.

После 11 сентября и ответной реакции США в виде вторжения в Ирак образ США в азиатских странах стал ухудшаться. Не такой привлекательной стала казаться не только политика США, но и их культура, компании и сами ценности, на которых было построено американское общество. После Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. и ухода с азиатского рынка США освободившуюся нишу в экономиках азиатских тигров заполнил Китай. Занимаясь планомерным развитием, не ограничивая себя экономикой, но и не затрагивая политику, он начал борьбу за влияние. Реакция США и неспособность ответить на азиатский финансовый кризис в 1997 г. укрепили положение Китая в регионе.

Благодаря этим инструментам, особенно публичной дипломатии, растущей гуманитарной помощи и торговым пото-

кам, Китай значительно расширил своё влияние, хотя многие страны еще не признали полностью новую власть Пекина, с её преимуществами и недостатками.

По мере того, как Китай стал глобальной суперсилой, он предпринял шаги, чтобы более ответственно подходить к своему влиянию, поддерживая международные организации, занимающиеся миротворчеством, стимулируя экономический рост в Латинской Америке и Африке и борясь с наркотиками и торговлей людьми. Китай даже начал выступать посредником в конфликтах других стран и оказывать давление на угрожающие другим страны, что сильно отличается от поведения недавнего прошлого, когда Китай избегал участия во внутренней политике других государств.

Китай распространяет своё влияние вместе со своими проблемами. Как только Китай стал более мощным, он начал «экспортировать» свои собственные внутренние проблемы. Плохие условия труда, экологические проблемы китайских компаний и непрозрачные деловые практики сейчас распространяются по Африке и Латинской Америке вместе с китайскими инвестициями. Отсутствие политической открытости Китая и его приверженность централизованной модели развития усиливают нестабильные авторитарные режимы в Африке и Средней Азии.

И поскольку Соединенные Штаты остаются непопулярными во многих частях мира, Китай легко находит партнеров и союзников. Возможно, Китай в конечном итоге будет использовать мягкую силу, чтобы побудить страны выбирать между тесными связями с Вашингтоном и более тесными связями с Пекином, как сейчас странам приходится выбирать между Тайванем и материковым Китаем.

Во время индонезийского вторжения 1975 года в Тимор-Лешти, главным образом в столице, проживало около 20 000 этнических китайцев. Но во время оккупации многие эмигрировали в Австралию, Филиппины или обратно на родину. К 2002 г.

осталось от 2 000 до 3 000 человек, хотя после обретения страной независимости многие возвратились. Несмотря на то, что многие ассимилировались, напряженность между местными и общинами хуацяо сохраняется.

Китай сотрудничает с Восточным Тимором через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, который сам и создал для финансирования такого рода проектов в развивающихся странах. Какое-то время Восточный Тимор полагался на Китай из-за разногласий в отношениях со своими традиционными поставщиками помощи, в частности, Восточный Тимор и Австралия долго не могли договориться по поводу развития большого газового месторождения и других проблем. Экспорт нефти и газа составляет 90% национального дохода Тимора. Но существующие нефтяные месторождения, как ожидается, иссякнут в течение нескольких лет, так что страна активизирует усилия по развитию альтернативных отраслей промышленности с помощью иностранного капитала. Строятся дороги, порт, аэропорт и другие важные инфраструктурные объекты для привлечения инвестиций из-за рубежа. Даже если Восточный Тимор не сможет получить поддержку от Японии и США, «очевидно, есть альтернатива», – сказал бывший президент Хосе Рамос-Орта, обладатель Нобелевской премии мира. «Альтернативой сегодня всегда является Китай». Но внешняя политика страны вряд ли продемонстрирует какие-либо серьезные изменения независимо от того, контролирует ли правительство Фретилин или CNRT (Suzuki 2017).

Десять лет назад более 60% импорта сырой нефти в Китае приходилось на Ближний Восток, и Пекин рассматривал эту зависимость как стратегическую уязвимость из-за продолжающейся политической нестабильности и военного превосходства США в регионе и вокруг него. Сейчас лидером по экспорту является Россия, но, несомненно, Китай не остановится на этом,

находя всё более выгодных для себя поставщиков (Gazeta.ru 2018).

В 2004 г. PetroChina завершила многомиллионное сейсмическое исследование для оценки рентабельности добычи нефти и природного газа. Хотя информация ограничена, некоторые источники предполагали, что Китай планирует построить трубопровод для доставки нефти и природного газа из внутренней части острова на северное побережье, напрямиком к китайским судам.

Чтобы еще больше укрепить свое влияние, Китай финансировал очень заметные строительные проекты, такие как президентский дворец и здание министерства иностранных дел.

Пекин также активизировал сотрудничество в области обороны и безопасности с Дили (Horta, Storey 2006).

На протяжении многих лет китайская помощь обедневшей, но богатой ресурсами стране включала сельскохозяйственную технику и пищевые продукты, такие как рис и растительное масло. Китай также направил медицинские бригады в Восточный Тимор, причем все расходы, не связанные с жильем, взял на себя Пекин. Кроме того, Китай подготовил ряд специалистов-восточнотиморцев в области сельскохозяйственных технологий и управления бизнесом и направил гражданскую полицию для участия в миротворческой миссии ООН в Восточный Тимор.

В интервью с китайскими СМИ в июле 2005 г. Чэнь Дучин, в то время посол Китая в Восточном Тиморе, заявил, что помощь Пекина Дили была «честной и искренней», даже если она была меньше, чем некоторых других стран. В 2003–2004 гг. ежегодная китайская помощь Восточному Тимору составляла в среднем около 6 млн долларов США, а в ноябре 2005 г. Пекин предоставил дополнительно 6,2 млн долларов в виде грантовой помощи, что существенно меньше аналогичной помощи Португалии, Австралии и Соединенных Штатов за тот же период времени. Пекин же подчеркивает тот факт, что он давно под-

держивает борьбу за независимость Восточного Тимора и что восточнотиморские лидеры считают его «старшим братом и самым надежным другом» (Chou 2008).

Восточный Тимор еще не стал членом АСЕАН, но это вопрос времени, письменное заявление, чтобы стать одиннадцатым членом АСЕАН, представлено им еще в 2011 г., на саммите в Джакарте, что подкрепляет идею о том, что сотрудничество с Дили – часть более широкой стратегии Китая по усилению влияния в Юго-Восточной Азии (Hutt 2016).

В экономическом отношении Китай для Тимора-Лешти означает более дешевый импорт и потенциальный экспорт. Согласно статистике правительства, в 2014 г. Тимор-Лешти потратил 982 млн долларов США на импорт, в то время как экспорт, за исключением нефти, составил всего 91 млн долларов, что оставило торговый дефицит. Большая часть импортируемых товаров и услуг по-прежнему поступает из Индонезии и Сингапура, но в 2014 г. Китаю удалось стать третьим по величине поставщиком Тимора-Лешти, с товарами на общую сумму 41 млн долларов. 18 декабря 2015 г. правительство Тимора-Лешти подписало соглашение с Эксим банком Китая (The Export-Import Bank of China/China Exim Bank) на получение льготного кредита в размере 50 млн долларов США для модернизации дренажной системы Дили. «Китай не приходит на помощь, а сотрудничает с Восточным Тимором как с равным партнером в развитии Восточного Тимора», – сказал на церемонии подписания договора посол Китая в Тиморе-Лешти Лю Хуньян. Он также добавил, что две страны вступили в «новую фазу прагматического сотрудничества».

Отношения между Китаем и Тимором-Лешти всегда были очень полезны для Китая. Несмотря на всё больший уровень помощи и инвестиций, поступающих в Восточный Тимор из Китая, они всегда окупаются. С 2011 г. Китай предоставил Тимору-Лешти помощь в размере 77 млн долла-

ров США, если верить официальной статистике, но с 2009 г. правительство Восточного Тимора предоставило китайским компаниям контракты на строительство на сумму более 525 млн долларов. Статистические данные из Тимора-Лешти и Китая часто меняются в зависимости от источника, но если верить им, то за каждый доллар, который Китай инвестирует в Тимор-Лешти, его компании получают более 6 долларов (Horta 2007).

Китайцы смогли добиться значительных политических и дипломатических успехов, приложив относительно небольшие финансовые и материальные усилия.

Последовательные китайские дипломаты пользуются каждой возможностью для продвижения интересов и повышения престижа. Развитие отношений между Китаем и Тимором-Лешти свидетельствует о растущей утонченности китайской дипломатии и ставке на мягкую силу. Имея в своем распоряжении меньше ресурсов, чем их австралийские и другие западные соперники, китайские дипломаты оказались гораздо более настойчивыми в продвижении интересов своей страны.

Несмотря на медленные темпы восстановления после кризиса 2006 года, китайские бизнесмены, похоже, не утратили энтузиазма в отношении Тимора, воспринимая присутствие ООН как стимул для экономики и возможность получения прибыли. Существуют также некоторые культурные аспекты, характеризующие китайский способ ведения бизнеса: нет ничего постоянного, всё в мире развивается циклически, следовательно, нестабильность в Тиморе пройдет и начнется новый этап. Китайский бизнес также видит уход из страны других бизнесменов как возможность укрепить свою позицию. Как и в других нестабильных странах мира, например в различных африканских и азиатских странах, китайские предприятия, как государственные, так и частные, готовы рисковать там, где их западные коллеги считают риск необоснованным. Некоторые крупные

запланированные китайские инвестиции включают создание зоны свободной торговли на границе между Индонезией и Тимором; создание зоны роста по типу треугольника роста между Малайзией, Индонезией и Сингапуром. Создание специального экономического района, который должен быть расположен на восточнотиморском острове Атауро, направлено на стимулирование торговли между Тимором и близлежащими индонезийскими островами Ларантука, Флорес, Молуккас и Бали. Эти острова имеют большое культурное сходство с Тимором и торгуют с ним на протяжении веков, хотя и в несколько рудиментарной форме.

Изучение португальского языка считается стратегическим «инвестированием» в развитие хороших отношений с Содружеством португалоязычных стран (СПС, *Comunidade dos Países de Língua Portuguesa* (CPLP)), позволяя Китаю расширять свое влияние сразу в нескольких ключевых регионах: Южной Америке, Африке и Азии. Сотрудничество с Китаем также ставит меньше условий, чем помощь МВФ, в первую очередь это их политика невмешательства в действующий в стране режим. На карту поставлены большие деньги, и эта долгосрочная стратегия постепенно окупается.

Кроме поиска новых источников энергии целью Китая при сближении со странами СПС является обретение новых рынков сбыта для китайских товаров, пока экономический бум продолжается.

Китай также принял в сентябре 2006 г. в специальном административном районе Китайской Народной Республики Макао первые в истории Лузофонские игры. Макао также является наблюдателем СПС. У Китая имеется внушительное количество португалоговорящих дипломатов, многие из которых долгое время служили в странах СПС. В целом, стратегия Пекина мягко, но успешно продвигает жизненно важные интересы Китая в португалоязычном комьюнити, насчитывающем 230 млн

человек и расположенном на четырех континентах (Leach 2007).

Следует, однако, отметить, что Китай был не единственной страной, не отказавшейся от Тимора в трудный момент, Португалия и Австралия также увеличили финансовую и политическую поддержку Дили и сыграли центральную роль в стабилизации страны. Таким образом, Китай является хорошим, но не единственным другом Восточного Тимора.

Восточный Тимор занимает геостратегически важную территорию, между Тихим и Индийским океанами, и соседи опасаются, что Китай будет наращивать свое присутствие в стране не только в экономическом, но и в военном отношении. Это не обоснованные опасения – в 2006 г. китайские военные корабли впервые посетили Дили (Dodd 2010). Таким образом, Индонезия и Австралия будут уделять пристальное внимание развитию своего юного соседа. В то же время верно и обратное – важность Австралии для Тимора-Лешти несомненна. С момента обретения Восточным Тимором независимости Австралия предоставила Дили более 1 млрд долларов США в качестве помощи (Storey 2006). Более того, ведущая роль Австралии в миротворческих операциях и ввод миротворческого контингента в ходе урегулирования восточнотиморского кризиса подчеркивает её высокую позицию в иерархии внешних отношений Восточного Тимора. Многонациональная миротворческая группа для решения гуманитарного кризиса и кризиса в области безопасности в Восточном Тиморе (InterFET), не связанная с Организацией Объединенных Наций, была организована и возглавлялась Австралией.

6 марта 2018 г. Австралия и Тимор-Лешти подписали исторический договор, в котором фиксируются постоянные морские границы в Тиморском море. Кроме того, соглашение предусматривает разделение доходов от нефти и газа, в том числе и от газового месторождения Greater Sunrise (Schofield, Strating 2018). Неопределённость

границ достаточно долго омрачала двусторонние отношения, и мирное разрешение конфликта еще раз подчеркнуло важность сторон друг для друга. Правительство Тимора подтверждает приверженность Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS) как «конституции моря». Представитель правительства, государственный министр Агио Перейра прокомментировал в официальном заявлении: «Организация Объединенных Наций и международное сообщество сыграли решающую роль в восстановлении нашей независимости и развитии нашего национального государства» (Government of Timor-Leste 2016). Тимор-Лешти решительно поддерживает основанный на международных правилах порядок, который способствует миру, защищает права наций и обеспечивает механизм разрешения конфликтов.

Если в дальнейшем отношения между США и Китаем не утратят свой соревновательный элемент, что маловероятно, и регион разделят на проамериканские и прокитайские блоки, стратегическое военное присутствие Пекина в Восточном Тиморе может стать серьезной проблемой для Австралии.

Растущие военные амбиции Китая в Восточном Тиморе также вызывают беспокойство по поводу эффективности многомиллионной австралийской оборонной программы с Восточным Тимором, которую последний считает чрезмерно условной.

Еще одним личным «оскорблением» Австралия посчитала попытки Восточного Тимора добиться более тесных экономических отношений с бывшим государством-изгоем Мьянмой (Lenta.ru 2015) (сейчас, после ряда демократических реформ и снятия санкций, бывшую Бирму уже не назвать изгоем) и выражение поддержки лидеру переворота на Фиджи Фрэнку Бейнимарамы.

Сотрудничество Китая с Восточным Тимором следует рассматривать в контексте экономической и культурной экспансии Китая в Юго-Восточную Азию. Тимор мо-

жет стать частью новой глобальной линии напряженности в отношениях между Соединенными Штатами и Китаем. Теллурукратический по своей сути Китай продолжит сотрудничать с островом, бывшим когда-то крепостью Голландской Ост-Индии, несмотря на политику сдерживания Китая, фактически закрепленную в «новой стратегии США в Индо-Тихоокеанском регионе» (Auges 2018).

Исходя из политических и исторических причин, Китай сможет сместить Австралию и Индонезию в иерархии внешних отношений Восточного Тимора только экономическими средствами. В обмен на китайские денежные средства Восточный Тимор оказывает поддержку проекту торгового маршрута «Новый шелковый путь», переосмыслению старого Шелкового пути и сам может стать частью Морского Шелкового пути.

Соглашение о морских границах с Австралией еще раз показало, что Китай – не единственный друг Тимора, и хотя отношения между ними будут продолжать развиваться, Тимор заинтересован и в других партнёрах.

Фронтирное географическое положение Тимора подразумевает различные направления сотрудничества, и никто, по крайней мере на данном этапе, не требует от Тимора сделать выбор, принять окончательное решение и последовать за определённой цивилизационной моделью. Логично и дальше развивать три основных направления: помимо Китая это давний «заклятый друг» Индонезия и носитель западного менталитета и образа жизни – Австралия. Сотрудничество с каждым является естественным и исторически обусловленным. Но в любом случае, вне зависимости от дальнейшей траектории и степени сотрудничества с Китаем, Пекин, в основном, добился своих целей и вряд ли потеряет своё влияние при усилении сотрудничества Дили с другими странами.

Однако, Австралия – так называемый основной союзник вне НАТО (Major Non-

NATO Ally, MNNA, данным термином обозначают союзников США, не являющихся членами НАТО), что в определённой степени накладывает отпечаток на варианты будущего развития отношений, в то время как Китай известен своей тенденцией не вмешиваться во внутреннюю политику государств, с которыми он сотрудничает.

Хотя Китай действительно добился значительных успехов в Тиморе-Лешти, Австралия, вероятно, останется доминирующим игроком в ближайшем будущем. Португальское, японское и растущее американское присутствие, которое частично мотивировано китайским продвижением, еще больше укрепит прозападные настроения в Тиморе. Поэтому, несмотря на все беспокойство в Австралии относительно китайских намерений в Тиморе-Лешти, эти действия Пекина вряд ли заставят Канберру предпринять конкретные шаги. К тому же, несмотря на все разговоры о дружбе, маловероятно, что Тимор-Лешти позволит какой-либо стран угрожать своему суверенитету, за который он боролся так героически.

Геополитика в Азиатско-Тихоокеанском регионе часто воспринимается через призму теории домино (аналогичной теории времен холодной войны), когда влияние Китая будет распространяться от страны к стране, блокируя влияние других, как правило, западных стран.

Возможно, после того, как иссякнут восточнотиморские запасы нефти, сотрудничество с Китаем поменяет направленность с экономического на военное.

Прибегая к внедрению всё более утонченной и совершенной дипломатии (китайские дипломатические работники свободно владеют местным языком и имеют большой опыт работы в других бывших португальских колониях), Китай с помощью относительно скромных средств в своём распоряжении в целом смог укрепить влияние в этой части мира.

Пример Тимора-Лешти также иллюстрирует растущую утонченность китайской дипломатии и её способность использовать мягкую силу в качестве противодействия восприятию Китая как угрозы, которое господствовало в 1990-х гг. в Юго-Восточной Азии; он может стать образцом будущей китайской дипломатической стратегии в странах третьего мира в целом и в Юго-Восточной Азии в частности, стратегии, которая пытается обеспечить жизненно важные интересы Китая, такие как энергетические ресурсы и доступ к местным рынкам.

Независимо от того, какими могут быть долгосрочные намерения Китая, правительство Восточного Тимора, похоже, ценит преданность Пекина, особенно в трудные периоды истории.

ЛИТЕРАТУРА

Дисциплинированная процветающая демократия. Как Мьянма превратилась в объект конкуренции мировых лидеров. 2015 // Lenta.ru. URL: <https://goo-gl.su/djJTczJ> (2018. 2 нояб.).

Ставка на черное: российская нефть заливает Китай. 2018 // Газета.Ru. URL: <https://goo-gl.su/9j0HLT> (2018. 2 нояб.).

Ayres A. 2018. The U.S. Indo-Pacific Strategy Needs More Indian Ocean // Council on Foreign Relations. URL: <https://goo-gl.su/H9Z5> (2018. 2 нояб.).

Chou J. 2008. China Cultivates an Ally // The Weekly Standard. URL: <https://goo-gl.su/Blkh> (2018. 2 нояб.).

Dodd M. 2010. Military fears over Timor link to China // The Australian. URL: <https://goo-gl.su/TELECM> (2018. 2 нояб.).

Dunn J. 2003. East Timor: A Rough Passage to Independence // Double Bay, New South Wales. URL: <https://goo-gl.su/atUnVf> (2018. 2 нояб.).

Government of Timor-Leste. Government reaffirms commitment to UNCLOS as the 'constitution of the sea'. 2016. URL: <https://goo-gl.su/vdtBq> (2018. 2 нояб.).

Horta L. 2007. Timor-Leste. The Dragon's Newest Friend // RSIS. URL: <https://goo-gl.su/LCj1> (2018. 2 нояб.).

- Horta L., Storey I.* 2006. China's Portuguese connection // YaleGlobal Online. URL: <https://goo-gl.su/9zQA> (2018. 2 нояб.)
- Hutt D.* 2016. Is China's Influence in Timor-Leste Rising? // The Diplomat. URL: <https://goo-gl.su/DKt6> (2018. 2 нояб.)
- Leach M.* 2007. Talking Portuguese: China and East Timor // Secretaria de Estado da Arte e Cultura. URL: <https://goo-gl.su/Iv3RJ> (2018. 2 нояб.)
- Percival Br.E.* 2005. China's Influence in Southeast Asia: Implications for the United States // U.S. –China Economic and Security Review Commission. URL: <https://goo-gl.su/PrdaVsJ> (2018. 2 нояб.)
- Schofield Cl., Strating B.* 2018. What's Next for Timor-Leste's Greater Sunrise? // The Diplomat. URL: <https://goo-gl.su/pGrwRyn> (2018. 2 нояб.)
- Storey I.* 2006. China and East Timor. Good, but not best friends // Association for Asia Research. URL: <https://goo-gl.su/oAW3y8ZH> (2018. 2 нояб.)
- Suzuki J.* 2017. China in East Timor; concern in Indonesia and Australia // Nikkei Asian Review. URL: <https://goo-gl.su/o0pHCAa> (2018. 2 нояб.)

REFERENCES

- Distiplinirovannay aprotsvetayushchaya demokratiya. Kak M'yanma prevratilas' v ob"ekt konkurentsii mirovykh liderov. Lenta.ru. Available at: <https://goo-gl.su/djJtczJ> (November 02, 2018). (In Russian).
- Stavka na chernoe: rossiiskaya neft' zalivaet Kitai. 2018. Gazeta.Ru. Available at: <https://goo-gl.su/9j0HLT> (November 02, 2018). (In Russian).
- Ayres A.* 2018. The U.S. Indo-Pacific Strategy Needs More Indian Ocean. Council on Foreign Relations. Available at: <https://goo-gl.su/H9Z5> (November 02, 2018).
- Chou J.* 2008. China Cultivates an Ally. Washington examiner. Available at: <https://goo-gl.su/Blkh> (November 02, 2018).
- Dodd M.* 2010. Military fears over Timor link to China. The Australian. Available at: <https://goo-gl.su/TELECM> (November 02, 2018).
- Dunn J.* 2003. East Timor: A Rough Passage to Independence. Double Bay, New South Wales. Available at: <https://goo-gl.su/atUnVf> (November 02, 2018).
- Government reaffirms commitment to UNCLOS as the 'constitution of the sea'. Government of Timor-Leste. Available at: <https://goo-gl.su/vdtBq> (November 02, 2018).
- Horta L.* 2007. Timor-Leste. The Dragon's Newest Friend. RSIS. Available at: <https://goo-gl.su/LCj1> (November 02, 2018).
- Horta L., Storey I.* 2007. China's Portuguese connection. YaleGlobal Online. Available at: <https://goo-gl.su/9zQA> (November 02, 2018).
- Hutt D.* 2016. Is China's Influence in Timor-Leste Rising? The Diplomat. Available at: <https://goo-gl.su/DKt6> (November 02, 2018).
- Leach M.* 2007. Talking Portuguese: China and East Timor. Secretaria de Estado da Arte e Cultura. Available at: <https://goo-gl.su/Iv3RJ> (November 02, 2018).
- Percival Br.E.* 2005. China's Influence in Southeast Asia: Implications for the United States. U.S.-China Economic and Security Review Commission. Available at: <https://goo-gl.su/PrdaVsJ> (November 02, 2018).
- Schofield Cl., Strating B.* 2018. What's Next for Timor-Leste's Greater Sunrise? The Diplomat. Available at: <https://goo-gl.su/pGrwRyn> (November 02, 2018).
- Storey I.* 2006. China and East Timor. Good, but not best friends. Association for Asia Research. Available at: <https://goo-gl.su/oAW3y8ZH> (November 02, 2018).
- Suzuki J.* 2017. China in East Timor; concern in Indonesia and Australia. Nikkei Asian Review. Available at: <https://goo-gl.su/o0pHCAa> (November 02, 2018).

D. A. Tarasova
Nizhni Novgorod, Russia

PRAGMATIC FRIENDSHIP OF CHINA AND EAST TIMOR, ITS PREREQUISITES AND POSSIBLE PERSPECTIVES

Abstract. This article is devoted to cooperation between the People's Republic of China and East Timor (Timor-Leste) as part of Chinese cultural and economic expansion to Southeast Asia. There're a number of reasons for this kind of support, including traditional backup for Timor's independence, China's desire to diversify its energy sources and gain new markets for Chinese goods; consolidate its status as an important partner of the Community of Portuguese Language Countries and to prevent the possible growing influence of Taiwan (the Republic of China). Eco-

nomically, China for Timor-Leste means cheap imports and potential exports; while Timor remains the base for many projects of Chinese businessmen ever since its getting independence, despite the crisis of 2006. This cooperation leads to impact on other significant actors in the region, such as Indonesia and Australia, which also support Timor, as well as the United States; which oppose the expansion of Beijing's influence in this geostrategically important area. The example of Timor-Leste also illustrates the growing sophistication of Chinese diplomacy and its commitment to using soft power as a counter to the obsolete perception of China as a threat that prevailed earlier in Southeast Asia. In conclusion, if Timorese oil reserves run low, cooperation between two states can be slightly transformed from economic to military; however, the radical changes in Timor's foreign policy, which struggled for their independence for so long, are unlikely.

Key words: China; East Timor; Lusophone Commonwealth; Southeast Asia; Australia; Indonesia; strategic cooperation; economic expansion.

About the author: Daria Alexandrovna Tarasova, post-graduate student, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Place of employment: National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Тарасова Д.А. Прагматическая «дружба» Китая и Восточного Тимора: предпосылки и перспективы // Вестник Нижегородского государственного университета. 2019. № 3. С. 46–55.

Tarasova D.A. Pragmatic friendship of China and East Timor, its prerequisites and possible perspectives // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2019. No. 3. P. 46–55.

УДК 930:002: 327

Чжан Синьсинь
Москва, Россия

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОЦЕНКАХ КИТАЙСКИХ СМИ. 1985–1987 гг.

Аннотация. Статья посвящена основным вопросам советско-американских отношений в 1985–1987 гг. в освещении китайской прессы. После Второй мировой войны мир раскололся на два противоположных блока, во главе с США и СССР. Начиная с 80-х гг. в международных экономических отношениях произошло существенное изменение. В 1985 г. обозначились некоторые новые тенденции: во-первых, ряд развитых и развивающихся стран выступает против гонки вооружений, опасаясь ее расширения в космос и возвращения к военной поляризации с непредсказуемыми последствиями для экономики. Во-вторых, внутри военных блоков раздаются требования отказа от жесткой конфронтации. Лидеры обоих блоков были не в состоянии продолжать эффективно контролировать союзников. Эти изменения заставили руководство СССР и США устанавливать новую внешнюю политику. В данной работе указан ход переговоров СССР с США, отношение советских руководителей к американским политикам, и оценки китайскими СМИ деятельности советских лидеров. Особое внимание уделяется процессу изменения советской внешней политики, по которому статья разделена на три этапа: одновременный диалог и противостояние, начало советских уступок и компромиссов и две уступки СССР. Чтобы объективно и справедливо описать исторические факты советско-американских переговоров в 1985–1987 гг., автор тщательно проводит анализ важнейших фактов внешней политики Советского Союза с аспектов китайской прессы, и цитирует оценки разных китайских газет об одном и того же события. В качестве источников приведены первостепенные китайские газеты «Жэньминь Жибао», «Гуанмин Жибао», «Синьхуа Жибао» и «Газета Китайская Молодежь».

Ключевые слова: внешняя политика СССР; перестройка; переговоры; советско-американские отношения; холодная война; китайская пресса; китайские СМИ.

Сведения об авторе: Чжан Синьсинь, аспирант кафедры истории Российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте.

Контактная информация: 119571, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 82; тел: +79998329691, e-mail: zhangxinxin@mail.ru.

Начиная с 1980-х гг. в международных отношениях произошли изменения, в основе которых лежали экономические причины. В Советском Союзе и других странах Восточной Европы не происходило долгосрочного экономического роста, их доля в мировой экономике снизилась. Разрыв с США, Японией и другими развитыми капиталистическими странами продолжал увеличиваться. Эти изменения заставили руководство Советского Союза задуматься об изменениях во внешней политике.

Ход переговоров СССР с США по разоружению можно разделить на следующие этапы:

1. Новая ситуация одновременного диалога и противостояния. В начале 80-х гг. XX в. между Соединёнными Штатами и Советским Союзом сложилась новая ситуация одновременного диалога и противостояния. По информации «Газеты Китайской Молодежи», в течение некоторого времени в 1984 г. политика Советского Союза по отношению к Соединённым Штатам была жесткой, но осенью 1984 г. СССР осознал, что такая жесткая позиция заставляет его оставаться пассивным на международной арене. В этот период Советский Союз изменил подход, который стал более открытым, чем раньше. По-видимому, СССР и США входили в «ситуацию одновременного диалога и конфронтации» (Газета Китайская Молодежь 1985, 5 января).

Газета «Гуанмин Жибао» писала, что будущие американо-советские переговоры станут «затяжными марафонскими» (Жэньминь Жибао 1985, 22 ноября).

19–20 ноября 1985 г. состоялась советско-американская встреча, привлекавшая внимание всего мира, и получившая освещение в том числе и в китайской прессе. Газета «Жэньминь Жибао» сделала длинный и подробный отчет об этой встрече, сообщив, что «переговоры были полезны, но по некоторым ключевым во-

просам все еще существовали серьезные разногласия». На встрече стороны обсудили вопросы контроля над вооружениями, региональными конфликтами, вопросы прав человека и двусторонних отношений между Советским Союзом и Соединёнными Штатами. Однако фундаментальные разногласия по основным вопросам не были разрешены (Жэньминь Жибао 1985, 22 ноября). «Газета Китайская Молодежь» считала, что встреча на высшем уровне между лидерами Соединённых Штатов и Советского Союза в Женеве была одним из самых ярких международных событий в 1985 г. Обе стороны часто начинали наступление вокруг основной проблемы контроля над вооружениями, пытались ослабить друг друга за столом переговоров и стремились к своим собственным преимуществам. Противоречия между двумя сторонами были явно сосредоточены на проблеме космического оружия и сокращении ядерного оружия средней дальности (Жэньминь Жибао 1986, 26 июня).

Ноябрьская встреча на высшем уровне между СССР и США в Женеве стала признаком нового этапа в отношениях, который характеризовался противостоянием с одновременным укреплением диалога. Противостояние преобладало, но диалог предотвращал его нарастание.

2. Начало советских уступок и компромиссов, борьба США за военное преимущество. В начале 1986 г. СССР и США вели ожесточенные споры о ядерных испытаниях. 15 февраля и 31 марта Советский Союз заявил о продлении моратория на ядерные испытания, но Соединённые Штаты проигнорировали это заявление, и вместо этого в марте-апреле трижды провели подземные ядерные испытания. Затем, на пятом раунде переговоров в конце июня советская сторона предложила так называемый «промежуточный план». США заявили, что в настоящий момент серьезно рассматри-

вают советские предложения на предмет того, «будут ли эти предложения способствовать цели двустороннего разоружения», «США полны решимости сделать все от них зависящее, чтобы резко сократить ядерное оружие».

Китайские СМИ дали разные комментарии по поводу поведения Советского Союза.

Корреспондент газеты «Жэньминь Жибао» Чжан Лян полагал, что по сравнению с предыдущими предложениями по разоружению в промежуточном плане Советского Союза были сделаны некоторые послабления. Советский Союз всегда был категорически против американской «Программы звездных войн», и отказ Соединенных Штатов от этого плана был предварительным условием для сокращения стратегических ядерных вооружений. Было ясно, что СССР предложил такой план, чтобы поддержать ход переговоров и ограничить программу «звездных войн» (Жэньминь Жибао 1986, 7 июля).

Корреспондент «Газеты Китайской Молодежи» Чжан Хан считал, что конечная цель стратегического ослабления заключалась в том, чтобы контролировать скорость гонки вооружений, сохранить военную мощь, победить и завершить «стратегию ускоренного развития». Новое предложение, выдвинутое Советским Союзом, являлось шагом в игре по «жертве колесницей ради безопасности полководца» (Жэньминь Жибао 1986, 5 июля).

По мнению корреспондента газеты «Гуанмин Жибао» Чжэн Дексинь, введение нового промежуточного плана являлось новой тенденцией по вопросам разоружения. Наиболее очевидное изменение в этой программе по сравнению с предыдущими предложениями по разоружению, выдвинутые СССР, заключалось в том, что Советский Союз больше не настаивал на том, чтобы Соединенные Штаты отказались от плана «Звездных войн» в качестве предпосылки

для сокращения ядерного оружия. Это также являлось главной причиной получения положительной реакции от стороны США. Тем не менее, программа «Звездных войн» оставалась центром американо-советских переговоров (Гуанмин Жибао 1986, 15 июля).

После этого между СССР и США не прекратились споры о вопросах моратория ядерных испытаний и разоружения. 12 октября в Исландии началась встреча лидеров СССР и США. Но стороны не достигли соглашения в вопросах контроля над вооружениями и проведения встреч на высшем уровне (Жэньминь Жибао 1986, 14 октября). Корреспондент «Жэньминь Жибао» СайБэй считал, что такой результат исландской встречи не был неожиданным. С одной стороны, фундаментальные противоречия между двумя сверхдержавами были чрезвычайно острыми, с другой, ни один из двух лидеров не позволил себе сделать слишком много уступок. Так что на этой встрече стороны прощупывали друг друга. Провал этой встречи не означал, что отношения между двумя державами сильно обострились. Разрядка напряженности уже стала их общим требованием (Жэньминь Жибао 1986, 14 октября).

Корреспондент «Газеты Китайской Молодежи» Шэнь Цзи полагал, что успех или провал исландской встречи зависит от того, будут ли обе стороны настаивать на заключении стратегического оборонного плана. Поэтому провал этой встречи тоже был ожидаем и не означал прекращения диалога (Газета Китайская Молодежь 1986, 14 октября).

Корреспондент газеты «Гуанмин Жибао» Ван Деминь считал, что на исландской встрече в основном обсуждался вопрос о том, кто доминирует в космическом оружии. Провал этой встречи, несомненно, сказался на улучшении отношений между США и СССР. Но обе стороны все еще оставили место друг другу (Гуанмин Жибао 1986, 14 октября).

Газета «Синьхуа Жибао» отметила, что в нынешних условиях ядерные арсеналы обеих сторон достигли насыщения, даже в случае увеличения количества и улучшения качества сложно нарушить относительный стратегический баланс и получить преимущество. Так что никто не посмел бы начать ядерную войну первым. Однако, если одна сторона превентивно овладела бы средствами космической обороны, она могла одновременно угрожать сопернику ядерным оружием в своих руках и предотвратить его атаку ядерных ракет. Поэтому использование стратегических преимуществ являлось истинной сутью борьбы между США и СССР в вопросе оружия космической обороны (Синьхуа Жибао 1986, 14 октября).

Хотя СССР и США продолжали обмениваться обвинениями, они все же выразили готовность продолжать диалог. Газеты «Жэньминь Жибао» и «Гуанмин Жибао» надеялись, что обе страны будут способны к искреннему диалогу и заключат договор, который не поставит под удар интересы третьих стран и будет способствовать миру во всем мире. Китайская Народная Республика по-прежнему ратовала за продолжение диалога между СССР и США. Диалог всегда лучше противостояния, в этом нет никаких сомнений. Конфронтация создавала напряженность, усиливала гонку вооружений и наносила ущерб интересам народов, чего Китай не хотел (Жэньминь Жибао, 1986 17 октября).

В процессе двусторонних переговоров по контролю над вооружениями позиция Советского Союза претерпела множество изменений. Хотя новые предложения, которые СССР постоянно выдвигал, давали своего рода импульсы застопорившимся переговорам, однако эти импульсы оборачивались уступками.

3. От «Нулевого варианта» до «Двойного нулевого варианта»: две уступки СССР. В 1987 г. СССР суще-

ственно поменял свою позицию в вопросе по ракетам средней дальности и сделал две уступки. Первый раз – в феврале, когда он предложил вести переговоры по ракетам средней дальности и космическому оружию отдельно. Второй раз – в августе, когда он заявил об отказе от сохранения 100 боеголовок в Азии. Эти две уступки привели к существенному прогрессу в переговорах между СССР и США.

28 февраля советский лидер М.С. Горбачев выдвинул новое предложение по уничтожению ракет средней дальности в Европе. По сути, эта программа была «Нулевым вариантом», предложенным Западной Европой в 1979 г. По мнению корреспондента газеты «Жэньминь Жибао» Чжан Юньвэнь, детали этого нового предложения еще предстояло изучить, Западная Европа также сомневалась в этой программе. Поэтому, могло ли новое предложение повернуть переговоры об управлении вооружением двух сверхдержав, еще было неизвестно (Жэньминь Жибао 1987, 3 апреля).

26 марта 1987 г. советско-американские переговоры о ликвидации европейского ядерного оружия средней дальности завершились в Женеве. Переговоры не достигли соглашения в вопросе ракет малой дальности в Европе. Учитывая давление Соединенных Штатов и Западной Европы, 14 апреля М.С. Горбачев выдвинул так называемый «Двойной нулевой вариант», по содержанию которого количество советских и американских ракет среднего и малого радиуса действия в Европе сводилось к нулю.

Соединенные Штаты приветствовали этот вариант, а «Гуанмин Жибао» написала, что перспективы американо-советского соглашения стали более реальными (Гуанмин Жибао 1987, 10 августа).

22 июля М.С. Горбачев объявил: «Советский союз готов к ликвидации всех ракет средней дальности, развернутых в Азии». Этот шаг стал ответом на

принятие США «варианта двойного нуля» 15 июня и был второй уступкой со стороны СССР.

По сообщению газеты «Гуанмин Жибао», эта уступка, сделанная Советским Союзом, была намеренным выбором переговоров в качестве прорыва, чтобы создать мощное общественное мнение в Соединенных Штатах и Западной Европе для замедления темпов расширения вооружения США и затягивания плана «Звездных войн», и одновременно добиваться благоприятных международных условий для реализации стратегии «ускорения» и экономической реформы в Советском Союзе (ГуанминЖибао 1987, 10 августа).

8 декабря 1987 г. Р. Рейган и М.С. Горбачев провели встречу на высшем уровне для подписания договора о ликвидации ракет средней и малой дальности (ДРСМД). 29 мая – 2 июня 1988 г. во время официального визита в СССР Р. Рейган и М.С. Горбачев обменялись ратификационными грамотами, и договор вступил в силу.

«Газета Китайская Молодежь» считала, что военное значение подписания ДРСМД было гораздо менее важно, чем политическое, поскольку количество ракет средней дальности составило лишь около 4% от общего советского и американского ядерного оружия. Настоящее ослабление еще не наступило (Газета Китайская Молодежь 1987, 11 декабря).

Газета «Синьхуа Жибао» отметила, что обе стороны впервые решили частично сократить существующее ядерное

оружие, но это только первый шаг на пути к разоружению (СиньхуаЖибао 1987, 12 декабря).

Газета «Гуанмин Жибао» полагала, что подписание ДРСМД стало ярким событием в американо-советских отношениях в 1987 г. Этот договор был подписан Соединенными Штатами и Советским Союзом для собственных нужд и на основе взаимных уступок и выгод. Поскольку внимание Советского Союза сместилось на реформы внутри страны, его внешняя политика и военная стратегия находились в процессе корректирования, чтобы попытаться облегчить внешние отношения и сосредоточиться на экономическом развитии (Гуанмин Жибао 1987, 18 декабря).

ДРСМД стал первым в истории СССР и США документом о полном уничтожении определенного типа ядерного оружия, его подписание и вступление в силу символизировало, что после окончания Второй мировой войны холодная война и гонка вооружений между двумя мощными военными блоками пошли на спад, в вопросе разоружения страны перешли от пустых разговоров к реальным действиям. 1987 год являлся годом ослабления конкуренции между США и СССР, и произошла новая разрядка в советско-американских отношениях. Хотя базовая ситуация противостояния и диалога между двумя странами не изменилась, отношения значительно улучшились. В 1987 г. обе стороны установили контакты в различных аспектах и достигли значительных успехов.

ЛИТЕРАТУРА

岁首话天下。在对抗中对话。= Первые слова мира. Диалог в противостоянии // 中国青年日报=Газета Китайская Молодежь. 05.01.1985.

旷日持久的美苏马拉松谈判。= Затяжные марафонские американо-советские переговоры // 光明日报=Гуанмин Жибао. 06.01.1985

苏美首脑会谈结束发表联合声明。会谈是有益的但在一些关键问题上还存在严重分歧。= Публикация совместного заявления США и СССР. Переговоры полезны, но по некоторым ключевым вопросам все еще существуют серьезные разногласия // 人民日报=Жэньминь Жибао. 22.11.1985.

对话与对抗.= Переговоры и борьба // 中国青年日报=Газета Китайская Молодежь. 19.11.1985.

美苏第五轮日内瓦军备控制谈判结束。= Завершение пятого раунда советско-американских переговоров в Женеве // 人民日报=Жэньминь Жибао. 26.06.1986.

张亮. 苏美在裁军问题上的新姿态。= Новое положение в вопросе советско-американского разоружения // 人民日报=Жэньминь Жибао. 07.07.1986.

张寒. 莫斯科将一军, 华盛顿费思量。= Чжан Хан. Москва объявила шах, Вашингтон размышляет // 中国青年日报=Газета Китайская Молодежь. 05.07.1986.

郑德鑫. 美苏在裁军问题上的新动向。= Чжэн Дексинь. Новые тенденции в вопросах разоружения в США и СССР // 光明日报=Гуанмин Жибао. 15.07.1986.

美苏首脑会谈以失败告终。= Американо-советская встреча завершилась неудачей // 人民日报=Жэньминь Жибао. 14.10.1986.

塞北. 失败的会晤。= СайБэйей. Неудачная встреча // 人民日报=Жэньминь Жибао. 14.10.1986.

沈嵇. 冰岛触礁美苏互责。= Шэнь Цзи. Провал исландской встречи, взаимное обвинение США и СССР // 中国青年日报=Газета Китайская Молодежь. 14.10.1986.

王德铭. 以失败告终——评美苏首脑冰岛会晤。= Ван Деминь. Закончилась неудачей – комментарий к американо-советской встрече в Исландии // 光明日报=Гуанмин Жибао. 15.10.1986.

施鲁佳. 一次令人失望的会谈。= Ши Луйцзя. Неутешительные переговоры // 新华日报=Синьхуа Жибао. 14.10.1986.

对话总比对抗好。= Диалог всегда лучше противостояния // 人民日报=Жэньминь Жибао. 17.10.1986.

张允文. 美苏军备控制谈判的新形势。= Чжан Юньвэнь. Новые ситуация переговоров об управлении вооружением // 人民日报=Жэньминь Жибао. 04.03.1987.

郑德鑫. 美苏达成中导协议前景趋于明朗。= Чжэн Дексин. Яркие перспективы американо-советского соглашения // 光明日报=Гуанмин Жибао. 10.08.1987.

沈嵇. 首脑会晤举世瞩目美苏关系局部缓和。= ШэньЦзи. Встреча на высшем уровне привлекла внимание всего мира, Отношения между США и СССР были частично ослаблены // 中国青年日报=Газета Китайская Молодежь. 11.12.1987.

王崇杰. 美苏首脑华盛顿会晤初析。= Ван Чонцзе. Первичный анализ американо-советской встречи на высшем уровне в Вашингтоне // 新华日报=Синьхуа Жибао. 12.12.1987.

王德铭. 对抗中的缓和——谈1987年的美苏关系。= Ван Деминь. Ослабление в конфронтации – разговоры об американо-советских отношениях в 1987 году // 光明日报=Гуанмин Жибао. 18.12.1987.

REFERENCES

Pervye slova mira. Dialog v protivostoyanii [The first words of the world. Dialog in confrontation]. Gazeta Kitaiskaya Molodezh' [Newspaper Chinese Youth]. (January 05, 1985). (in Chinese)

Zatyazhnye marafonskie amerikano-sovetskie peregovory [Long marathon US-Soviet negotiations]. Guanmin Zhibao [GuangmingRibao]. (January 06, 1985). (in Chinese)

Publikatsiya sovместного zayavleniya SShA i SSSR. Peregovory polezny, no po nekotorym klyuchevym voprosom vse eshche sushchestvuyut ser'eznye raznoglasiya [Publication of a joint statement by the USA and the USSR. Negotiations are useful, but there are still serious differences on some key issues]. Zhen'min' Zhibao [People's Daily]. (November 22, 1985). (in Chinese)

Peregovory i bor'by [Negotiation and struggle]. Gazeta Kitaiskaya Molodezh' [Newspaper Chinese Youth]. (November 19, 1985). (in Chinese)

Zavershenie pyatogo raunda sovetsko-amerikanskikh peregovorov v Zheneve [Completion of the fifth round of Soviet-American talks in Geneva]. Zhen'min' Zhibao [People's Daily]. (June 26, 1986). (in Chinese)

Novoe polozhenie v voprose sovetsko-amerikanskogo razoruzheniya [A new position on the question of Soviet-American disarmament]. Zhen'min' Zhibao [People's Daily]. (July 07, 1986). (in Chinese)

Chzhan Khan. Moskva ob'yavila shakh, Vashington razmyshlyayet [Zhang Han. Moscow declared a check, Washington reflects]. Gazeta Kitaiskaya Molodezh' [Newspaper Chinese Youth]. (July 15, 1986). (in Chinese)

Chzhen Deksin'. Novye tendentsii v voprosakh razoruzheniya v SShA i SSSR [Zheng Dexin. New trends in disarmament in the USA and the USSR]. Guanmin Zhibao [GuangmingRibao]. (July 15, 1986). (in Chinese)

Amerikano-sovetskaya vstrecha zavershilas' neudachei [The US-Soviet meeting failed]. Zhen'min' Zhibao [RenminRibao]. (October 14, 1986). (in Chinese)

SaiBeei. Neudachnaya vstrecha [SayBey. Bad meeting]. Zhen'min' Zhibao [People's Daily]. (October 14, 1986). (in Chinese)

Shen' Tszi. Proval islandskoj vstrechi, vzaimnoe obvinenie SShA i SSSR [Shenji. Failure of the Icelandic meeting, mutual accusation of the USA and the USSR]. *Gazeta Kitaiskaya Molodezh'* [Chinese Youth Newspaper]. (October 14, 1986). (in Chinese)

Van Demin'. Zakanchivalas' neudachei – komentarii k amerikano-sovetskoj vstreche v Islandii [Wang Demin. Failed - comment on the US-Soviet meeting in Iceland]. *Guanmin Zhibao* [Guangming Ribao]. (October 15, 1986). (in Chinese)

Shi Luitszya. Neuteshitel'nye peregovory [Shi Lujia. Disappointing negotiations]. *Sin'khua Zhibao* [Xinhua Ribao]. (October 14, 1986). (in Chinese)

Dialog vseгда luchshe protivostoyaniya [Dialogue is always better than confrontation]. *Zhen'min' Zhibao* [People's Daily]. (October 17, 1986). (in Chinese)

Chzhan Yun'ven'. Novye situatsiya peregovorov o upravlenii vooruzheniem [Zhang Yunwen. New Arms Management Negotiation Situation]. *Zhen'min' Zhibao* [People's Daily]. (March 04, 1987). (in Chinese)

Chzhen Deksin. Yarkie perspektivy amerikano-sovetskogo soglasheniya [Zheng Dexin. Bright prospects for the US-Soviet agreement]. *GuanminZhibao* [Guangming Ribao]. (August 10, 1987). (in Chinese)

Shen'Tszi. Vstrecha na vysshem urovne privlekla vnimanie vsego mira, Otnosheniya mezhdru SShA i SSSR byli chastichno oslableny [Shenji. The summit attracted the attention of the whole world. Relations between the USA and the USSR were partially weakened]. *Gazeta Kitaiskaya Molodezh'* [Newspaper Chinese Youth]. (December 11, 1987). (in Chinese)

Van Chontsze. Pervichnyi analiz amerikano-sovetskoj vstrechi na vysshem urovne v Vashingtone [Wang Chongjie. Initial analysis of the US-Soviet Washington Summit]. *Sin'khua Zhibao* [Xinhua Ribao]. (December 12, 1987). (in Chinese)

Van Demin'. Osloblenie v konfrontatsii – razgovory ob amerikano-sovetskikh otnosheniyakh v 1987 godu [Wang Demin. The weakening of the confrontation - talk of US-Soviet relations in 1987]. *GuanminZhibao* [Guangming Zhibao]. (December 18, 1987). (in Chinese)

Chang Xinxin
Moscow, Russia

SOVIET-AMERICAN RELATIONS IN THE PERCEPTION OF CHINESE MEDIA: FROM 1985 THROUGH 1987

Abstract. The article addresses main issues of United States-Soviet Union relations in 1985–1987 as per perception by the Media of the People's Republic of China. After World War II, the world split into two opposing blocs, led by the USA and the USSR. The 1980s brought about a significant shift in international economic relations. In 1985, new trends emerged: firstly, a number of developed and developing countries opposed the arms race fearing it might expand as far as the outer space and bring back the military polarization with unpredictable consequences for the economy; secondly, the demands of renouncing the tough confrontation were voiced within the military alliances. The leaders of both blocs found themselves unable to effectively control their allies. These changes forced the leadership of the USSR and the USA to adopt new foreign policies. This paper describes the course of negotiations between the USSR and the USA, the attitude of the Soviet leaders to American politicians, and the assessments of the actions of Soviet leaders by Chinese media. The evolution of Soviet foreign policy at that period can be divided into three stages: simultaneous dialogue and confrontation, first Soviet concessions and compromises, and two concessions of the USSR. In order to objectively and fairly describe the historical facts of the Soviet-American negotiations in 1985–1987, the author carefully analyzes the most important foreign policies of the USSR from the standpoint of the Chinese press and quotes the opinions of major Chinese newspapers, such as *Renmin Ribao*, *Guangming Ribao*, *Xinhua Ribao* and *Zhongguo Qingnian Bao*.

Key words: Soviet foreign policy, perestroika, negotiations, Soviet-American relations, Cold War, Chinese press, Chinese media.

About the author: Chang Xinxin, Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Department of History of Russian Statehood.

Чжан Синьсинь. Советско-американские отношения в оценках китайских сми. 1985–1987 гг. // Вестник Нижегородского государственного университета. 2019. № 3. С. 55–61.

Chang Xinxin. Soviet-american relations in the perception of chinese media: from 1985 through 1987 // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2019. No. 3. P. 55–61.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.51)«1918»

С. Л. Бехтерев, Л. Н. Бехтерева
Ижевск, Россия

ЧЛЕН ЦЕНТРОБАЛТА: К РЕВОЛЮЦИОННОЙ БИОГРАФИИ САРАПУЛЬСКОГО МАКСИМАЛИСТА

Аннотация. Представлена проблема освоения антропологического подхода и биографического метода в изучении начальных событий раннесоветской истории. Цель статьи – попытка реконструировать жизненный путь уроженца Сарапульского Прикамья, члена Центробалта, одного из лидеров эсеро-максималистского движения Павла Агафангеловича Краснопёрова. Исследование основывается на официальных документах, материалах периодической печати периода Гражданской войны, источниках личного происхождения, включая протоколы комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан, публикации партийных, советских и красноармейских газет «Воля», «Труженик», «Борьба», воспоминания супруги П.А. Краснопёрова А.Д. Краснопёровой-Егоровой-Замыцкой, узников «Баржи смерти» П.М. Невлера, А. Ральникова и др. Многие из них впервые введены в научный оборот. Материалы и выводы соотнесены с историографическими результатами, полученными предыдущими авторами. В ходе анализа фактических данных установлено, что Павлу Агафангеловичу Краснопёрову, родившемуся в с. Черново Арзамасцевской волости Сарапульского уезда Вятской губернии в небогатой крестьянской семье, удалось подняться до уровня государственного и партийного деятеля регионального масштаба. По заданию Центробалта и Петросовета он принял активное участие в установлении советской власти в Прикамье и погиб в октябре 1918 г. во время Ижевско-Воткинского учредилковского восстания от рук своих противников. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения биографий исторических личностей, помогая глубже и объективнее понять и оценить их место и роль в общественно-политических процессах.

Ключевые слова: раннесоветская история; Россия; Центробалт; Прикамье; эсеры-максималисты; биография; Краснопёров.

Сведения об авторах: Сергей Львович Бехтерев¹, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права; Людмила Николаевна Бехтерева², доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора.

Место работы: Удмуртский государственный университет¹; Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН².

Контактная информация: ¹1426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1; тел.: 8(951)195-63-68, e-mail: sergbehterev@yandex.ru; ²2426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4; тел.: 8(3412)68-26-67, e-mail: behterevaLN@yandex.ru.

Антропологический подход и биографический метод являются актуальными методологическими инструментами в познании исторической реальности. Особо значима их роль в научном освоении фактов раннесоветской эпохи, включившей революционное движение и Гражданскую войну, формирование государства «диктатуры пролетариата», коренную ломку прежнего многоукладного образа жизни. Среди деятелей раннесоветской истории Прикамья выделяется фигура Павла Агафангеловича Краснопёрова, члена Центробалта, активного участника Гражданской войны, одного

из лидеров эсеро-максималистского движения в Удмуртии, председателя Сарапульского Совета, трагически погибшего в октябре 1918 г. во время Ижевско-Воткинского учредилковского восстания от рук своих противников. Несмотря на заметную роль в социально-политической жизни первых лет советской власти, его имя сегодня малоизвестно в академических и общественных кругах, а справочные или очерковые сведения о нем носят случайный или противоречивый характер. В связи с этим целью настоящей статьи является попытка реконструировать жизненный путь

П.А. Краснопёрова в контексте событий бурной эпохи революций и Гражданской войны в России.

Исследование основывается на официальных документах, материалах периодической печати того времени, источниках личного происхождения, включая протоколы комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан, публикации партийных, советских и красноармейских газет «Воля», «Труженик», «Борьба», воспоминания супруги П.А. Краснопёрова А.Д. Краснопёровой-Егоровой-Замыцкой, узников «Баржи смерти» П.М. Невлера, А. Ральникова и др.

Павел Агафангелович Краснопёров родился в 1892 г. (ЦГА УР. Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 366. Л. 1) (по другим данным – в 1890 г. (Чебаев 1958)) в с. Черново Арзамасцевской волости Сарапульского уезда Вятской губернии. В многодетной небогатой крестьянской семье было еще четыре сына и одна дочь. Вскоре Краснопёровы переехали в уездный Сарапул, где отец поступил на службу сторожем лесного квартала, а мать – прачкой (ЦГА УР. Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 644. Л. 3).

Трудовая биография П.А. Краснопёрова началась в 1906 г., когда он стал рабочим местной кожевенной фабрики, а в 1908 г. – электромонтером Мотовилихинского пушечного завода Пермской губернии. Как полагают П.Н. Дмитриев и К.И. Куликов, одно время он был рабочим Ижевского оружейного завода и еще в 1905 г. связал судьбу с эсерами (Дмитриев, Куликов 1992: 26). По свидетельству его супруги Антонины (Антонины) Дмитриевны Краснопёровой-Замыцкой, он вел подпольную революционную деятельность и заключался царским правительством в Петропавловскую крепость (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 497. Л. 71).

С 1911 г. П.А. Краснопёров – матрос 6 отдельной батареи артиллерии Приморского флота, участник морских сражений Первой мировой войны на катере «Свобода» (Коробейникова 2019). В апреле 1917 г. на I

съезде моряков был создан Центральный Комитет Балтийского флота – Центробалт, стоявший на леворадикальных позициях. 26 июля Павла Агафангеловича, к тому времени члена Всероссийского союза социалистов-революционеров максималистов (ВССРМ), избрали в состав его производственной секции от крейсера «Аврора» (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 497. Л. 71). В дни выступления Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова он участвовал в организации матросов для ликвидации мятежа. В первых числах сентября Центробалт командировал его в комиссию по расследованию шпионской деятельности немецких баронов в районе Рижского залива, пользовавшихся покровительством матросского комитета во главе с консервативно настроенными офицерами. На основании доклада Краснопёрова 10 сентября Центробалт принял решение о чистке комитета от реакционных элементов (Чебаев 1958).

В начале октября 1917 г. Военно-революционный комитет столичного Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов направил многих членов Центробалта комиссарами на боевые суда для организации вооруженного восстания против Временного правительства Российской Республики. О политической работе П.А. Краснопёрова в этот период свидетельствует запись, сделанная в вахтенном журнале эскадренного миноносца «Меткий»: «В среду, 25 октября 1917 г. в 9.00 на миноносец “Меткий” прибыл комиссар Краснопёров. Записал мичман Петропавловский». Вместе с эсминцами «Деятельный», «Самсон» и др. «Меткий» вышел в Петроград и в 17.30 встал на якорь в Биотке. На следующий день он был у эллингов Нового Адмиралтейства (Зубарев 1978).

В конце января 1918 г. Павел Агафангелович, очевидно, по заданию Петросовета (Зубарев 1978) прибыл в Сарапул, где борьба за переход всей полноты власти к Совету приняла ожесточенный характер. Еще в ноябре 1917 г. революционными от-

рядами Казани, Ижевска, Воткинска и Камбарки были организованы перевыборы «соглашательского» Совета. Однако его состав вновь оказался меньшевистско-эсеровским; максималистов и большевиков прошло только 13 человек (Октябрь и гражданская война в Вятской губернии 1927: 29). В середине января 1918 г. в городе начался мятеж, возглавлявшийся начальником местной милиции эсером Я.Г. Сморгаловым. В Сарапул снова прибыли красногвардейские отряды. Было объявлено военное положение. Вся власть перешла к революционному комитету (штабу). Его председателем стал А. Жестянников, секретарем – максималист В.Т. Антипов (Антипин), членами – А.В. Галанов, Градобоев, Чернов и максималист Н.К. Медведев (Бехтерев 1997: 52). П.А. Краснопёров был введен в его состав на правах уполномоченного и по заданию Ревкома приступил к созданию матросской секции чрезвычайного органа власти. По этому поводу 30 января 1918 г. в местной эсеровской газете «Воля» за своей подписью Павел Агафангелович поместил объявление следующего содержания: «Тов. матросы и солдаты, желающие слиться в одно целое для единения и водворения должного порядка и демократической дисциплины в городе, прошу пожаловать в пятницу 2 февраля в 2 ч. дня в театр “Аполло”. Член Центробалта П. Краснопёров».

Как и ожидалось, митинг состоялся 2 февраля (15 февраля по н.ст.), собрав до 400 человек военнослужащих и рабочих. Его председателем избрали П.А. Краснопёрова, а секретарем – анархиста, матроса И.С. Анисимова. Была вынесена следующая резолюция, опубликованная в газете «Воля» 6 (19) февраля 1918 г.: «Мы, тов. матросы, солдаты и рабочие, объединившись в одно целое и собравшись 2 февраля (15 н.ст.), обсудив вопрос о реорганизации всех городских учреждений, функционирующих по-прежнему без соблюдения интересов трудового народа, пришли к следующему заключению: изъять всех приспешников буржуазии, сидящих в демокра-

тических учреждениях и борющихся за интересы буржуазии на народные деньги и подрывающих доверие трудового народа к советской власти. Ходатайствуем перед Рев. Штабом о закупке и сбыте кожевенного товара и сырья без препятствий под контролем рабочих, ибо нам, матросам и солдатам, прибывшим с фронта, нужна работа. Арестовать всех саботажников, всех призывающих открыто не подчиняться Советской власти и издавших декреты народных комиссаров. Мы во всеуслышание и громко заявляем: долой грязные руки, долой саботажников, долой провокаторов и контрреволюционных заговорщиков, не место им здесь».

На митинге сформировалась матросская секция, в которой видную роль играли будущие руководители Красной гвардии И.С. Анисимов, А.А. Ходырев, А.К. Чухланцев (Чебаев 1958).

Спустя две недели после митинга, 27 февраля по инициативе Центрального заводского комитета (ЦЗК) состоялось пленарное совещание представителей всех общественных и партийных организаций г. Сарапула для обсуждения вопроса о власти. Председательствующий П.А. Краснопёров ознакомил присутствующих с «Инструкцией о правах и обязанностях Советов» от 24 декабря 1917 г., разработанной Народным комиссариатом внутренних дел. Согласно документу, во-первых, упразднены военно-революционные комитеты, «возникшие во время переворота» (Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. – С.Б., Л.Б.) как боевые органы. Следовательно, подлежал ликвидации и Сарапульский Ревком. Во-вторых, органами власти провозглашались Советы рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов. На них правительством в лице Совета народных комиссаров возлагались задачи «управления и обслуживания всех сторон местной жизни, административной, хозяйственной, финансовой и культурно-просветительной». Они обязывались проводить в жизнь декреты центральной (со-

ветской) власти, принимать меры к самому широкому оповещению о них населения, издавать постановления, производить реквизиции и конфискации, налагать штрафы, закрывать контрреволюционные органы печати, производить аресты и распускать общественные организации, призывающие к активному противодействию или свержению советской власти. Вся текущая работа по управлению должна была осуществляться избравшимися советскими исполнительными комитетами (президиумами). По представлению подробных смет им отпускались государственные кредиты на три месяца. Кроме того, они обязывались действовать в соответствии с декретами и постановлениями центральной советской власти, уездных, губернских и областных Советов, посылать в центр отчеты о своей деятельности (Инструкция о правах и обязанностях Советов 1917).

В связи с тем, что «Инструкцией...» представлялась известная свобода в решении вопросов местного характера, Павел Агафангелович предложил выразить свое мнение по поводу организационных форм советской власти в уезде и городе. Выступивший с докладом большевик, член ЦЗК Т.Я. Аллилуев (Алилуев) обратил внимание на неопределенность, неустойчивость власти в Сарапуле вообще, «а в настоящий момент даже отсутствие главного органа власти» и предложил «озаботиться немедленно» его созданием. Кудинов рекомендовал «осторожно, внимательно относиться к выборам кандидатов в Совет, избрать лиц, лишь свято могущих защищать как идеи революции, так равно и интересы трудового народа», поставив в пример деятельность Ижевского Совета. Н.К. Медведев также предостерег от опасности прохождения в Совет представителей «капиталистического класса» и его прислужников.

После обсуждения докладов собрание приступило к выяснению процедуры избрания депутатов Совета. Вновь взявший слово Аллилуев отметил, что по его наблюдению, «у рабочего элемента города отсут-

ствует организованность и сплоченность, при отсутствии каковых и не может... до сего времени появиться в Сарапуле твердая народная власть». Предлагая «сплотиться и приступить к выбору кандидатов в Совет», он считал необходимым «прежде на организованных собраниях всесторонне убедиться» в их политической платформе. Вместе с тем он предостерег от применения часто ненужных репрессивных мер к лицам разных взглядов, «так как это противоречит идеям революции». Резюмируя различные мнения, П.А. Краснопёров напомнил о разгоне Совета в январе, отсутствии с того времени в Сарапуле «Советской народной, ответственной власти, без какой не может быть революционного порядка, что способствует процветанию контрреволюционных движений». Он предложил ускорить выборы членов (депутатов) Совета, выдвинутых от организаций или партий, с помощью тайного голосования.

После прекращения прений была вынесена резолюция, суть которой сводилась к необходимости созыва 3 марта пленарного совещания для выяснения числа организаций, допускаящихся к выдвижению кандидатов, и 5 марта – начала работы Совета (Журнал пленарного совещания... 1918).

8 марта 1918 г. состоялось назначенное Ревштабом первое общее собрание всех членов Сарапульского Совета. На него явились 97 депутатов, из них 3 с совещательным голосом. В состав избранного временного президиума вошли В.Т. Антипов (председатель), большевик И.С. Седельников и Кулыгин (секретари президиума); сформировалась мандатная комиссия. В день первого организационного заседания по инициативе и под распорядительством П.А. Краснопёрова была проведена манифестация в поддержку советской власти. Ее участники внесли около 700 руб. на установку памятника революционным борцам (Информационное сообщение с митинга 1918).

10 марта 1918 г. проходило очередное организационное собрание Совета, на кото-

ром присутствовали 96 делегатов и 5 представителей Ревштаба. На повестке дня стояли два вопроса: выборы президиума и исполкома Совета. Максималисты, объединившись с большевиками и профсоюзами, получили 82 голоса и включили в свой список 26 кандидатов. Второй список выдвинули группы железнодорожников, приказчиков, писцов и служащих городской управы. Они имели 13 голосов и предложили четырех кандидатов. В результате голосования в состав исполкома были избраны 27 членов и 2 кандидата, в том числе 7 большевиков, 6 максималистов, 2 анархиста, 4 эсера, остальные – беспартийные. Исполком возглавил П.А. Краснопёров, его товарищами (заместителями) стали Т.Я. Аллилуев и И.С. Седельников, секретарем – А. Коновалов, все – от партийной фракции. Ревком сложил свои полномочия (В Совете рабочих депутатов (Сарапул) 1918).

Под руководством Краснопёрова Сарапульский Совет решал массу вопросов: национализировал предприятия, организовывал управление народным просвещением, здравоохранением, учет хлеба, снабжение населения продовольствием и отправку его голодавшим рабочим центральных районов страны. В военно-политическую деятельность включились и братья Павла – старший, Александр, стал председателем комитета бедноты в с. Черново, а младший, Фёдор – красноармейцем в отряде Е.С. Колчина (Чебаев 1958).

Для характеристики П.А. Краснопёрова на посту председателя исполкома Сарапульского Совета показателен такой факт. В местном кинематографе «Мир иллюзий» 27 (14) марта к нему обратился 16-летний Евлевский с просьбой показать браунинг. Доставая оружие, Павел Агафангелович случайным выстрелом ранил юношу в икру ноги. В связи с происшедшим он подал в отставку, но по решению исполкома продолжил работу в прежней должности (В исполкоме Совета рабочих депутатов 1918).

Революция породила романтические настроения у многих очевидцев и участни-

ков Гражданской войны. Захватила она и Павла Агафангеловича. В 1918 г. в одном из февральских номеров газеты «Воля» под заглавием «Мечты интернационалиста» были опубликованы его стихи в прозе на героическую тематику:

«Я рожден был в забытой и грязной деревне,

Я вырос в грязи поработенным рабом капитала,

Я на трупах рожден, и зачат на крови борьбы всех народов,

Я конечность любви, я погибну в борьбе за рабов,

Я в кварталах сырых, полутемных ютился изгнанным,

Где над телом царили бичи палачей, я там боролся и бился,

Иль старался смириться и слова утешенья сказать угнетенным».

Особенно выразительна концовка произведения:

«И зажгу я сердца у друзей для последней борьбы» (Жилин 2018).

Думается, что комментарии и выводы по поводу творчества матроса-романтика каждый читатель сделает свои, в зависимости от жанровых литературных предпочтений и мировоззренческих позиций.

В этот период произошли знаменательные события и в личной жизни П.А. Краснопёрова. 26-летний храбрый моряк по роду советской службы встретился с молодой учительницей Тоней Егоровой, обивавшей пороги учреждений в поисках литературы для школы (Коробейникова 2019). Будущий супруг поразил ее чуткостью, гуманным отношением к окружающим, стремлением помочь в каждом деле; он очень любил детей. Антонида Дмитриевна с душевной теплотой вспоминала те незабываемые дни: «Мне пришлось познакомиться с ним по работе. Мы подружились. Я стала его женой» (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 497. Л. 71).

Ни одно событие политической жизни Сарапульского Прикамья не проходило без активного участия П.А. Краснопёрова. Он

лично выезжал на подавление местных крестьянских восстаний в связи с проводившейся Советом Народных Комиссаров политикой «выкачки хлеба», улаживал вспыхнувший в мае 1918 г. конфликт между организацией РКП(б) и начальником отряда Красной армии максималистом (по другим данным – левым коммунистом) П. Студневым, пытавшимся проводить независимую политику. Тогда Краснощёров встал на сторону большевиков. Руководимая им фракция матросов решительно потребовала удаления Студнева из города (Чебаев 1958).

Между тем с весны 1918 г., особенно после заключения Брестского мира, наметился раскол левосоциалистического блока. Руководство ВССРМ и многих первичных организаций перешло в правительственную оппозицию СНК. В некоторых городах и заводах, в том числе Ижевске, Воткинске в апреле 1918 г. вспыхнули антибольшевистские мятежи. Не принимая активного в них участия, П.А. Краснощёров, оставаясь максималистом, отчасти саботировал мероприятия по их ликвидации. Известен факт, когда он не предоставил необходимой информации о положении дел на Ижевском заводе обратившемуся к нему 7 апреля адъютанту военного комиссара Казанской республики Н.П. Замятину, чем невольно обострил ситуацию (Бехтерев 1997: 65). К 25 апреля военно-коммунистическим организациям удалось подавить очаги сопротивления.

В июле 1918 г. внутреннее и международное положение Советской России осложнилось. Расширили свое присутствие интервенты, продолжался мятеж 50-тысячного чехословацкого корпуса. Ухудшение обстановки на фронтах Гражданской войны, усиление влияния правых партий сделали возможным возобновление сотрудничества эсеров-максималистов, большевиков, левых эсеров. Основным его мотивом стала защита социальной революции.

17 июля в Сарапул возвратились делегаты V Всероссийского съезда Советов,

принявшего первую Конституцию РСФСР. Его участниками были 11 представителей уезда, в том числе и П.А. Краснощёров. По политической принадлежности все они, за исключением одного, оказались левыми эсерами и максималистами. На 19 июля назначалось пленарное заседание членов Совета и представителей всех заводских комитетов и профсоюзов. Председатель Совета П.А. Краснощёров выступил с докладом о съезде, его решениях, признал гибельность тактики левых эсеров по вовлечению России в войну в связи с убийством германского посла В. фон Мирбаха и их выступлением в Москве 6–7 июля, горячо призвал ради момента забыть все, кроме «дела борьбы с поработителями народа, с разбойниками белой гвардии». По поводу организации власти он заявил: «Мы давно сказали, что учредилровке не бывать и не быть торжеству буржуазии, как не воскреснуть мертвому. Все постановления народной власти, в том числе и постановления V Всероссийского съезда Советов должны быть для нас законом» (Заседание исполкома Сарапульского Совета 1918).

Взявший слово член крестьянской секции Совета максималист Ломаев сетовал на то, что «лидеры ссорятся, а революция гибнет». В выступлении Т.Я. Аллилуева также содержалась критика политики ЦК левых эсеров. Товарищ председателя исполкома Сарапульского Совета поддержал призыв к объединению фракций. Представитель Уфы Плотников и член Петросвета Бороздин говорили «об исключительных испытаниях, выпавших на долю Советской власти», о необходимости борьбы с чехами и введении «железной диктатуры пролетариата».

В итоге по вопросу о власти была принята резолюция, приветствовавшая советскую власть и постановления Всероссийского съезда Советов. Участники заседания призвали к полнейшему объединению всех левых партий, стоящих на страже завоеваний Октября, и потребовали их во-

оружения для защиты революции (Ездили на съезд Советов в июле 1918 г. 1918).

На заседании исполкома Сарапульского Совета 18 июля 1918 г. был поставлен вопрос о создании боевых дружин. П.А. Краснопёров полагал, что милиции недостаточно, да и на красногвардейцев, как показывал опыт, полностью опираться не стоило. Он взял их организацию на себя, провел ряд митингов, в частности, среди рабочих строившегося моста через Каму, где принимались резолюции о вооружении трудового населения (В исполкоме. Заседание 18 июля 1918).

К началу августа 1918 г. резко обострилась обстановка на Восточном фронте. Прикамье оказалось в полосе операций 2-й и 3-й Красных армий. Штаб первой из них, оставив Уфу, эвакуировался в Сарапул. 2 августа Вятская губерния объявлялась на военном положении. В Сарапульском и других уездах Прикамья фактически сложилось двоевластие в лице, с одной стороны, красноармейской администрации, с другой – созданных 6–8 августа военно-революционных штабов (ВРШ). 6 августа Народная армия Комуча (Самарское антибольшевистское правительство) и чехи захватили Казань. 8 августа пал советский Ижевск, власть в котором также перешла к сторонникам Учредительного собрания.

В самом Сарапуле еще накануне Ижевского восстания прекратились торговля и товарообмен. Город оказался изолированным, все пути сообщения с уездным центром закрыты. Левые силы готовились к защите Сарапула. Была объявлена дополнительная мобилизация в Красную армию. 8 августа сложившееся положение обсуждалось на чрезвычайном собрании Совета. Представитель центра, один из лидеров ВССРМ, член ВЦИК Советов А.И. Бердников говорил, что «жребий брошен», «судьба Сарапула решена», «враг может войти в Сарапул лишь через трупы его защитников!» (Бехтерев 1997: 86). П.А. Краснопёров клятвенно заверил, что «мы... не уйдем отсюда, пока не победим или не ляжем

костью... Да нам и нет пути к отступлению». Далее он обрушился с разоблачительной критикой на правые партии и предрекал их незавидную участь: «Не секрет, что агенты проклятой буржуазии здесь в Сарапуле творят свое черное дело, вносят имена защитников революции на черную доску... Вам же, притаившимся под личной друзей, предателям и соглашателям с буржуазией, я говорю – вас тоже не помилует буржуазия, только вы умрете предателями. Вы хотите отыграться на беспартийности... Это вам не пройдет. В Самаре перестреляли большевиков, анархистов, максималистов. Дутов принял за меньшевиков и правых эсеров... Думать о спасении своей шкуры нам не приходится. Итак – победа или смерть!», – закончил свою речь под бурные аплодисменты Павел Агафангелович (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 503. Л. 241–242). Такую же позицию заняли все участники собрания. Исполком выделил Чрезвычайный ревком, которому передал всю полноту власти в городе и уезде. В него вошли представитель штаба 2-й Красной армии Р.С. Шапошников (председатель), П.А. Краснопёров, уездный военком А.В. Галанов и др.

Столкнувшись с повстанческим движением в уезде, сарапульцы надеялись уладить конфликт мирным путем. Однако, хотя демократическая миссия, посланная в мятежный Ижевск из представителей левосоциалистических партий, оказалась неудачной, но как разведка в учредилковском центре имела положительные стороны для Сарапульского ВРШ.

По мере разрастания антисоветского движения Ревком назначил П.А. Краснопёрова комендантом по эвакуации города. В это время между штабом 2-й Красной армии и Сарапульским Советом возник конфликт. Военная администрация настаивала на немедленном ее проведении, а Совет этому противился. Дело в том, что 13 августа из Вятки поступил приказ: «Ввиду тревожности момента предписывается всем советским работникам оставаться на своих

местах. Уход и преждевременная эвакуация будет рассматриваться как измена и предательство. Виновные будут наказываться» (Из Вятки телеграфируют... 1918). Павел Агафангелович в создавшейся ситуации встал на сторону интересов населения города. Не вдаваясь в подробности инцидента, отметим, что дело закончилось ограблением Сарапула Военным Советом Ижевско-Воткинского направления, разгромом им местного Совета, деморализацией левых сил (Куликов 1982: 58).

25 августа 1918 г. Сарапульский Совет образовал Чрезвычайный уездный исполком из представителей левых партий и рабочих. Он объявил все распоряжения прежнего ревкома недействительными, взял на себя всю полноту власти в городе и уезде и назначил на 30 августа новые выборы в Совет. Не рассчитывая на поддержку из Вятских Полян, П.А. Красноперов, как комендант по эвакуации, решил ориентироваться на пермское направление – уездный центр г. Осу. Буквально накануне занятия повстанцами Сарапула предпринимались попытки воспрепятствовать отправке эшелонов с оставшимся военным имуществом. Тем не менее, меры, принятые местными советскими властями, не спасли положение. В ночь на 31 августа в город вступили учредилловцы.

По возвращении из Осы супруги Красноперовы около двух недель скрывались в лесу на Созыкинском кордоне. Вскоре Павел Агафангелович оказался в руках мятежников. Обстоятельства случившегося достаточно разноречивы. По воспоминаниям узника «Баржи смерти» А. Ральникова, Красноперов «был спровоцирован на добровольную явку в Сарапул как бывший максималист с заверением о непресследовании, но при явке был арестован и посажен в баржу» (Научный архив... Оп. 2-Н. Д. 497 Л. 145–146). Довольно противоречивы свидетельские показания, данные комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан соратниками П.А. Красноперова – И.С. Анисимовым и

А.А. Ходыревым, утверждавшими, что Красноперов «добровольно сдался» и тут же, на следующей странице, опровергавшими эту информацию (ЦГА УР. Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 8. Л. 35, 36).

Другая часть очевидцев и исследователей склоняется к насильственному захвату П.А. Красноперова учредилловцами, хотя детали и разнятся. Так, красный партизан А.Ф. Иванов в материалах комиссии свидетельствовал: «Дождавшись утра, мы добрались до лесной караулки, в которую зашли вместе с товарищем и там неожиданно встретили своего товарища П. Красноперова. Рано утром я вышел из караулки на двор, где услышал несколько разговоров, это белогвардейцы искали красных гвардейцев, я скричал товарищей, которые выбежали и открыли стрельбу, после нескольких выстрелов были окружены, но мы не растерялись, бросились в лес, в разные стороны. Мне пришлось бежать, а остальные попали в плен, где и были расстреляны» (ЦГА УР. Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 379).

По мнению Елизаветы Ефимовны, матери П.А. Красноперова, роковую роль в пленении сына могла сыграть его супруга: «С приходом белых в Сарапул сын Павел скрывался в лесу и был предан своей женой Антониной Дмитриевной Красноперовой-Егоровой», которая каким-то образом общалась «с белогвардейскими офицерами» (ЦГА УР. Оп. 1. Д. 644. Л. 4).

Антонида Дмитриевна объясняла свою связь с мятежниками необходимостью выполнения поручения мужа по сбору информации для борьбы с ними. Однако сведения передать она не успела: «На другой день мне сообщили, что он арестован и находится в контрразведке. Потом его увели в тюрьму на винный склад» (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 497. Л. 72).

По свидетельству баржевика П.М. Невлера, П.А. Красноперов был арестован и препровожден в Сарапульскую тюрьму в камеру смертников 25 сентября. Накануне взятия города Красной армией,

утром 3 октября 1918 г. учредилловцы перевели заключенных в «Баржу смерти» и отконвоировали в с. Гольяны. Последний раз, вспоминала Антониды Дмитриевна, «я видела мужа на Романовском мосту, когда вели арестованных на “баржу смерти”. Голова и борода у него были седые» (Чебаев 1958).

Павел Агафангелович погиб 17 октября 1918 г. буквально за два часа до освобождения «Баржи смерти» моряками Волжской военной флотилии. Очевидцы свидетельствовали: «Открылся люк, фельдфебель кричал: “Всех переводим в другую баржу. Приготовиться! По пять человек на палубу!” Поднялись на палубу первые пять баржевиков. Раздались выстрелы. Стало понятно, палачи хотят в первую очередь расстрелять смертников-большевиков. Красноперов, у которого два брата находились в барже, заявил: “Мы пойдем все три брата вместе и умирать будем гордо, как Красноперовы”. В одной пятерке вышли

братья. Им спустили шапки на глаза, дали залп» (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 496. Л. 145–146). «Расстреляли их одним залпом, потом сбросили в Каму – рассказывал вдове Павла Агафангеловича ее брат Николай Дмитриевич Егоров, бывший с товарищем Баутиным в одной пятерке с Красноперовыми и чудом избежавший расправы. – Павел еще выплывал, но палачи стреляли, пока он не исчез...» (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 497. Л. 73).

Так закончил свою недолгую жизнь член Центробалта, один из лидеров эсеро-максималистского движения в Прикамье, председатель Сарапульского Совета в 1918 г. Павел Агафангелович Красноперов. Изучение его биографии помогает глубже и беспристрастнее понять и оценить начальные события раннесоветской истории, отразившиеся в судьбах поколений российского общества.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики
НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН – Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук

ЛИТЕРАТУРА

- Бехтерев С.Л.* 1997. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН.
- В исполкоме. Заседание 18 июля. 1918 // Труженик, орган Сарапульского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 26 июля.
- В исполкоме Совета рабочих депутатов. 1918 // Воля, орган партии социалистов-революционеров. 30 (17) марта.
- В Совете рабочих депутатов (Сарапул). 1918 // Воля. 12 марта (27 февраля).
- Из Вятки телеграфируют. 1918 // Борьба, орган политического отдела штаба 2-й армии Восточного фронта. 13 августа.
- Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* 1992. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск: Удмуртия.
- Ездили на съезд Советов в июле 1918 г. 1918 // Труженик. 21 июля.
- Журнал пленарного совещания представителей организаций и партий г. Сарапула 27 февраля 1918 г. 1918 // Труженик. 6 марта (21 февраля).
- Жилин С.А.* 2018. Мечты интернационалиста // Белое Дело. 1 января. URL: <https://clck.ru/JY7En> (2019. 12 авг.).
- Заседание исполкома Сарапульского Совета. 1918 // Труженик. 25 июля.
- Зубарев С.П.* 1978. Матрос Центробалта // Удмуртская правда, орган Удмуртского обкома и Ижевского горкома КПСС. 14 января.
- Инструкция о правах и обязанностях Советов. 1917 // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 24 декабря.
- Информационное сообщение с митинга. 1918 // Труженик. 10 марта (25 февраля).

- Коробейникова Л.Л.* 2019. Жены Сарапульских комиссаров. Ближний круг // Сарапульский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. URL: <https://clck.ru/JY7FL> (2019. 12 авг.).
- Куликов К.И.* 1982. В боях за Советскую Удмуртию. Ижевск: Удмуртия.
 НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 496.
 НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 497.
 НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 503.
- Октябрь и Гражданская война в Вятской губернии: Сб. ст. и материалов. 1927 / Данчик И., Новоселова А., Флейс Е. (ред.). Вятка: Истпарт Вятского губкома ВКП(б).
 ЦГА УР. Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 366.
 ЦГА УР. Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 8.
 ЦГА УР. Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 379.
 ЦГА УР. Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 644.
- Чебаев В.* 1958. Человек с горячим сердцем // Комсомолец Удмуртии, орган Удмуртского обкома ВЛКСМ. 19 ноября.

REFERENCES

- Bekhterev S.L.* 1997. Esero-maksimalistское dvizhenie v Udmurtii. Izhevsk. (In Russian).
 V ispolkome. Zasedanie 18 iyulya. 1918. Truzhenik, organ Sarapul'skogo uездного Soveta rabochikh, soldatskikh i krest'yanskikh deputatov. 26 iyulya. (In Russian).
 V ispolkome Soveta rabochikh deputatov. 1918. Volya, organ partii sotsialistov-revolutsionerov. 30 (17) marta. (In Russian).
 V Sovete rabochikh deputatov (Sarapul). 1918. Volya. 12 marta (27 fevralya). (In Russian).
 Iz Vyatki telegrafiruyut. 1918. Bor'ba, organ politicheskogo otdela shtaba 2-i armii Vostochnogo fronta. 13 avgusta. (In Russian).
Dmitriev P.N., Kulikov K.I. 1992. Myatezh v Izhevsko-Votkinskom raione. Izhevsk: Udmurtiya. (In Russian).
 Ezdili na s"ezd Sovetov v iyule 1918 g. 1918. Truzhenik. 21 iyulya. (In Russian).
 Zhurnal plenarnogo soveshchaniya predstavitelei organizatsii i partii g. Sarapula 27 fevralya 1918 g. 1918. Truzhenik. 6 marta (21 fevralya). (In Russian).
Zhilin S.A. 2018. Mechty internatsionalista. Beloe Delo. 1 yanvarya. available at: <https://clck.ru/JY7En> (2019. 12 Avg.). (In Russian).
 Zasedanie ispolkoma Sarapul'skogo Soveta. 1918. Truzhenik. 25 iyulya. (In Russian).
Zubarev S.P. 1978. Matros Tsentrobalta. Udmurtskaya pravda, organ Udmurtskogo obkoma i Izhevskogo gorkoma KPSS. 14 yanvarya. (In Russian).
 Instruksiya o pravakh i obyazannostyakh Sovetov. 1917. Gazeta Vremennogo Rabocheho i Krest'yanskogo Pravitel'stva. 24 dekabrya. (In Russian).
 Informatsionnoe soobshchenie s mitinga. 1918. Truzhenik. 10 marta (25 fevralya). (In Russian).
Korobeinikova L.L. 2019. Zheny Sarapul'skikh komissarov. Blizhnii krug. Sarapul'skii istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik. available at: <https://clck.ru/JY7FL> (2019. 12 Avg.).
Kulikov K.I. 1982. V boyakh za Sovetskuyu Udmurtiyu. Izhevsk. (In Russian).
 NA UIIYaL UdmFITs UrO RAN. [Scientific Archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Op. 2-N. D. 496. (In Russian).
 NA UIIYaL UdmFITs UrO RAN. [Scientific Archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Op. 2-N. D. 497. (In Russian).
 NA UIIYaL UdmFITs UrO RAN. [Scientific Archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Op. 2-N. D. 503. (In Russian).
 Oktyabr' i Grazhdanskaya voina v Vyatskoi gubernii. 1927. Danchik I., Novoselova A., Fleis E. (red.). Sb. st. i materialov. Vyatka. (In Russian).
 TsGA UR [Central State Archive of the Udmurt Republic]. F. R-98. Op. 2. D. 366. (In Russian).
 TsGA UR [Central State Archive of the Udmurt Republic]. F. R-609. Op. 1. D. 8. (In Russian).
 TsGA UR [Central State Archive of the Udmurt Republic]. F. R-609. Op. 1. D. 379. (In Russian).
 TsGA UR [Central State Archive of the Udmurt Republic]. F. R-609. Op. 1. D. 644. (In Russian).
Chebaev V. 1958. Chelovek s goryachim serdtsem. Komsomolets Udmurtii, organ Udmurtskogo obkoma VLKSM. 19 noyabrya. (In Russian).

S. L. Bekherev, L. N. Bekhereva
Izhevsk, Russia

A TSENTROBALT MEMBER: REVISING THE REVOLUTIONARY BIOGRAPHY OF A SARAPUL-BORN MAXIMALIST

Abstract. The article addresses the problem of mastering the anthropological approach and the biographical method in studying the events of early Soviet history. This research aimed to reconstruct the life path of a member of the Central Committee of the Baltic Fleet (Tsentrobalt), one of the leaders of the Socialists-Revolutionaries Maximalists Pavel Agafangelovich Krasnopyorov, who was born in Sarapul Prikamye. The study relies on official documents, periodical press of the Russian Civil War period, sources of private origin, including protocols of the Red Guards and Red Partisans committees, publication in such Soviet, Red Army and party newspapers as Volya, Truzhenik and Borba, memoirs of Krasnopyorov's wife A.D. Krasnopyorova-Egorova-Zamytskaya, memoirs of prisoners of the Death Barges P.M. Nevler and A. Ralnikovs and others. Many of sources were first introduced into scientific discourse. The materials and conclusions were compared with historiographic results obtained by other authors. The analysis of historical evidence revealed how Krasnopyorov, who was born in a poor peasant family in the village Chernovo in Arzamastsevsky volost, Sarapul uyezd, Vyatka governorate, Russian Empire, rose to become a statesperson and a party leader at the regional level. Commissioned by Tsentrobalt and Petrosviet, he actively contributed to the establishment of Soviet power in the Kama region and was killed by his enemies during the Izhevsk-Votkinsk Uprising in October 1918. The findings can be useful for those who study biographies of historical figures of the same period, helping to understand and evaluate their place and role in the socio-political process without bias.

Key words: early Soviet history; Russia; Tsentrobalt; Prikamye; Socialists-Revolutionaries Maximalists; biography; Krasnopyorov.

About the authors: Sergey Lvovich Bekhterev¹, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Theory and History of State and Law; Lyudmila Nikolaevna Bekhtereva², Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Deputy Director.

Place of employment: ¹Udmurt State University; ²Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-38.

Бехтерев С.Л., Бехтерева Л.Н. Член Центробалта: к революционной биографии сарапульского максималиста // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2019. № 3. С. 62–72.

Bekherev S.L., Bekhereva L.N. A Tsentrobalt member: revising the revolutionary biography of a sarapul-born maximalist // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2019. No. 3. P. 62–72.

УДК 908

В. Д. Пузанов
Шадринск, Россия

ТАРСКИЙ УЕЗД И ЕГО СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В.

Аннотация. В статье исследуется положение Тарского уезда и служилых людей Тарского города в первой трети XVIII в. В процессе написания работы были использованы архивные материалы: ответы администрации Тарского уезда на вопросы анкеты профессора Г.Ф. Миллера, книги и столбцы Сибирского приказа по служилым людям Сибири, а также материалы из фонда Сената. В статье приводятся данные по городу Таре и его уезду в 1730-е гг. Особенностью Тарского уезда являлось его пограничное положение. К югу от уезда находилось крупнейшее государство кочевников ойратов – Джунгарское ханство, знать которого собирала дань с тюрского населения уезда. Реформы Петра I привели к глубоким изменениям в социальном мире Сибири. В первой трети XVIII в. происходят значительные изменения в составе населения уезда: из родственников служилого населения и духовенства формируется социальная группа разночинцев, а значи-

тельная часть служилых людей Тары переводится на службу в гарнизонные полки Сибири и Оренбургской губернии. Конфликт конных казаков Тары с ротмистром Яковом Чередовым показателен для понимания представлений о службе служилого мира города. Семья Чередовых являлась одной из старых семей русских служилых людей, живших в Таре со времени основания города. Чередовы занимали ряд важных постов в служилом мире Тары, многие из них стали детьми боярскими и дворянами. После событий так называемого Тарского бунта 1722 г., в котором Чередовы приняли значительное участие, Чередовы утратили свое привилегированное положение и стали разночинцами Тары. Служилые люди «старых служб» – дворяне, дети боярские, казаки – и после реформ остались главной военной силой в уездах Сибири, однако увеличилась зависимость этой группы от государства. Новые гарнизонные полки в крае формировались в 1730-е гг. главным образом из старых служилых людей.

Ключевые слова: дети боярские; конные казаки; служилые люди; губернатор; уезд; город.

Сведения об авторе: Владимир Дмитриевич Пузанов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и права.

Место работы: Шадринский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 641870, Россия, г. Шадринск, ул. Карла Либкнехта, д. 3; тел. 89195720716, e-mail: alan1971@bk.ru.

В XVIII в. из городов – центров уездов Сибири военные силы постепенно были переведены на особые линии укреплений, защищавшие южные границы края. В 1715–1720 гг. русскими войсками в результате нескольких экспедиций по указу Петра I были построены крепости Иртышской линии. В 1763 г. к югу от Иртышских крепостей началось строительство укреплений Бухтарминской линии. Ранее к 1747 г. на российском Алтае возникли укрепления Колыванской и Кузнецкой линий. В 1765–1770 гг. к востоку от этих старых укреплений были построены новые Колыванская и Кузнецкая линии. В 1752–1756 гг. части русской армии и крестьяне края построили Новую Ишимскую линию, которая защищала от набегов земли Сибирской губернии от Звериноголовской крепости до Омской крепости.

В правление Петра I в Сибири правительство проводит крупные преобразования. По Черепановской летописи, в 1705 г. начались рекрутские наборы в Сибири. В 1706 г. в уездах, острогах и слободах Тобольского разряда были взяты в солдаты с посадских людей, крестьян и бобылей с 20 дворов по человеку (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 119). По данным Сибирского приказа, именно в Сибирской губернии в рекруты бралась более значительная часть населения, чем в других губерниях России, «Сибирская губерния с городов и слобод с купечества и крестьян имеется в переplate

рекрут» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 448. Л. 173). Всего, по данным Сибирского приказа, в рекрутские наборы с 1703 по 1721 гг. из Сибирской губернии было набрано 23 642 человека. В результате Сибирский приказ отмечал в 1732 г., что «во многих городах и уездах к поселению людей удобных мест имеется довольно, но токмо Сибирская губерния людьми весьма малолюдна» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 448. Л. 173).

Однако в целом внешне города Сибири в первые десятилетия XVIII в. мало изменились по сравнению с эпохой первого столетия русской колонизации края. Одним из важных южных городов Сибирской губернии был уездный город Тара, откуда открывался путь на юг в новые, построенные в 1715–1720 гг., Иртышские крепости. Тара в XVII–XVIII вв. являлась важным центром внешней торговли Сибири с Джунгарией, Китаем и Бухарой. По данным анкеты, посланной администрацией Тарского уезда профессору Г.Ф. Миллеру в 1734 г., и в это время город Тара был огорожен стоячим острогом, «да в том же городе имеется малой город», который также был «огорожен стоячим же острогом и у того малого города имеется проезжая шатровая башня с воротами, на которой имеются соборной церкви колокола». В «малом городе» имелась «казенного строения» соборная церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы с приделом во имя Сергия Радонежско-

го чудотворца. В городе также находились административные здания – тарская воеводская канцелярия, в ней теплые 3 «жила», «казенный соболиный анбар», в котором лежали запасы «зборной государевой ясашной казны» (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 1). В «большом городе» Тары имелись 3 церкви, таможня и «при той таможе гостиной двор».

Городские стены Тары были усилены рвом и валом. Под городом около «верхнего посада» имелся ров глубиной на 1,5 аршина, а шириной в 2 сажени. Подле рва находился вал, «на валу за палисад в столбах забрано заплотом», на рву были построены 3 «проезжие ворота» с 3 башнями, позади рва «надолбы двойные запускные и рогатки новые». В анкете отмечалось, что в городе Таре последний «малой острог» был застроен в далеком 1669 г., а дополнительно укреплен – «в совершенство приведен» в 1677 г. В 1713 г. «всеми тарскими градскими и уездными жителями служилыми людьми и разночинцами и татарами для осторожности от набегов неприятельских людей» на горе «около всего тарского жительства» был построен земляной вал и вырыт ров (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 5). В городе имелась серьезная артиллерия. Всего в Таре к 1734 г. имелись 10 пушек чугунных весом в 19–20 пудов, а также 3 пушки «полковые походные» весом в 2–3 пуда, и 8 «пищалей затинных весом» по одному пуду (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 18–21).

В городе Таре к 1734 г. имелось 622 двора – 1 «казенной двор», в котором жил воевода, дворы духовенства – 1 двор протопа, 3 двора «поповских», 2 двора дьяконов, 1 двор пономарский. Много дворов принадлежало служилым людям – 16 дворов приказных служителей, 1 двор майорский, 4 двора дворян и детей боярских, 1 двор казачьего головы, 60 дворов конных казаков, 109 дворов пеших казаков, 19 дворов отставных солдат и казаков. В городе имелось также 65 дворов посадских людей и 298 дворов «разночинцев, которые платят

подушные деньги», 3 двора «оброчных бобылей, которые за десятинную пашню платят оброчной провиант», 5 дворов ямщиков, 2 двора служилых татар, 6 дворов ясачных татар и 23 двора бухарцев (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 21–22).

К Тарскому уезду принадлежали и были «приписаны» новые, построенные по указам Петра I на р. Иртыш, Омская, Железинская крепости, а также Аевская, Бергамцкая, Татмыцкая, Чернолуцкая слободы и ясачные волости по р. Иртышу. В год с населения Тарского уезда собиралось «всякой казны» подушных денег 6 206 руб. 21 коп. – с посадских и цеховых 188 руб. 40 коп. по 1 руб. 20 коп., с разночинцев, крестьян, дворовых людей, с присыльных 7 гривенных 3 961 руб. 41 коп., с 4 гривенных 2 056 руб. 40 коп. Кроме того, с ясачных волостей «ясачной казны разной мягкой рухляди по окладу» собиралось всего на 1 991 руб. 50 коп., с тарских юртовских бухарцев, с отставных служилых татар и детей 24 руб. 90 коп. В результате к 1734 г. «всею казны збирается» с Тарского уезда на 8 222 руб. 61 коп. (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 3).

К югу от Тарского уезда начинались владения могущественного государства кочевников – Джунгарского ханства. Большой проблемой в отношениях Российской империи и Джунгарии являлось отсутствие определенной и признанной границы между этими государствами (Бобров 2015: 637). Правители Джунгарии считали своими данниками и собирали алман с многих волостей тюрского населения сибирских Тарского и Кузнецкого уездов. В анкете 1734 г. на вопрос «какие барабинские волости дают ясак или алман калмыкам?», власти Тары отвечали, что на 7 барабинских волостей «положен ясак изстари», а оклады ясачные люди имели разные, так, с Тунуской волости собирали 54 лисицы и 2 выдры, с Любанской – 14 лисиц и 2 выдры, с Кулебинской – 44 лисицы и 2 выдры, с Карагалинской – 14 лисиц и 2 выдры, с Барабинской – 124 лисицы и 15 выдр, с Чой-

ской – 56 лисиц и 4 выдры, с Теренинской – 18 лисиц и 4 выдры (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 47).

Далее в анкете администрация Тары сообщала о том, как собирали алман сборщики джунгар: «А насколько де ценою оных зверей про то де не знают, а оной де ясак называется алманом по их ойратскому названию, а они де барабинцы называют ясаком, а приезжают по оной ясак от оногo владельца Галдан Черена зборщики в вешнее время после платежа в казну ясаку збирают означенный ясак по окладу, а ежели промыслу лисиц и выдр не будет, то збирают другими разными зверьми за каждую лисицу по 2 корсака, или по полукоже красной или по 2 бобра небольшие, а за каждую выдру по 4 лисицы или по 2 кожи красных, только неведомо по приказу означенного Галдан Черена или собою оные зборщики берут сверх оногo ясачного оклада на себя корму» по 17 скотин да хлеба по 8–10 мешков, а за мешок хлеба берут по 5 горностаев, и на лошадей корм... случается, что и более окладного ясаку оные зборщики збирают» (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 48). Таким образом, русские власти фактически признавали зависимость тюркского населения южных уездов не только от Российской империи, но и от ойратов.

Огромные пространства разделяли небольшие русские города Сибири. От города Тары до ближайшего уездного центра на востоке – города Томска считалось в XVIII в. 850 верст. От Томска до уездного города Кузнецка, который более ста лет был наиболее южным российским форпостом в Западной Сибири, насчитывалось 365 верст (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 123).

Из Тары несколько сотен служилых людей не могли защитить от набегов кочевников с юга всю территорию уезда. В 1630 г. по грамоте из Москвы в «низовых ясачных волостях» было велено построить острожки и для защиты посылать служилых людей. В 1630 г. в уезде были построе-

ны Коурдацкий, Ишимский и Тебендинский остроги «для осторожности в те годы от набегов татарских, и с того году постройки оных острошков служилые люди на годовую службу из города Тары в оные острошки посылаю служилых людей по 10 человек». Позднее в Тарском уезде были построены форпосты – Болшереецкий форпост вверх по р. Иртышу на устье речки Бызовки на левом берегу в 97 верстах от города Тары, а также Ейский форпост «вверх по р. Оми на правой стороне той реки Оми в Ейском острове между двумя речками расстоянием от города Тары в 70 верстах» (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 10). На юге в Тепиашской деревне, от города Тары вниз по р. Иртышу на расстоянии от Тары 100 верст стоял еще один острожек.

В научной литературе были отмечены изменения в жизни служилых людей Сибири с начала XVIII в. Так, М.О. Акишин отмечал в качестве новой тенденции эпохи, что с начала XVIII в. Сибирский приказ меньше слушал челобитные служилых людей, а в уездах воеводы и начальники люди меньше считались с войском (Акишин 1996: 20). В ноябре 1706 г. конные казаки города Тары били челом государю в Сибирский приказ и просили отобрать у ротмистра Якова Чередова право суда над ними, полученное ротмистром в 1706 г. Казаки писали, что деды и отцы их, и они сами служили государеву службу и были послушны прежним ротмистрам и Якову Чередову, но судимы были у воеводы в приказной избе. Казаки просили, чтобы их судили в приказной избе, «чтобы нам от иных чинов в судах разных не быть» (Акишин 1996: 19; РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 93 об.).

Яков Александров сын Чередов был представителем старой служилой семьи города Тары. В списке служилых людей Тары 1689 г. первым среди военных отмечен представитель этой семьи Александр Чередов, который был верстан в службу на Таре еще в 1642 г. и с этого времени был участ-

ником многих военных походов, когда служилые люди преследовали группы кочевников на юге уезда, Кучумовичей, участвовал в караулах и защите ясачных людей уезда. Так в 1660 г. сын боярский Тары Александр Чередов сражался с кочевниками на юге Тарского уезда, а затем отправился за ними в погоню за р. Омь. В 1660 г. Александр Чередов был назначен поручиком и командиром роты рейтар города Тары из сформированного в Сибири воеводой князем И.А. Хилковым рейтарского полка (РГАДА. Ф. 214. Кн. 955. Л. 5).

По данным списка 1689 г. Александру Чередову в это время было уже 70 лет, но он еще служил по городу и упоминался первым среди детей боярских Тары. В 1642 г. оклад Александра составлял 7 руб., 3 чети ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли, к 1688 г. денежный оклад был увеличен воеводами города «по государевым грамотам» до 16 руб. Как отмечалось в списке служилых людей Тары, отец Александра Влас Чередов и дед Агапит были присланы на Тару в самом начале ее образования – «город ставить». Таким образом, семья Чередовых служила в городе с 1594 г., когда Тара была основана экспедицией под командой князя Андрея Елецкого (Солодкин 2011: 60). Отец Александра Чередова – конный казак, а позднее атаман Тары Влас Колашников, который в 1651 г. стал сыном боярским и позднее отмечался в документах как Влас Чередов (Крих 2016: 23–24).

Александр Чередов вырастил до зрелого возраста семь детей мужского пола. Из них старший Дмитрий служил в детях боярских, Яков – в ротмистрах, Афанасий – в сотниках, Никита – в детях боярских, Борис возрастом в 35 лет служил несколько лет в ротмистрах, но был отставлен. Алексей в 30 лет и Михаил в 20 лет были не верстаны в службу (РГАДА. Ф. 214. Кн. 955. Л. 6).

Старший из сыновей Александра Дмитрий был верстан в дети боярские Тары воеводой Михаилом Измайловым в 1657 г. В 1689 г. ему было 50 лет от роду. В 1665 г.

Дмитрий Чередов был верстан из детей боярских в рейтарские поручики и затем служил с рейтарами в Тобольске (РГАДА. Ф. 214. Ст. 367. Л. 769 об.). В 1668 г. Дмитрий был назначен ротмистром воеводой Тобольска Петром Годуновым и позднее командовал полуротой рейтар, посланных на Тару, после роспуска рейтарского полка Тобольского разряда (РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 58–121).

В 1677 г. ротмистр Дмитрий Чередов командовал служилыми людьми в походе на юг р. Иртыш. В 1688 г. Дмитрий Чередов был на Москве вновь верстан в дети боярские по городу Таре с большим окладом из оклада татарского головы Тары в 16 руб. денег, 16 чет ржи и 16 чет овса. Сын Дмитрия Яков в 1682 г. был верстан в дети боярские Тары по «государеву указу» и решению воеводы Тобольска А.А. Голицына, получив оклад своего отца (РГАДА. Ф. 214. Кн. 955. Л. 18).

В Сибирском приказе выписали, что 19 января 1688 г. бил челом государю сын боярский города Тары Яков Чередов о пожаловании ему чина ротмистра литовского списка и казаков на Таре, которым ранее служил представитель другого известного рода служилых людей города Степан Немчинов. По челобитной Якова Чередова, Степан Немчинов был отставлен от чина ротмистра, потому что его назначение воеводой Тары не было утверждено Сибирским приказом, «для того что верстан из казаков по воеводскому верстанию». Ротмистр литовского списка на Таре в это время получал хороший оклад в 15 руб. денег, 15 чет ржи, 15 чет овса и 3 пуда соли.

21 января 1706 г. Яков Чередов бил челом, что служит в ротмистрах у конных казаков лет с 19, а памяти ему не дано, чтобы великий государь велел дать ему в Сибирском приказе память против тобольских и иных городов начальных людей. 6 февраля 1706 г. по государеву указу и приговору князя М.П. Гагарина было велено дать ротмистру Тары наказную память (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1464. Л. 94). Чередов «по памя-

ти» должен был взять списки роты у старого ротмистра, пересмотреть казаков на лицо, и ружье у казаков и подать список воеводе, кто явится с каким ружьем. В компетенции ротмистра находились дела по искам до 15 рублей казаков его отряда, по делам на сумму выше 15 рублей ротмистр должен был обратиться к воеводе.

Однако служба Якова Чередова вызвала недовольство казаков. 10 января 1707 г. 325 казаков города Тары обратились к государю с челобитьем о назначении нового ротмистра. По данным казаков, с 1692 г., когда они служили под началом Якова Чередова, конные казаки не догоняли в погоне воровских воинских людей, грабивших в уезде. Надо отметить, что служба казаков Тары продолжалась на южных заставах уезда с 1 мая по 1 сентября в «работное время», когда им надо было заниматься обычным трудом в своих хозяйствах. Казаки также жаловались, что ротмистр не созывал совет служилых людей – сотников, пятидесятников и рядовых казаков для решения вопросов службы, «вся служба без совета войскового». 3 февраля 1707 г. первый губернатор Сибири князь М.П. Гагарин слушал с выписи и приказал передать тарских конных казаков судом и расправой воеводе по-прежнему (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1464. Л. 55–56).

В 1707 г. М.П. Гагарин приказал выбрать нового ротмистра к конным казакам города Тары из детей боярских «человека добраго», который советовался бы с казаками, «поступал с ними служилыми людьми с общаго согласия, потому что без согласия в воинском случае бывает государевым ратным людям урон». При этом и ротмистр Яков Чередов должен был остаться в «старом окладе».

9 апреля 1707 г. Чередов писал в челобитной, что он 20 лет служит полевые и отъездные службы, был послан много раз со служилыми людьми на ойратов и казахов «и на тех боях ранен». Чередов отмечал, что ранее во время долгой службы на него не жаловались служилые люди, а только в

1706 г. на него «били челом» казаки Тары. Чередов просил допросить в Сибирском приказе казаков, подавших жалобу, какие от него были обиды и налоги. Пятидесятник Никифор Гребеневский и казак Матвей Никифоров показали, что Яков Чередов к «расправным делам незаобычен», и из-за этого казаки боялись разорения, поскольку он высылает их «в поле без нужды», когда там нет кочевников. По мнению казаков, Чередов «был незаобычен» и к воинскому делу, в походе до Татмыцкой слободы Чередов бил тяжко батогами казака Григория Рябова «напрасно, за то, что он поверстан в братнее место в казаки, а Якову никаких подарков не дал». За 2 года до того в походе ротмистр бил батогами «напрасно» конного казака Антипу Некрасова (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1464. Л. 248–249).

В свою очередь, Чередов сообщил о походах казаков 1693, 1698, 1699, 1700, 1704, 1705, 1706 гг. под его началом на юге Тарского уезда для борьбы с кочевниками. В показаниях Чередов рассказал интересные сведения о служилом мире Тары. Правительство давно вело борьбу с практикой найма служилыми людьми гулящих людей, которым служба «не за обычай». По данным ротмистра, неурядки в службе чинили служилые люди: «иные бывают в отъездах для торгового промыслу» в Китайском государстве по 2, 3 и даже 5 лет, а за себя нанимают людей посторонних, которые не обычны к службе, иные старые и увечные, а иные за себя посылают в бой своих холопов». Такое поведение казаков и побуждало Чередова к наказаниям служилых людей. Так, казака Григория Рябова ротмистр велел бить батогами за то, что он явился на смотре в Татмыцкой слободе с плохим ружьем, а не ради своих прихотей, и били его «слегка». Антипу Некрасова велел бить за то, что он, отставной конный казак, служил в походе на юг по Иртышу «за своего сына», а его сын в то время нанялся в экспедицию на озеро Ямыш за другого пешего казака. Казак Григорий Степанов сказал на ротмистра «изменное дело», воевода про-

вел сыск у служилых людей, но не нашел никаких подтверждений и отпустил Чередова, «что до него дела нет» (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1464. Л. 249). Эти данные ротмистра показывают всю сложность отношений власти и служилого мира на далекой сибирской окраине. Понятно желание служилых людей Сибири служить «по старине». Однако после таких показаний о деятельности служилых людей более понятными становятся и действия правительства Петра I по строительству регулярной армии. Правительство, выплачивая служилым людям жалование и предоставляя им различные льготы, рассчитывало на них как на основную военную силу в государстве. А многие служилые люди, получая жалование, нанимали на свое место наемных людей, занимались промыслами, торговали даже в Китае.

11 июня М.П. Гагарин велел послать на Тару к Семену Карпову «разыскать» про поступки служилых людей города и писать в Москву, а Чередову быть ротмистром до указа, но без суда и расправы над казаками. 15 февраля 1707 г. Яков Чередов был пожалован в дворяне по просьбе его «за многие службы» с прежним окладом (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1464. Л. 111). Однако в итоге 1708 г. М.П. Гагарин удовлетворил челобитную казаков Тары и назначил ротмистром казаков литовского списка Ивана Немчинова.

Надо отметить, что и сами Чередовы активно занимались торговлей и промыслами в Тарском уезде. В роду Чередовых в это время имелись сотни десятин земли и 16 дворовых людей (Крих 2016: 33). Род Чередовых и после этой оставки не утратил своей роли в служилом мире Тары. Позднее дворянство получили и другие представители семьи Чередовых, которые выполняли важные поручения, дипломатические и военные, правительства в Сибири. В 1713 г. тарский казачий голова Иван Чередов был послан Гагариным к контайше джунгар для решения спорных территориальных вопросов (Алисов, Гончаров, Ивонин 2014). В

1717 г. губернатор Сибири Гагарин отправил отряд под командой тарского дворянина Василия Чередова по р. Иртыш южнее Ямышевской крепости для поиска земель под строительство новых крепостей. Весной 1718 г. Василий Чередов после зимовки на р. Иртыш нашел участок, на котором через несколько месяцев подполковник Ступин начал строить Семипалатинскую крепость (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 178–183). В июне 1719 г. тарский дворянин Иван Чередов был отправлен руководителем русской военной экспедиции Иваном Лихаревым посланцем к контайше Джунгарии. В мае 1721 г. Иван Чередов привез в Тобольск посланцев контайши для переговоров с губернатором (РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 56. Л. 9).

Назначенный губернатором ротмистр Иван Немчинов в 1722 г. стал одним из руководителей служилых людей города в событиях Тарского бунта. Характерно, что и служилые люди рода Чередовых приняли в Тарском бунте активное участие. Религиозные и культурные традиции старообрядчества оказались для Чередовых и многих других служилых людей Тары важнее социального положения и богатства. В итоге дворяне бывший ротмистр Яков Александров, Василий Борисов и Иван Борисов, и дети боярские Степан Афанасьев, Яков Дмитриев и Дмитрий Алексеев Чередовы были в июне 1722 г. посажены под арест, среди 67 служилых людей Тары. После 1722 г. Чередовы утратили чины и свое положение в служилой организации Тары и позднее стали разночинцами (Крих 2016: 31, 43).

Вообще, как отмечала Черепановская летопись, до 1722 г. жители города Тары были «богачейшие из Сибирских городов» за счет торга с калмыками Джунгарии. В ходе следствия по бунту 1722 г., которое проводил вице-губернатор А.К. Петрово-Соловово, известный своим «лихоимством и сребролюбием», жители Тары «претерпели немалое разорение» и во многом утра-

тили свое прежнее положение в Сибири (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 210 об.).

В XVII в. Тара была одним из главных военных центров Сибири. В 1625 г. в городе служили 421 чел. служилых людей, к 1638 г. их количество выросло до 734 чел. В 1685 г. на Таре служили 730 служилых людей. В 30-е гг. XVIII в. защита города и уезда оставалась делом служилых людей «старых служб». Всего к 1734 г. в Тарском уезде имелось «определенных по штату в службу действительно служащих» 6 чел. дворян, 16 детей боярских, 1 казачий голова, 331 конный казак, 330 пеших казаков, и 21 служилый татарин, всего 705 служилых людей (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 1). Кроме служилых людей в уезде жили и другие группы населения: 120 посадских жителей, 38 цеховых, 4 882 разночинца, 537 крестьян и дворовых людей, 259 присыльных, 329 юртовских бухарцев, 261 отставной служилый, их дети и захребетные татары, всего не служащих 6 432 чел. (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 2).

Значительные суммы тратились на жалованье военным. Служилые люди получали в годовое жалованье – 6 дворян по 9 руб. человеку, 16 детей боярских по 8 руб., казачий голова 13 руб., казаки конные 331 чел. по 7 руб., казаки пешие 330 чел. по 4 руб., служилые татары «по разным окладам» 172 руб. 25 коп., а всего «служилый город» 4 004 руб. 25 коп. Кроме того, часть служилых людей получала и хлебное жалованье. Так, 5 дворян получали хлебное жалование ржи и овса по 5 чет. итого 25 чет. ржи и 25 чет. овса. 12 детей боярских, 150 конных казаков, 170 пеших казаков получали всего ржи по 3 чет., круп полтора четверика, итого 996 чет ржи, 62 чет. 2 четверика круп. Всего на Таре служило «за хлебное жалование с пашни» служилых людей 118 конных казаков, 157 пеших казаков, 20 служилых татар (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 9–10).

Реформы Петра Великого зачислили тысячи родственников служилых людей и духовенства сибирских городов в особую

категорию – разночинцы. В Таре к 1734 г. жили 1 318 разночинцев, 44 дворовых, 4 оброчных бобыля, в подгородном уезде в Логиновом погосте 579 разночинцев, 23 дворовых, всего 602 чел., в Ложинковом погосте 650 разночинцев, 2 дворовых, 24 монастырских крестьянина, 6 оброчных бобылей, всего 682 чел., в Знаменском погосте 638 разночинцев, 19 дворовых, 5 бобылей, всего 662 чел.

В целом за первые десятилетия XVIII в. значительно выросло русское население слобод Тарского уезда. После основания Тары и в первой половине XVII в. все русское население Тарского уезда селилось в городе. Во второй половине XVII в. в Тарском уезде началось осторожное строительство слобод. К 1734 г. на территории уезда жили уже тысячи русских семей: в Аевской слободе жили 155 разночинцев, 98 крестьян, всего 253 чел. В Бергамацкой слободе проживали 232 разночинца, 97 крестьян, всего 329 чел., в Татмыцкой слободе – 727 разночинцев, 40 оброчных бобылей, 7 дворовых людей, всего 774 чел., в Чернолуцкой слободе – 228 разночинцев, 151 крестьянин, всего 379 чел. На далеком юге Тарского уезда в присуде Омской крепости к 1734 г. под прикрытием гарнизона проживало уже значительное русское население – 518 разночинцев, 120 крестьян, всего 638 чел. (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 7–8). По данным анкеты, «сверх тех чинов имеется захребетных и отставных служилых татар и их детей» в городе Таре 16 чел., а также бухарцев 40 чел., захребетных татар 3 чел., в Железенской крепости 3 чел., в Подгородном уезде 289 бухарцев, отставных татар 169 чел., захребетных татар 48 чел., всего 565 чел. татарского населения на особых правах – «и оных татар для их иноземства в подушной оклад не положено и подушных денег с них не збирается» (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 8).

Большие изменения произошли в служилом мире Тары во второй половине 30-х гг. XVIII в. в связи с формированием

новых полков на востоке России в Сибири и на Урале. Большие группы служилых людей городов Сибири были посланы на Урал для поддержки Оренбургской экспедиции. По данным анкеты, в 30-е гг. XVIII в. из города Тары служилые люди посылались в Исетскую провинциальную контору для командирования по Оренбургской дороге в крепости по р. Исети по 96 чел. В уезд на Тарские форпосты – Усть-Тарский, Большерецкий, Ейский посылалось по 50 чел., а в Железенскую крепость на р. Иртыш 25 чел. Также для защиты от набегов вниз р. Иртыша в острожки посылалось – в Ишимский по 3 чел., Тебендинский, Коурдацкий, Тепкашский по 2 чел., в слободу Аевскую, Татмыцкую, Бергамацкую по 2 чел. для продажи казенного вина и соли.

В сентябре 1736 г. по указу Сената в Сибири началось формирование гарнизонных войск драгунского полка и солдатского батальона, в которые были направлены сотни служилых людей из городов края. К 1741 г. на Таре по штату было дворян 6 чел., из них выбыло 5 чел., остался 1 чел., из 16 детей боярских выбыло 5 чел., осталось 11 чел. с жалованием по 7 руб. В уезде по штату служило 331 чел. конных казаков с головою и 21 чел. служилых татар, всего 353 чел. Из них 63 чел. служилых людей были зачислены в Оренбургский полк, а 53 чел. – в формируемые в Тобольске части драгун и солдат, кроме того 5 чел. казаков и 1 служилый татарин умерли. В результате

из конных казаков Тары выбыли 122 чел., и в корпорации осталось только 229 чел. В городе в корпорации пеших казаков состояло по штату 330 чел., из которых 42 чел. были зачислены в Оренбургский полк, а 15 чел. попали в драгуны и солдаты Тобольска. Кроме того, 2 казака бежали, а 6 чел. умерли, в итоге из корпорации выбыли 65 чел., осталось 265 чел. В целом потери служилых людей Тары были значительны: из 683 чел. «всего казаков» по штату выбыли в полки, бежали и умерли «без замены» 187 чел. В казаках города Тары осталось только 496 чел.

В 30-е гг. XVIII в. в слободах Тарского уезда появились и отряды регулярного войска. В Татмыцкой слободе Тарского уезда находилась команда Новоучрежденного тобольского драгунского полка, в которой служили прапорщик и 51 чел. драгун, а также поручик Иван Белоусов и 38 чел. солдат Новоучрежденного тобольского батальона (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4. Л. 37–38).

Реформы Петра I привели к глубоким изменениям в социальном мире Сибири. Служилые люди «старых служб» – дворяне, дети боярские, казаки и после реформ остались главной военной силой в уездах Сибири, однако увеличилась зависимость этой группы от государства. Новые гарнизонные полки в крае формировались в 1730-е гг. главным образом из старых служилых людей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

ЛИТЕРАТУРА

- Акишин М.О. 1996. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск: Автор.
- Алисов Д.А., Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. 2014. Тара в XVI–XIX вв. – российская крепость на берегах Иртыша / С.А. Алферов (отв. ред.). Омск: Амфора.
- Бобров Д.С. 2015. Стратегическая государственная граница Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время 4, 635–639.
- Крих А.А. 2016. Русское население Тарского Прииртышья: историко-генеалогические очерки (XVII – начало XX в.). Омск: Наука.
- Солодкин Я.Г. 2011. Вослед Савве Есипову. Очерки сибирского летописания середины – второй половины XVII в. Нижневартовск: Изд-во НВГУ.
- РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543.

- РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 4.
 РГАДА. Ф. 214. Кн. 955.
 РГАДА. Ф. 214. Кн. 1464.
 РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 56.
 РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 448.
 РГАДА. Ф. 214. Ст. 100.
 РГАДА. Ф. 214. Ст. 367.

REFERENCES

- Akishin M.O.* 1996. Politseiskoe gosudarstvo i sibirskoe obshchestvo. Epokha Petra Velikogo. Novosibirsk. (In Russian).
- Alisov D.A., Goncharov Yu.M., Ivonin A.R.* 2014. Tara v XVI–XIX vv. – rossiiskaya krepost' na beregakh Irtysha. Omsk. (In Russian).
- Bobrov D.S.* 2015. Strategic state frontier of Russian Empire in the southern Siberia in the first half of XVIIIth century. In *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe vremya*, 4, 635–639. (In Russian).
- Krikh A.A.* 2016. Russkoe naselenie Tarskogo Priirtysh'ya: istoriko-genealogicheskie ocherki (XVII – nachalo XX v.). Omsk. (In Russian).
- Solodkin Ya.G.* 2011. Vosled Savve Esipovu. Ocherki sibirskogo letopisaniya serediny – vtoroi poloviny XVII v. Nizhnevartovsk. (In Russian).
- RGADA. [Russian State Archive of Ancient Acts. Fund]. F. 196. Op. 1. D. 1543. (In Russian).
- RGADA. [Russian State Archive of Ancient Acts. Fund]. F. 199. P. 481. Ch. 4. (In Russian).
- RGADA. [Russian State Archive of Ancient Acts. Fund]. F. 214. Kn. 955. (In Russian).
- RGADA. [Russian State Archive of Ancient Acts. Fund]. F. 214. Kn. 1464. (In Russian).
- RGADA. [Russian State Archive of Ancient Acts. Fund]. F. 214. St. 100. (In Russian).
- RGADA. [Russian State Archive of Ancient Acts. Fund]. F. 214. St. 367. (In Russian).
- RGADA. [Russian State Archive of Ancient Acts. Fund]. F. 248. Op. 1. Kn. 56. (In Russian).
- RGADA. [Russian State Archive of Ancient Acts. Fund]. F. 248. Op. 8. Kn. 448. (In Russian).

V. D. Puzanov
Shadrinsk, Russia

TARSKY DISTRICT AND HIS EMPLOYEES IN THE FIRST THIRD OF THE XVIII CENTURY

Abstract. The article examines the situation of Tara uyezd and service people who lived in the town of Tara in the first third of the 18th century. The research relies on such archival materials as responses of officials of Tara uyezd who completed to Prof. G.F. Miller's questionnaire, books and tables of Siberian prikaz on the servitors in Siberia, and materials from the Senate fund. The article provides data on the town of Tara and Tara uyezd in the 1730s. Tara had a near-border position. A large Oirat state – Dzungar Khanate – was located to the south of Tara, and noble Oirat nomads collected tribute from the Turkic population of the uyezd. The reforms of Peter I made profound changes in the social world of Siberia. In the first third of the 18th century, the composition of the uyezd's population was significantly altered. A new social group *raznochintsy* was formed of the relatives of servitors and clergy, and a large part of Tara's service people were transferred to the garrison regiments of Siberia and the Orenburg governorate. The conflict between Tara's horse Cossacks and captain Yakov Cheredov is indicative and important for understanding the service in favor of the state at that time. The Cheredovs were a deep-rooted clan of Russian service people who had lived in Tara since its founding. The Cheredovs held a number of important offices in Tara, and many of them became Boyar scions and nobles. After the 1722 Tara Rebellion, in which the Cheredovs played a significant role, they lost their privileged position and became *raznochintsy*. The 'old' service people who were nobles, Boyar scions and Cossacks remained the main military force in Siberian uyezds after the reforms. However, their dependence on the state increased. New garrison regiments in the region were formed in the 1730s, mostly of 'old' service people.

Key words: Boyar scions; horse Cossacks; service people; governor; uyezd; town.

About the author: Vladimir Dmitrievich Puzanov, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of History and Law.

Place of employment: Shadrinsk State Pedagogical University.

УДК 93/94

Я. Г. Солодкин
Нижневартовск, Россия**БЕРЕЗОВСКИЙ УЕЗД В 1595 г.:
ВОССТАНИЕ «ИНОЗЕМЦЕВ» И СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ**

Аннотация. В 1595 г., вскоре после основания Березова, он был осажден остяками (вероятно, под началом куноватско-ляпинского князца Шатрова Лугуева) и «самоядью». Четверть века спустя трое березовских служилых людей показали в Казанском приказе, что осада, во время которой «иноземцы» выжгли острог, продолжалась свыше полугода. Вопреки традиционному представлению, в достоверности этого свидетельства можно усомниться, т. к. оно не вполне согласуется с известием о «приступе» Шатрова Лугуева к Березову в 1594/95 г., да и гарнизон крепости на Северной Сосьве, являвшийся весьма многочисленным (три сотни казаков и «литвы»), надо думать, был в состоянии заставить «государевых непослушников» отступить. «Шатость» среди березовских остяков и обдорских самоедов улеглась, вероятно, только через несколько месяцев, и в Москве сочли целесообразным отправить за Урал карательный отряд князя П.И. Горчакова, который в 1596 г. вместе с кодскими остяками и, по-видимому, березовцами разгромил Обдорское княжество и заложил Обдорский (Носовой) острог.

Ключевые слова: Березовский уезд; осада Березова в 1595 г.; ее продолжительность; остяки; самоеды; казаки; «литва»; карательная экспедиция князя П.И. Горчакова.

Сведения об авторе: Янкель Гутманович Солодкин, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, Россия, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел. (3466)27-35-10, e-mail: roshist@mail.ru.

Березов – первый русский город в Югорской земле – вскоре после основания (лето 1593 г.) был осажден остяками и «самоядью» под началом куноватско-ляпинского князца Шатрова Лугуева¹. Восстание, охватившее, как считается, все волости Березовского уезда и Обдорское княжество, расположенное в низовьях Оби, явилось самым крупным антирусским дви-

Долгое время об этом восстании было известно по челобитной 1601 г. новокрещена Степана Пуртиева (Пуртеева) (очевидно, родственника кодской княгини Анны) на Ш. Лугуева с упоминанием о том, что последний, «изменив» московскому государю², в 103 (1594/95) г. «приступал к Березову городу³, а в то время от Пуртиева (Пуртеева) «збежали ... к тому Шатрову 3

¹ Отец Шатрова Лугуева, получивший жалованную грамоту царя Федора Ивановича в августе 1586 г., вовсе не являлся владельцем Вымской земли, как порой утверждалось (Каштанов 2006: 14; Симачкова 2006: 76), туда Лугуй должен был привозить дань. См.: (Миллер 1999: 263; Бахрушин 1955: 137; Перевалова 2004: 38, и др.).

А.Т. Шашков считал Ш. Лугуева ляпинским князем, которому принадлежал остяко-вогульский городок Сугмут-ваш, по соседству с которым был заложен Березов (Шашков 1997: 20, и др.).

² На взгляд Е.В. Переваловой, Березов был основан «в вотчинах» Ш. Лугуева (Перевалова 2004: 39).

жением на севере Западной Сибири в конце XVI в.

жонки полонянки купленные», которых он отказывается возвращать (Миллер 1999:

280, 386–387; Миллер 2000: 39; ОИЮ 2000: 128–129; Вершинин, Шашков 2004: 13). В конце прошлого века в распоряжении историков оказался документ, позволяющий более обстоятельно представить ход первой (и единственной) осады «иноземцами» крепости на Северной Сосьве, – царская грамота тобольскому архиепископу Киприану от 19 декабря 1621 г., в которой излагалось предложение бывшего томского воеводы Ф.В. Бобарыкина перевести гарнизоны Березова и Сургута в Томск, а взамен, как и в Мангазею, посылать годовальщиков. Во время обсуждения этого предложения в Казанском приказе С.И. Волынский, являвшийся березовским воеводой в 1608–1611 г., заявил, что при нем и ранее в Березовском и Сургутском уездах наблюдалась «многая шатость», ясачные убивали служилых, торговых и промышленных людей⁴, остяки и «самоядь» к Березову «приходили приступом»; присланные из Тобольска служилые этих «ясашных» «воевали и многих изменников вершили, и тем де было поуспирело». (Очевидно, подразумевается тот же приступ, о котором писал С. Пуртиев)⁵. В Казанском приказе были опрошены

и березовские служилые – литвин Копос Григорьев, казаки «Первушка» Яковлев и «Тренька» Иванов. Как они «сказывали», Березов «срубили» 28 лет тому назад (т. е. в 101 (1592/93) г.)⁶ «для того, что в том месте многие остяки и самоядь ... ясаку с себя не платили», а «торговых людей побивали»⁷, следом же «березовские де остяки и самоядь к городу и к острогу приступали и острог де выжгли, и многих наших служилых людей побили. А достальные де наши люди от тех остяков сидели в городе в осаде болши полугода. И ис Тоболска де наши воеводы присылали на Березов выручати Черкаса Александрова с служилыми людьми. Да с Москвы прислан де был князь Петр Горчаков да Олександра Хрущов с служилыми людьми⁸ и с нарядом», мятежников подчинили, взяли с них ясак, а не желавших его платить казнили⁹, несколько «лутчих людей» и князцов отправили в столицу (ТАД 1994: 182–184)¹⁰.

К. Григорьев, П. Яковлев и Т. Иванов подчас считаются ветеранами березовского гарнизона (Березово 2008: 68; Вершинин, Шашков 2004: 15). О первом из них извест-

³ С.В. Бахрушин почему-то приурочил осаду Березова Ш. Лугуевым к 1600 г. См.: (Бахрушин 1955: 138).

⁴ Возможно, в частности, имеются в виду убийства ясатчиков в 1607 г. См.: (ОКМ 2004: 162).

Кстати, в царской грамоте березовским воеводам С.И. Волынскому и Ю.Я. Стромилову от 17 мая 1608 г. упоминается о прежних изменах живших в подведомственном им уезде ясачных остяков. См.: (РИБ 1875: 173).

⁵ Об осаде Березова в 1595 г. С.И. Волынский, скорее всего, знал от своего предшественника на воеводстве в этом городе князя П.А. Черкасского, который не дал назревавшему масштабному заговору остяков и «самояди» перерасти в восстание.

⁶ Эта дата называлась и во время тобольского и березовского «сыска» 1636 г. об обстоятельствах возникновения Березова. См.: (Сергеев 1960: 118; ПССГ 1996: 74).

⁷ Тобольские служилые, которых истребляли «инородцы» накануне восстания (Перевалова 2004: 39; Симачкова 2006: 53), вернее, до «поставления» Березова, – это, очевидно, годовальщики из Обского (Мансуровского) городка.

⁸ Согласно Книге записной, при воеводе князе П.А. Черкасском (управлявшем Березовом с 1605/06 г.) «была измена от иноземцев, и город осажен был, и люди побиты»; из Москвы в «товарыщи» воеводе прислали И.И. Зубова «с конскими ратными людьми», «город очистили, и изменников повесили 30 человек иноземных князцов» (в других редакциях Сибирского летописного свода этого известия нет) (ПСРЛ 1987: 143, ср. 192, 260, 317, 370). По всей видимости, в летописи спутаны события 1595 и 1607 гг. См.: (Солодкин 2012: 115).

⁹ По-видимому, эти расправы с санкции столичных властей осуществлял П.И. Горчаков «с товарыщи» (Солодкин 2001b: 161).

¹⁰ Надо думать, при составлении грамоты Михаила Федоровича Киприану показания березовских служилых – показания, которые могли целиком и не совпадать, – были отредактированы. Об этом свидетельствуют упоминания о «наших» служилых людях и «наших» воеводах.

но, что он, пожалованный в Москве как мангазейский годовальщик в 1617 г., служивший в Березове в 1620-х гг., в 1639 г. был послан на Лену «ставить» Якутск (Березово: 2008: 85; Малов 2015: 167, 177; ПССГ 1996: 87; РСНЮ 2007: 359). Первой (Первушка) Яковлев в 1616 и 1619 гг. был награжден на Казенном дворе «за сибирский приезд», а 25 ноября 1651 г., будучи уже сыном боярским, привез в столицу отписку березовского воеводы Я.Н. Лихарева (ОКМ 2004: 36; Малов 2015: 165, 167, 176)¹¹. Таким образом, Санах Копоть (Копотко) Григорьев и Первой Яковлев могли и не являться участниками обороны «Березова города» вскоре после его основания, а знали о ней, надо думать, понаслышке. Учтем также, что с 1595 г. ко времени «ропроса» березовцев в Москве о сооружении крепости у югорского городка Сугмут-ваш, близ впадения Северной Сосьвы в «великую» Обь, мятеже «иноземцев» и его подавлении прошло свыше четверти века, иначе говоря, отдельные подробности этих событий местные служилые, возможно, запомнили.

Рассматривая перипетии восстания 1595 г., А.Т. Шашков пришел к выводу, что оно, вероятно, началось в конце весны, охватив все волости Березовского уезда и низовья Оби, где находилось Обдорское княжество. Гарнизон недавно «поставленного» города сумел выдержать шестимесячную осаду, отбив благодаря пушкам и

позволило снять осаду. Когда (летом) в Москве узнали о мятеже березовских «иноземцев», за Урал отправили карательную экспедицию недавно воеводствовалого в Пелыме князя П.И. Горчакова¹². Под его предводительством служилые люди¹³, прибыв зимой к Березову, довершили разгром повстанцев, спустившись по льду Оби к Обдорскому княжеству и заложив там (не ранее весны) острог на Ангальском мысу (Шашков 1998: 14–15; Шашков 1999: 20–21; ОИЮ 2000: 129–130, ср. 161; Вершинин, Шашков 2004: 15–16, 27)¹⁴.

Исследователи, как правило, не сомневаются в том, что осада Березова «государевыми изменниками» продолжалась шесть месяцев (точнее, «болши полугода», как говорили местные служилые в Казанском приказе) (см. также: Солодкин 2001а: 13, ср. 14; Солодкин 2004: 40; Перевалова 2004: 40; Конев 2012: 101); на взгляд Е.В. Вершинина, она тянулась с весны до ноября 1595 г. (История Ямала 2010: 107, 211). Вспомним, однако, что в челобитной С. Пуртиева (Пуртеева) «приступ» Ш. Лугуева к «Березову городу» отнесен к 103 (1594/95) г.¹⁵, т. е., получается, осада недавно заложенного города оказалась не столь продолжительной. Такое заключение подтверждается и указанием С.И. Волынского на «приход» остяков и «самояди» к Березову «приступом» (ТАД 1994: 184)¹⁶. Березовский гарнизон в ту пору насчитывал три сотни казаков (Сергеев 1967: 178;

¹¹ Не исключено, впрочем, что этот сын боярский – тезка казака, которого расспрашивали в Казанском приказе тремя десятилетиями прежде.

¹² В представлении Е.В. Переваловой, рать П.И. Горчакова прибыла к Березову одновременно с татарами Ч. Александрова (Перевалова 2004: 40).

¹³ Известно, что среди них находились донские казаки. См.: (Пузанов 2011: 86, 113).

¹⁴ С точки зрения Е.В. Вершинина, Обдорский (Носовой) острог появился не ранее весны – лета 1596 г. См.: (История Ямала 2010: 107–109).

¹⁵ Ш. Лугуев в то время сумел избежать сурового наказания за «измену» (Очерки истории Коды 1995: 109; ОИЮ 2000: 148–149; Вершинин, Шашков 2004: 24; Перевалова 2004: 42), возможно, потому, что перешел на сторону русских властей.

¹⁶ Утверждение А.Т. Шашкова о нескольких приступах «иноземцев» к Березову – всего лишь допущение.

пищалиям все приступы, а осенью из Тобольска прибыл отряд атамана служилых татар Черкаса (Ивана) Александрова, что

ПССГ 1996: 74; Вершинин, Шашков 2004: 12; РСНЮ 2007: 65, и др.)¹⁷, и маловероятно, что они, снабженные пушками и пища-

лями, в течение многих месяцев не смогли заставить лишенных огнестрельного оружия «иноземцев» отступить. Тоболяки под началом Ч. Александрова, вероятно, помогли этим казакам покончить с главными очагами мятежа.

Заметим, что в грамоте «на Березов» воеводе В.С. Волынскому, «писанной» в Москве в августе 1595 г., речь идет о срочной передаче Игичею Алачеву дочери князя Агая, захваченной «кодичами» и головой И. Змеевым в Большой Конде, а затем отданной «березовским остякам» (Миллер 1999: 363–364), и нет даже намека на осаду «срубленной» отрядом Н.В. Траханиотова крепости. В грамоте же царя Бориса от 8 октября 1600 г. новым березовским «градодержателям» – воеводе И.Г. Волынскому и письменному голове И.П. Биркину – сказано, что когда они сменили В.Т. Плещеева и Т.М. Лазарева (в апреле 1599 г.), «город в двух местех поищтался» и «во многих местех был не покрыт», «и острог огнил и розвалился весь» (Миллер 1999: 379). Возможно, остякам в пору осады Березова не удалось, по крайней мере целиком, выжечь острог.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что власти Сургута не прислали служилых к Березову. Возможно, сменившиеся в 1595 г. сургутские администраторы не располагали достаточно крупными силами, да и, как и 12 лет спустя, «у всех у березовских и у сургутских остяков изменная мысль одна была, что им было казну (в Березове. – Я. С.) громить, и к го-

Кроме того, в 1594/95 г. еще продолжалось строительство сургутской крепости (ПССГ 1996: 156). Примечательно и то, что в своей пространной челобитной 1636 г. «кодичи» умолчали об участии в событиях 1595 г. (в отличие от «поставления» Сургута накануне и похода впоследствии с князем П.И. Горчаковым к «Обдору») (Вершинин, Шашков 2004: 15–16, 27). Возможно, «изменники» перекрыли пути к Березову из Кодского княжества, а там началось брожение.

Как читаем в царской грамоте воеводе и письменному голове Сургута от 31 августа 1596 г., в поход против властителя Пеггой орды верхненарымского князя Вони¹⁹ из Березова могли и не прислать казаков, татар (вероятно, подразумеваются местные остяки), «кодичей», «нешто будет Югорская земля не умиралась и на мере не стала» (Вершинин, Шашков 2004: 17)²⁰. Стало быть, к концу лета 1596 г. «шатость» в Березовском уезде, скорее всего, не улеглась, хотя в то время там, видимо, еще находился карательный отряд князя П.И. Горчакова.

Итак, антирусское восстание (для окончательного подавления которого потребовалось вмешательство тобольских, а затем даже московских служилых людей) на севере Западной Сибири в 1595 г. едва ли продолжалось свыше шести месяцев, если не больше, как обычно считается; отголоски этого восстания, вызванного действиями березовских администраторов и насилиями ясачных сборщиков (Симачкова 2006: 83), ощущались и летом следующего

¹⁷ О значительной численности служилых людей в Березове вскоре после его основания свидетельствуют и размеры полагавшегося им жалованья. См.: (РИБ 1875: 133; Миллер 1999: 350).

¹⁸ Примечательно, что в 1596 г. в Березов и Сургут был послан «запас (хлеба. – Я. С.) для осадного времени» (РИБ 1875: 132), возможно, не без влияния событий предыдущего года.

¹⁹ Поскольку уже летом 1596 г. в Москве был разработан замысел похода на Пегую орду, состоявшегося в следующем году, можно полагать, что к осаде Березова наряду с куноватско-ляпинским и обдорским князьями оказался причастен и властитель Пеггой орды Воня.

²⁰ С.В. Бахрушину думалось, что такое положение в Югорской земле существовало десятилетие спустя. См.: (Бахрушин 1955: 138, примеч. 1).

роду и к острогу приступать, и служивых людей побивать» (Миллер 2000: 238)¹⁸.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ОИЮ** – Очерки истории Югры
ОКМ – Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сборник документов
ПССГ – Первое столетие сибирских городов: XVII век
РИБ – Русская историческая библиотека
РСНЮ – Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в.: исследовательские материалы и документы
ТАД – Тобольский архиерейский дом в XVII веке

ЛИТЕРАТУРА

- Бахрушин С.В.* 1955. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М.: АН СССР.
 Березово (Очерки истории с древности до наших дней). 2008 / Редин Д.А. (отв. ред.). Екатеринбург: Сократ.
Вершинин Е.В., Шапков А.Т. 2004. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных экспедициях конца XVI – первой трети XVII в. // Исаева Т.А. (отв. ред.). Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут: Диорит, 10–32.
 История Ямала. 2010 // Побережников И.В. (отв. ред.): В 2 т. Екатеринбург: Баско. Т. 1: Ямал традиционный. Кн. 2: Российская колонизация.
Каптанов С.М. 2006. Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв. // Покровский Н.Н. (отв. ред.). Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск: СО РАН, 3–21.
Конев А.Ю. 2012. Сибирские иноземцы и русская Смута: от присяги на верность до «изменного дела» // Смутное время в России: конфликт и диалог культур: Мат-лы науч. конф. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 99–103.
Малов А.В. 2015. Приезды в Москву березовских служилых людей на выходе России из Смуты. 1613–1619 гг. (По данным приходно-расходных книг Казенного приказа) // Кротов П.А. (отв. ред.). Меншиковские чтения 2015: Мат-лы Рос. науч. конф. Санкт-Петербург: XVIII век. Вып. 10: Березово, 157–184.
Миллер Г.Ф. 1999. История Сибири. Т. 1. 2-е изд., доп. М.: Восточная литература РАН.
Миллер Г.Ф. 2000. История Сибири. Т. 2. 2-е изд., доп. М.: Восточная литература РАН.
 ОКМ. 2004 // Кардаш О.В. (отв. ред.). Екатеринбург: Тезис.
 Очерки истории Коды. 1995. Екатеринбург: НПМП «Волот».
 ОИЮ. 2000. Екатеринбург: НПМП «Волот».
 Первое столетие сибирских городов: XVII век. 1996 // Покровский Н.Н. (отв. ред.). Новосибирск: Сибирский хронограф (История Сибири: Первоисточники. Вып. VII).
Перевалова Е.В. 2004. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН.
 Полное собрание русских летописей. 1987. М.: Наука. Т. 36.
Пузанов В.Д. 2011. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут: Таймер.
 РИБ. 1875. СПб: Типография братьев Пантелеевых. Т. 2.
 Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в.: исследовательские материалы и документы. 2007. М.: Галерея.
Сергеев В.И. 1960. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры 3 (21), 113–124.
Сергеев В.И. 1967. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Шмидт С.О. (отв. ред.) Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М.: Наука, 174–179.
Симачкова Н.Н. 2006. Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI – начало XVII вв.). Тюмень: Мандр и К⁰.
Солодкин Я.Г. 2001а. Воеводы и письменные головы Березова с первых лет его существования // Солодкин Я.Г. (отв. ред.). Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики. Вып. IV, 10–16.
Солодкин Я.Г. 2001б. «Самоедь» в антирусских выступлениях (конец XVI – начало XVII вв.) // Самодийцы: Мат-лы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск: ОмГПУ, 161–163.
Солодкин Я.Г. 2004. Когда был заложен Березов? // Сибирский исторический журнал 1, 38–42.

Солодкин Я.Г. 2012. К оценке волнений «иноземцев» Березовского уезда в 1607 году: «шатость» или мятеж? // Кротов П. А. (отв. ред.). Меншиковские чтения 2011: Мат-лы чтений. СПб.: Историческая иллюстрация. Вып. 8: Березово, 114–117.

ТАД. 1994 / Изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Сибирский хронограф (История Сибири: Первоисточники. Вып. IV).

Шаишов А. 1997. Первые зауральские города и остроги // Югра 8, 18–21.

Шаишов А.Т. 1998. К истории основания Обдорского острога // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – XX веков: Мат-лы III науч. конф. Новосибирск: [б. и.], 10–16.

Шаишов А. 1999. Березовское восстание 1595 года и основание Обдорского острога // Югра 1, 19–21.

REFERENCES

Bakhrushin S.V. 1955. Nauchnye trudy. Vol. 3. Part. 2. Moscow. (In Russian).

Berezovo (Ocherki istorii s drevnosti do nashikh dnei). 2008. Yekaterinburg. (In Russian).

Vershinin E.V., Shashkov A.T. 2004. Uchastie sluzhilykh ostyakov Kodskogo knyazhestva v voennykh ekspeditsiyakh kontsa XVI – pervoi treti XVII v. Zapadnaya Sibir': proshloe, nastoyashchee, budushchee. Surgut, 10–32. (In Russian).

Istoriya Yamala. 2010. Vol. 1: Yamal traditsionnyi. In Rossiiskaya kolonizatsiya. Yekaterinburg. (In Russian).

Kashtanov S.M. 2006. Sibirskii komponent v titulature moskovskikh gosudarei XVI–XVII vv. In Obshchestvennoe soznanie naseleniya Rossii po otechestvennym narrativnym istochnikam XVI–XX vv. Novosibirsk, 3–21. (In Russian).

Konev A.Yu. 2012. Sibirskie inozemtsy i russkaya Smuta: ot prisvyagi na vernost' do “izmennogo dela”. In Smutnoe vremya v Rossii: konflikt i dialog kul'tur: Proceedings of the Conference Title. St. Petersburg, 99–103. (In Russian).

Malov A.V. 2015. Priezdy v Moskvu berezovskikh sluzhilykh lyudei na vykhode Rossii iz Smuty. 1613–1619 gg. (Po dannym prikhodno-raskhodnykh knig Kazennogo prikaza). In Menshikovskie chteniya 2015: Proceedings of the Conference Title. Issue. 10: Berezovo. St. Petersburg: XVIII vek, 157–184. (In Russian).

Miller G.F. 1999. Istoriya Sibiri. Vol. 1. Moscow. (In Russian).

Miller G.F. 2000. Istoriya Sibiri. Vol. 2. Moscow. (In Russian).

ОКМ [Обдорский край и Мангазейский в XVII веке: Сб. док.]. 2004. Yekaterinburg. (In Russian).

Ocherki istorii Kody. 1995. Yekaterinburg. (In Russian).

OIYu [Ocherki istorii Yugry]. 2000. Yekaterinburg. (In Russian).

Pervoe stoletie sibirskikh gorodov: XVII vek. 1996. Issue. VII. Novosibirsk. (In Russian).

Perevalova E.V. 2004. Severnye khanty: etnicheskaya istoriya. Yekaterinburg. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 36. 1987. Moscow. (In Russian).

Puzanov V.D. 2011. Voennaya politika Russkogo gosudarstva v Zapadnoi Sibiri (konets XVI – nachalo XVIII v.). Surgut. (In Russian).

Russkaya istoricheskaya biblioteka. 1875. Vol. 2. St. Petersburg. (In Russian).

Russkoe starozhil'cheskoe naselenie Yugry v kontse XVI – seredine XIX v.: issledovatel'skie materialy i dokumenty. 2007. Moscow. (In Russian).

Sergeev V.I. 1960. Pervye sibirskie goroda, ikh voennoe, ekonomicheskoe i kul'turnoe znachenie. Vestnik istorii mirovoi kul'tury, 3 (21), 113–124. (In Russian).

Sergeev V.I. 1967. Pravitel'stvennaya politika v Sibiri nakanune i v period osnovaniya pervykh russkikh gorodov. Moscow, 174–179. (In Russian).

Simachkova N.N. 2006. Stanovlenie voevodskoi sistemy upravleniya v Sibiri (konets XVI – nachalo XVII vv.). Tyumen. (In Russian).

Solodkin Ya.G. 2001a. Voevody i pis'mennye golovy Berezova s pervykh let ego sushchestvovaniya. In Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost': Kraevedcheskie zapiski. Issue IV. Tyumen, 10–16. (In Russian).

Solodkin Ya.G. 2001b. “Samoed” v antiruskikh vystupleniyakh (konets XVI – nachalo XVII vv.). In Samodiitsy: Proceedings of the 4rd International Symposium “Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri”. Tobolsk; Omsk, 161–163. (In Russian).

Solodkin Ya.G. 2004. Kogda byl zalozen Berezov? Sibirskii istoricheskii zhurnal, 1, 38–42. (In Russian).

Solodkin Ya.G. 2012. K otsenke volnenii “inozemtsev” Berezovskogo uезда v 1607 godu: “shatost” ili myatezh? In Menshikovskie chteniya 2011: Proceedings of the Conference. Issue 8: Berezovo. St. Petersburg, 114–117. (In Russian).

ТАД [Тобольский архиепиеиский дом в XVII веке]. 1994. Novosibirsk. (In Russian).

Shashkov A.T. 1997. Pervye zaural'skie goroda i ostrogi. Yugra 8, 18–21. (In Russian).

Shashkov A.T. 1998. К истории основания Обдорского острога. In Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri kontsa XVI–XX vekov: Proceedings of the Conference: Novosibirsk, 10–16. (In Russian).

Shashkov A.T. 1999. Berezovskoe vosstanie 1595 goda i osnovanie Obdorskogo ostroga. Yugra 1, 19–21. (In Russian).

Ya. G. Solodkin
Nizhnevartovsk, Russia

BEREZOV UYEZD IN 1595: THE REBELLION OF «FOREIGNERS» AND THE SERVICE PEOPLE

Abstract. In 1595, shortly after founding, the Berezov fort was besieged by the Ostyaks (probably under the command of the Kunovat-Lyapin prince Shatrov Lugev) and the Samoeds. A quarter century later, three servicemen from Berezov evidenced in the Kazan Prikaz that the siege, during which the ‘foreigners’ burned the fort, lasted over six months. Contrary to the common opinion, the reliability of this evidence can be doubted because it does not completely agree with the news on Shatrov Lugev’s assault of Berezov in 1594–1595. Moreover, the garrison of the fortress on the Severnaya Sosva river was rather numerous (three hundred Cossacks and ‘Lithuanians’) and it is likely that they were able to make the assaulters retreat. The agitation among the local Ostyaks and Samoyeds subsided, probably, only a few months later, and Moscow considered it expedient to send a punitive detachment, commanded by Prince P.I. Gorchakov, to the Urals. In 1596, together with the Kodi Ostyaks and, apparently, the Berezovites, Gorchakov defeated the Obdor principality and founded the Obdor (Nosovoy) fort.

Key words: Berezov uyezd; 1595 siege of Berezov; Ostyaks; Samoyeds; Cossacks; Lithuanians; punitive expedition; Prince Gorchakov.

About the author: Yankel Gutmanovich Solodkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Research Laboratory for Complex Studies of Social Systems.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 17-11-86004.

Солодкин Я.Г. Березовский уезд в 1595 г.: восстание «иноземцев» и служилые люди // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2019. № 3. С. 82–88.

Solodkin Ya.G. Berezov uyezd in 1595: the rebellion of «foreigners» and the service people // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2019. No. 3. P. 82–88.

УДК 281.93 УДК 930.27

А. Г. Авдеев
Москва, Россия

О ДАТЕ РОЖДЕНИЯ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АДРИАНА

Аннотация. В отечественной историографии в качестве основных признаны три даты рождения последнего патриарха Московского и всея Руси до синодального периода Адриана — 1627, 1637 и 1639 г. Четвёртая дата, 1636 г., не получила широкого признания. Основным источником сведений о времени жизни главы Русской Церкви являются две эпитафии патриарху Адриану, созданные главным придворным стихотворцем того времени Карионом Истоминым, – прозаическая, установленная на его гробнице в усыпальнице глав Русской Церкви в Успенском соборе в Московском Кремле, и стихотворная, сохранившаяся в бумагах поэта. В статье устанавливается, что причиной хронологических расхождений явились ошибки в прочтении и интерпретации даты смерти патриарха в прозаической эпитафии, которые были допущены в исторических исследованиях XIX – начала XX в. и без сверки с надгробной надписью воспроизводились в публикациях более позднего времени. Визуальное изучение прозаической эпитафии, проведённое автором статьи в марте 2014 г., показало, что в ней указано, что патриарх Адриан скончался 2 октября 1700 г. на 63-м году жизни. Эти же данные подтверждены в стихотворной эпитафии. Вызывает сомнения и «день рождения» патриарха (2 октября), который вероятнее всего в XIX в. был соотнесён с днём его крещения. В статье на основе сово-

купности источников в комплексе с критическим анализом трудов историков XIX – начала XX в. устанавливается, что точной датой рождения патриарха Адриана являются последние числа сентября 1638 г.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви; патриархи Московские и всея Руси; патриарх Адриан; эпиграфика Московской Руси.

Сведения об авторе: Александр Григорьевич Авдеев, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета; научный сотрудник; учитель истории.

Место работы: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; Университет Дмитрия Пожарского; школа «Интеллектуал».

Контактная информация: 107370, г. Москва, Открытое шоссе, д. 3, корп. 7; тел.: +7903-127-00-69, e-mail: avdey57@mail.ru.

Эпитафии Московской Руси, вырезанные на белокаменных плитах, зачастую являются единственным источником биографических сведений о людях данной эпохи. И если до середины XVII в. в надгробных надписях указывалась лишь дата кончины, то в эпоху московского барокко в них стали включаться новые информативные единицы, указывающие на возраст и день тезоименитства покойного, что было связано с повышением интереса к человеческой личности. Эти данные отражены и в эпитафии последнему патриарху досинодального периода Адриану († 15 октября 1700), которая является основным источником, позволяющим установить *точную* дату рождения Святейшего. В настоящее время она находится *in situ* на западном торце надгробницы Святейшего, возведённой у западной стены Успенского собора Московского Кремля справа от входных дверей. Надпись в 11 строк, сделанная эпиграфическим полууставом, вырезана в технике обронной резьбы и заключена в рамку.

Большая часть жизненного пути Святейшего до поставления его архимандритом Чудова монастыря в 1678 г. неизвестна. И в этой ситуации роль данного памятника эпиграфики очень велика, поскольку он является *единственным* открытым для всеобщего обозрения источником, который

позволяет установить *точную* дату рождения Святейшего.

Сохранились черновики Кариона Истомина, отражающие его работу над текстом эпитафии (ГИМ ОР. Чудовское собр. № 302. Л. 91), а также его беловой автограф (ГИМ ОР. Чудовское собр. № 300. Л. 311) и копия с него, отложившаяся в делах Патриаршего казённого приказа (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 176. Л. 361 об. – 362). Известно, что прозаическая эпитафия была вырезана Иваном Мартыновым сыном, тягломом Таганской слободы, в октябре 1700 г. (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 176. Л. 369–369 об.; изд.: Забелин 1884: Стб. 1082). Открытая для обозрения в Успенском соборе Московского Кремля, с начала 90-х гг. XVIII в. она неоднократно публиковалась гражданским шрифтом без принципиальных искажений текста¹.

Несмотря на наличие бесспорно достоверного источника, с начала XIX в. в отечественной историографии приняты три даты рождения патриарха Адриана – 1627, 1637 и 1639 г.² Изредка встречающаяся дата 1636 г. (Адриан 1890: 193) не получила широкого признания. За последнее столетие ситуация в энциклопедиях и справочниках не изменилась. Наиболее достоверным признаётся 1627 г. (Адриан 1926: 617³; Адриан 1961: 218; Белоброва 1992: 50; Лав-

¹ Одна из первых публикаций: (Путеводитель 1792: 53–54; ср.: Забелин 1884: 1081). Одна из последних публикаций, выполненная на основе визуального знакомства с текстом эпитафии, принадлежит Т.Д. Пановой (Панова 2002: 50), но её текст передан гражданским шрифтом в современной орфографии и не передаёт всех особенностей эпиграфического текста. Фото патриарших гробниц, расположенных у западной стены Успенского собора: Панова 2003: 30, рис. 15.

² Обзор мнений см.: Адриан 1886: 85.

³ Во 2-м и 3-м изданиях Большой Советской энциклопедии статья о патриархе Адриане уже отсутствовала (БСЭ 1949: 417–418; БСЭ 1970: 257).

рентьев 1994: 32), а в Православной энциклопедии приведены три даты – 1627, 1637 и 1639 г. (Белякова: 312).

Энциклопедические статьи базируются на итогах исследований XIX — начала XX в., в которых существующие разночтения в определении года рождения Святейшего в конечном счёте восходят к его эпитафии, но появились в результате либо её ошибочного прочтения, либо неверной хронологической интерпретации. 1637 г. появился благодаря ошибочному вычиту из года смерти патриарха 63 полных лет, указанных в эпитафии. Митрополит Евгений (Болховитинов) допустил в её прочтении ошибку, указав, что Святейший прожил 64 года (Евгений (Болховитинов), митр. 1818: 19), откуда появилась дата 1636 г. Её принял Н. А. А., автор одной из первых печатных биографий патриарха, изданной в 1848 г., но, цитируя надпись на надгробии Адриана, он ошибочно указал, что Святейший скончался на 73-м году жизни, что относилось к дате его рождения к 1627 г. (Н. А. А. 1848: 36). Последнему чтению доверился автор статьи в «Русском биографическом словаре», полагая, что остальные даты ошибочны. Г.А. Скворцов, автор изданной в 1913 г. монографии о патриархе Адриане, отметил существующие противоречия в определении даты рождения Святейшего. К его надгробной надписи он отнёсся скептически и не стал визуально проверять правильность её прочтения предшественниками, так как более достоверным источником посчитал Духовное завещание патриарха, написанное 17 марта 7205/1697 г. Из него, по его расчётам, вытекало, что патриарх родился в 1639 г. (Скворцов 1913: 3, прим. 4). Однако при пересчёте даты на современное летоисчисление исследователь не

учёл, что по древнерусскому счёту лет и «день рождения» Адриана (2 октября), и дата написания Духовного завещания (март) относились к 7205 г. от Сотворения мира. Г.А. Скворцов вычел из этого года 5508, а не требуемые к промежутку между 1 сентября и 31 декабря 5509 лет (распространённая ошибка). Этим же путём пошёл и современный российский историк А.П. Богданов. Опираясь на дореволюционные публикации, он указал на существующие в них противоречия в определении возраста патриарха – либо 63, либо 73 года – и пришёл к выводу, что год рождения Адриана точно неизвестен (Богданов 1999: 319). Позднее он признал равновероятными три даты – 1627, 1637 и 1639 г. (Богданов 2005: 243).

Единственным способом преодоления существующих в историографии противоречий является визуальное исследование эпитафии в Успенском соборе Московского Кремля, что и было сделано мною в феврале 2014 г.⁴ Её изучение показало, что в её тексте содержится точное указание на возраст патриарха, снимающее все существующие противоречия: «⁷ ѿ рождѣ⁸ніи своего имѣ шестьдеса трѣтїе лѣто ⁷ с' о'ктѡбрѣ в го дне»⁵. Эта же фраза присутствует в черновиках и беловом автографе Кариона Истомина, а также в архивной копии. В поэтической обработке она дана в стихотворной эпитафии Адриану, также написанной Карионом Истоминим, но оставшейся памятником книжности⁶:

¹³ шестьдесятъ	трѣтье в' родѣ
имѣ`	лѣто ,
¹⁴ съ о'ктябрѣ`	дне а'ндреа
вторѡ	пѣто .

⁴ Выражаю сердечную признательность Т.Д. Пановой за помощь в ознакомлении с эпитафией патриарху Адриану.

⁵ Научной публикации эпитафия не имеет. Пользуюсь текстом эпитафии по собственной копии (Авдеев 2017а: 135–136).

⁶ Цитирую по своей публикации эпитафии, соответствующей рукописному тексту: (Авдеев 2017а: 135–136).

Таким образом, оба произведения и их варианты бесспорно указывают, что патриарх, «родившийся» 2 октября и умерший 15 октября, скончался на 63-м году жизни, то есть прожил, как указано в данных источниках, 62 полных года и 13 дней.

Следовательно, вся совокупность указанных источников в комплексе с критическим анализом трудов дореволюционных историков, отражённых в исследованиях и энциклопедических статьях конца XIX – начала XXI в., указывает на 1638 г. как на *точный* год рождения патриарха Адриана.

Что же касается считающегося бесспорным «дня рождения» Святейшего, названного на надгробии и в стихотворной эпитафии, – 2 октября – то здесь, скорее всего, мы сталкиваемся с несколько модернизированными представлениями об основных вехах биографии человека XVII столетия. В Древней Руси понятие «день рождения» не существовало, его аналогом был день тезоименитства, совпадающий с днём памяти святого, на который было совершено таинство крещения. Тезоименит-

ство, связанное с духовным рождением человека и вхождением его в лоно Церкви, становится столь значимым, что в эпитафиях конца XVII в. из Каргополя оно именуется днём рождения (Авдеев 2017а: 185–186)⁷. Соответственно, и 2 октября, названное в рассматриваемых эпитафиях днём рождения патриарха Адриана, скорее всего, является днём его крещения. Этот вывод подкрепляет имеющаяся в стихотворной эпитафии Кариона Истомина ссылка на день памяти бл. Андрея, Христа ради юродивого, чьё имя в миру носил Святейший.

Из совокупности приведённых данных, основанных на эпиграфических источниках и критическом анализе существующих в историографии точек зрения, можно сделать вывод, что патриарх Адриан родился в 1638 г., скорее всего, в последних числах сентября. Если обычай крестить ребенка на 8-й день после рождения был соблюден, то день рождения Святейшего следует отнести ко времени не ранее 22 сентября.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БРЭ** – Большая Российская энциклопедия
БСЭ – Большая Советская энциклопедия
ГИМ – Государственный исторический музей. Москва
ОР – Отдел рукописей
ПЭ – Православная энциклопедия
РБС – Русский биографический словарь
РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Москва
СККДР – Словарь книжников и книжности Древней Руси
ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских
СИЭ – Советская историческая энциклопедия
ЭСБЭ – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев А.Г. 2017а. Русская силлабическая эпитафия последней четверти XVII – начала второй четверти XVIII в. // *Palaeoslavica*. Vol. XXV, 1, 55–177.
 Авдеев А.Г. 2017б. Календарь старорусских надписей // *Ползуновский альманах* 4. Т. 1. Вып. 1, 177–189.
 Адриан. 1886 // *РБС*. Т. 1. / Под набл. А. А. Половцова. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 83–85.
 Адриан. 1890 // *ЭСБЭ*. Т. I. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 193–194.
 Адриан. 1926 // *БСЭ*. Т. 1. Изд. 1-е. М.: Советская энциклопедия, 617.

⁷ Например, в эпитафии Семёну Васильевичу Готовцеву (1627–1725, с. Ликурга Буйского р-на Костромской обл.) число прожитых лет, месяцев и дней отсчитывается от дня памяти свщмч. Симеона епископа Иерусалимского, брата Господня по плоти, в который было совершено таинство крещения (С1R0062).

- Адриан. 1961 // СИЭ. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 218–219.
- Белоброва О.А. 1992. Адриан // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А–З. СПб.: Дмитрий Буланин, 50.
- Белякова Е.В. 2000. Адриан // ПЭ. Т. 1. М., 312–313.
- Богданов А.П. 1999. Русские патриархи (1589–1700). Т. 2. М.: ТЕРРА; Республика.
- Богданов А.П. 2005. Адриан // БРЭ. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 243.
- БСЭ. 1949. Т. 1. Изд. 2-е. М.: Большая Советская энциклопедия.
- БСЭ. 1970. Т. 1. Изд. 3-е. М.: Советская энциклопедия.
- ГИМ ОР. Чудовское собр. № 300.
- ГИМ ОР. Чудовское собр. № 302.
- Евгений (Болховитинов), митр. 1818. Словарь исторический о бывших в России писателях Духовного чина, Грекороссийския церкви. Ч. 1–2. СПб.: Тип. Н. Греча.
- Забелин И.Е. 1884. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 1. М.: Московская городская тип.
- Лаврентьев А.В. 1994. Адриан // Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М.: Большая российская энциклопедия, 32.
- Максимович Л.М. 1792. Путеводитель к древностям и достопамяностям Московским, руководствующий любопытствующаго по четырем частям сея столицы к део-место-описательному познанию всех заслуживающих примечание мест и сданий, как-то: соборов, монастырей, церквей, государственных и частных заведений, как старых, так и новых, с надписей и из других достоверных источников собранный, и для удобнейшаго оных приискиванию азбучной росписью умноженной. Ч. 1. М.: Университетская тип.
- Н. А. А. 1848. Адриан // ЧОИДР. № 8. Отд. V. Смесь, 29–36.
- Панова Т.Д. 2002. Некрополи Московского Кремля. М.: ФГУ «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”».
- Панова Т.Д. 2003. Кремлёвские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.: Индрик.
- РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 176.
- Свод русских надписей. URL: <https://cir.rssda.ru/> (2019. 25 марта).
- Сворцов Г.А. 1913. Патриарх Адриан. Его жизнь и труды в связи с состоянием Русской Церкви в последнее десятилетие XVII века. Казань: Центральная тип.

REFERENCES

- Avdeev A.G. 2017a. Russkaya sillabicheskaya epitafiya poslednei chetverti XVII – nachala vtoroi chetverti XVIII v. Palaeoslavica. Vol. XXV, 1, 55–177. (In Russian).
- Avdeev A.G. 2017b. Kalendar' starorusskikh nadpisei. Polzunovskii al'manakh 4. Vol. 1. Issue. 1, 177–189. (In Russian).
- Adrian. 1886. RBS. Vol. 1. St. Petersburg, 83–85.
- Adrian. 1890. ESBE. Vol. I. St. Petersburg, 193–194.
- Adrian. 1926. BSE. Vol. 1. Moscow, 617.
- Adrian. 1961. SIE. Vol. 1. Moscow, 218–219.
- Belobrova O.A. 1992. Adrian. SKKDR. Issue. 3 (XVII v.). Part. 1. A–Z. St. Petersburg, 50. (In Russian).
- Belyakova E.V. 2000. Adrian. PE. Vol. I. Moscow, 312–313. (In Russian).
- Bogdanov A.P. 1999. Russkie patriarkhi (1589–1700). Vol. 2. Moscow. (In Russian).
- Bogdanov A.P. 2005. Adrian. BRE. Vol. 1. Moscow, 243. (In Russian).
- BSE. 1949. Vol. 1. Moscow.
- BSE. 1970. Vol. 1. Moscow.
- GIM OR. Chudovskoe sobr. No. 300.
- GIM OR. Chudovskoe sobr. No. 302.
- Evgenii (Bolkhovitinov), mitr. 1818. Slovar' istoricheskii o byvshikh v Rossii pisatelyakh Dukhovnogo china, Grekorossiiskiya tserkvi. Part. 1–2. St. Petersburg. (In Russian).
- Zabelin I.E. 1884. Materialy dlya istorii, arkheologii i statistiki goroda Moskvyy. Part. 1. Moscow. (In Russian).
- Lavrent'ev A.V. 1994. Adrian. In Otechestvennaya istoriya. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do 1917 goda. Entsiklopediya. Vol. 1. Moscow, 32. (In Russian).
- Maksimovich L.M. 1792. Putevoditel' k drevnostyam i dostopamyatnostyam Moskovskim, rukovodstvuyushchii lyubopytstvuyushchago po chetyrem chastyam seya stolitsy k dee-mesto-opisatel'nomu poznaniyu vsekh zaslu-zhivayushchikh primechanie mest i sdanii, kak-to: soborov, monastyrei, tserkvei, gosudarstvennykh i chastnykh zavedenii, kak starykh, tak i novykh, s nadpisei i iz drugikh dostovernykh istochnikov sobrannyyi, i dlya udobneishago onykh priiskivaniyu azbuchnoi rospis'yu umnozhennoi. Part. I. Moscow. (In Russian).

N. A. A. 1848. Adrian. ChOidr. No 8. Otd. V. Smes', 29–36.

Ranova T.D. 2002. Nekropoli Moskovskogo Kremlya. Moscow. (In Russian).

Ranova T.D. 2003. Kremlevskie usypal'nitsy. Istoriya, sud'ba, taina. Moscow. (In Russian).

RGADA. F. 235. Op. 2. D. 176.

Svod russkikh nadpisei. available at: <https://cir.rssda.su/> (March 25, 2019).

Skvortsov G.A. 1913. Patriarkh Adrian. Ego zhizn' i trudy v svyazi s sostoyaniem Russkoi Tserkvi v poslednee desyatiletie XVII veka. Kazan. (In Russian).

A. G. Avdeev
Moscow, Russia

ON THE DATE OF BIRTH OF PATRIARCH HADRIAN OF MOSCOW AND ALL RUSSIA

Abstract. The Russian historiographic sources recognize three probable birth dates of Hadrian, the last Patriarch of Moscow and all Russia in 17th century, i.e. 1627, 1637 and 1639. The fourth date, 1636, is not widely recognized. Two epitaphs to the Patriarch Hadrian, both written by Karion Istomin, a major court poet of that time, serve as the main source of information about the life of the head of the Russian Church. The first epitaph is prosaic, mounted on his tomb in the shrine of the heads of the Russian Church in the Assumption Cathedral in the Moscow Kremlin, and the second is poetic, preserved in the papers of the poet. . This paper establishes that the cause of chronological differences were errors in reading and interpreting the date of the Patriarch's death in the prosaic epitaph, which were made in historical studies of the 19th — early 20th century and without cross-checking with the gravestone inscription were reproduced in various publications. A visual study of the prosaic epitaph, conducted by the author in March 2014, indicates that Patriarch Hadrian died on October 2, 1700 at the age of 62. The same date is written in the poetic epitaph. The “birthday” of Patriarch Hadrian (October 2), also raises doubts; most likely this date originated in the 19th century on the basis of the day of his baptism. The conducted research on the base of combination of archival sources and critical analysis of the writings of historians of the 19th — early 20th centuries established that Patriarch Hadrian was born in 1638.

Key words: history of the Russian Orthodox Church; patriarchs of Moscow and all Russia; Patriarch Hadrian; Karion Istomin; epigraphy of Moscow Russia.

About the author: Alexander Grigoryevich Avdeev, Candidat of Historical Sciences, research fellow, associate professor of the Department of History; history teacher.

Place of employment: St. Tikhon's Orthodox University; University of Dmitry Pozharsky; Intellectual middle school.

Статья подготовлена в рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей» при поддержке Фонда Развития ПСТГУ, Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSSDA. См.: URL: <http://cir.rssda.su>.

Авдеев А.Г. О дате рождения патриарха Московского и Всея Руси Адриана // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2019. № 3. С. 88–93.

Avdeev A.G. On the date of birth of patriarch Hadrian of Moscow and All Russia // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2019. No. 3. P. 88–93.

ПОЕЗДКИ ПРИХОДСКИХ СВЯЩЕННИКОВ И МИССИОНЕРОВ ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Аннотация. Целью статьи является изучение взаимоотношений духовной и светской власти по вопросам организации поездок священно- и церковнослужителей по территории Тобольского Севера в синодальный период истории Русской православной церкви. Отмечены трудности, с которыми приходилось сталкиваться настоятелям при перемещении по приходам. В ходе исследования выяснено, что долгое время поездки духовенства не были регламентированы и сопровождались злоупотреблениями по отношению к коренному населению края. Указывается, что поиск механизмов для обеспечения надлежащих условий службы клириков, в том числе возможностей объезда приходов, требовал совместных усилий государственных и церковных структур. Подчеркивается, что представители светской власти в целом негативно относились к требованиям священно- и церковнослужителей на бесплатное получение казенных подвод, высказывали сомнения в целесообразности их разъездов, так как, заботясь о фискальных интересах казны, светские власти опасались «чрезмерного» усердия духовенства и старались пресекать «стеснение» бродячих и кочевых «инородцев». Делается вывод, что к концу рассматриваемого периода проблемы организации поездок священно- и церковнослужителей по вверенным их попечению приходам были в целом урегулированы путем принятия необходимых законодательных норм.

Ключевые слова: Тобольский Север; синодальный период; приходское духовенство; миссионеры; Березов; Сургут.

Сведения об авторе: Ольга Петровна Цысь, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, Россия, г. Нижевартовск, ул. Ленина, 56; тел.: (3466)27-35-10, e-mail: roshist@mail.ru.

Поездки различных должностных лиц по территории Тобольского Севера являлись необходимым элементом управления регионом, обеспечивая не только проведение инспекций, но и в ряде случаев позволяя выполнять важные функции как служилой бюрократии, так и духовным лицам. Хорошо известно о поездках воевод и казаков, широко практиковавшихся в течение первых двух столетий после вхождения края в состав Российского государства (см., напр.: Вершинин 2003: 66–68; Солодкин 2018). Подобного рода практика была характерна и для миссионерского служения православного духовенства.

Задачи церковного управления и надзора обязывали владык Тобольского архиерейского дома время от времени, а «закащиков» (благочинных) регулярно, бывать в подведомственных приходах. За счет этого обеспечивалось не только наблюдение за тем, насколько исправно исполняют свои обязанности по отправле-

нию богослужений и треб члены причта, но и создавалась возможность для взаимного контроля церковных и государственных структур. В отчетах, рапортах, путевых журналах могла содержаться информация о злоупотреблениях, вымогательствах, беззакониях чиновников, о повседневных нуждах мирян, различных конфликтах и проблемах, требовавших срочного разрешения.

Еще более частыми были разъезды по приходу священника с причтом. Такие отлучки в условиях Тобольского Севера являлись насущной необходимостью, которая обуславливалась весьма существенной спецификой, отличавшей этот регион от районов с преобладающим русскоязычным населением. Здесь жители тайги и тундры, сравнительно недавно обращенные в христианскую веру, вели кочевой или полукочевой образ жизни. Пребывая в своих «юртах», они редко посещали приходские центры. Поэтому нужны были дальние поездки

по селениям для просвещения коренных жителей края. Словом Божиим и исполнением церковных треб. Само приходское духовенство не обладало достаточными материальными ресурсами, чтобы своими силами решать задачи, связанные с организацией путешествий по приходу. Ему приходилось вступать в контакты с гражданской властью, обществом, а также отдельными прихожанами. Изучение особенностей и механизмов такого взаимодействия позволяет лучше понять роль и место приходского духовенства в системе социально-политических связей региона, охарактеризовать методы, с помощью которых происходило распространение православия среди коренного населения.

Вопросы приходского служения среди новокрещенных Обь-Иртышского Севера рассматриваются в работах отечественных исследователей, таких как И.С. Шемановский, И.И. Огрызко, Н.Д. Зольникова, А.П. Николаев, Г.Ш. Мавлютова, Е.Б. Макарчева, Е.М. Главацкая (см.: Иринарх 1906; Огрызко 1941; Зольникова 1990; Николаев 1996; Мавлютова 2000; Макарчева 2001 и др.) и др. Приоритет отдавался истории строительства и содержания церквей, роли государства в процессе христианизации, просветительской, образовательной и миссионерской деятельности духовенства. Указанная тема раскрывается рядом современных авторов преимущественно при изучении Обдорской миссии (Главацкая 1995: 56–69; Мавлютова 2001 и др.). Вопрос рассматривается на основе «путевых журналов», заполнявшихся священниками во время поездок в «инородческие юрты», содержащих описание материально-бытовых условий, с которыми приходилось сталкиваться миссионерам, а также контактов с новообращенными и язычниками.

Менее изученными являются сюжеты, связанные с организацией поездок приходских священников. Привлечение в качестве источников отчетов настоятелей причтов о результатах своей полугодовой деятельности, переписки между причтами, благочин-

ными и духовной консисторией позволяют раскрыть особенности передвижения духовенства по «низовому краю».

Организация разъездов по Тобольскому Северу оказывалась непростой задачей. В первую очередь нужно указать на объективные трудности, мешавшие поездкам. К их числу следует отнести огромные малозаселенные пространства, суровые природно-климатические условия, слабое развитие путей сообщения.

Общая площадь Березовского и Сургутского округов (уездов) составляла 824 894,4 тыс. км². Количество приходов постепенно росло, в 1895 г. достигнув 19. В среднем один приход занимал площадь 43,4 тыс. км², что было сопоставимо с территорией небольших европейских государств. По данным консистории, численность населения православного исповедания в конце XIX в. насчитывала в Березовском уезде 13 835 человек, в Сургутском – 7 186 человек (Отчет... 1896: 86–87). Соответственно в среднем в одном приходе проживало чуть более 2 тыс. человек. Это население не концентрировалось в одном месте, а, как правило, было рассредоточено по многочисленным небольшим «юртам». К тому же далеко не все имели возможность отправиться в дальнейшее путешествие к своему храму из-за отсутствия оленей или занятости хозяйственными работами.

Отдаленность и разбросанность селений служили препятствиями для своевременного исполнения новообращенными христианской обрядности, что отмечается во многих документах, в частности, в отчете тобольского преосвященного Ефрема (Рязанова): «Деревни отстоят от церквей на сотни верст... прихожане затрудняются ежегодно в полном составе своих семейств исполнять христианский долг» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 554. Л. 21). «Инородцы же, – сообщалось в рапорте сургутского благочинного В. Тверитина, – не имея места жительства при селе, а круглый год находясь в улусах, где иногда найти их бывает очень трудно, для того, чтобы прове-

рить семью, окрестить младенца или отпеть умершего, о чем сам инородец мало заботится» (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 15. Л. 106–106 об.).

Другой проблемой служила неразвитость путей сообщения. Березовский и Сургутский уезды оставались в стороне от основных трактовых дорог. Здесь пролегали почтовые тракты, связывавшие Тобольск с Березовым и Сургутом. Колесная дорога имела только до с. Бронниковского, расположенного примерно в 100 верстах севернее Тобольска. На остальной части пути сообщение осуществлялось летом по воде, а зимой – по льду. В одной из выписок из журнала ТДК за 1794 г. сказано: «По тракту ж от Нижнелумпокольской церкви до Ларьяцкой и Тазовской церковью конной дороги никогда не бывает, а всегда ходят пешею дорогою, а зимой на лыжах, а летним временем проезд малыми реками и волоком...» (Сургутский уезд... 2006: 66). В 70-е гг. XIX в. в Березовском округе земские станции существовали только до г. Березова. Далее до Обдорска приходилось даже земской полиции или нанимать гребцов «с места», или же «запасаться ими на рыболовных ватагах» («И здесь...» 2003: 275–276). С середины XIX в. с развитием пароходного сообщения ситуация меняется. Но нужно отметить, что речные суда передвигались только летом и лишь по Оби и Иртышу, редко заходя в остальные притоки великих сибирских рек.

Помимо специфических географических условий, затруднявших передвижение по Тобольскому Северу, следует указать и на особенности национального состава прихожан, а также проводившейся по отношению к коренному населению государственной политики.

Русских насельников в крае было немного, в основном они проживали в Березове и Сургуте. Так, в 1840-х гг., согласно «клировой ведомости о церквях Березовского духовного правления», доля «ясачных остяков» в общей численности прихожан превышала 85%: Обдорский приход –

88%, Мало-Атлымский – 89%, Чемашевский – 92%, Юганский – 94%, Ларьяцкий, Ваховский, Казымский, Леушинский, Сатыгинский, Кушеватский, Верхне-Лумпокольский – от 98 до 99% в каждом, Сосвинский, Болчаровский и Мужевской – по 100% (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17. Л. 1–74; Д. 258. Л. 17 об., 22, 29 об. – 30). Русское православное население ограничивалось здесь, в лучшем случае, несколькими семьями.

«Инородческая» православная паства Тобольского Севера в целом весьма поверхностно восприняла основные догматы христианства. Среди нее очень живучими оставались пережитки прежних языческих верований (см.: Tsys', Tsys' 2019). О том, что значительная часть прихожан инородцев уклонялась от участия в богослужениях, свидетельствуют «путевые журналы» тобольских архиереев в изложении церковного историка А.И. Сулоцкого: «Увы, в храмовой приходский праздник из новокрещенных в церковь, несмотря на архиерейское в ней служение, не явилось ни одного человека, даже и самого самоедского князя» (Сулоцкий 2000а: 528). Источники многократно подчеркивают тот факт, что аборигенное население не вполне понимало важность, необходимость выполнения треб и христианской обрядности, поэтому не придавало особого значения приезду к нему священника и даже архиерея.

К этому следует добавить двойственное отношение к священническим «разъездам» светской и отчасти духовной власти. Правительство было озабочено тем обстоятельством, что священно- и церковнослужители на территории «остяцких приходов» использовали представившиеся им возможности для торговли и увеличения материального достатка, а не только для исполнения пастырских обязанностей. Для местного чиновничества приоритетом считалось своевременное поступление ясака и отсутствие разного рода «возмущений» среди «инородцев». Их духовно-нравственное состояние и степень усвоения хри-

стианских догматов не относились к функциям гражданской власти и не являлись предметом ее забот.

В то же время епархиальное начальство полагало, что сами прихожане должны при необходимости являться в церковь. Встречаются указы Св. Синода, Тобольской духовной консистории и духовных правлений за разные годы XVIII в. о запрете самовольных поездок духовенства (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 42. Л. 5; Сургутский уезд... 2006: 39 и др.). Например, в «объявлении» от 10 декабря 1793 г. о сдаче ежегодной росписи о прихожанах реполовской Крестовоздвиженской церкви указывалось, что «по жилищам их (кроме что по зову их для приобщения больных) никогда священник не ездил», а «новокрещенные остяки сами являются с женами и детьми в церковь для исповеди и причастия» (Сургутский уезд... 2006: 56). То обстоятельство, что настоятель не посещал селения своего прихода, епархиальными властями не воспринималось как упущение.

В таких непростых условиях священно- и церковнослужители вынуждены были быть готовыми к продолжительным и утомительным поездкам по приходу. Учитывая названные выше многие факторы, от причтов требовались немалая опытность, знание хозяйственного ритма жизни своих прихожан, навык общения с ними, умение прокормить себя в дороге и не потратить лишнюю копейку, наладить контакт с теми, от кого зависело предоставление средств передвижения и многое другое.

В XVIII в. все путешествия духовенства по юртовым поселениям коренных жителей были продолжительными, нередко растягивались на многие недели и месяцы. Заказчикам, обозревавшим свое благочиние, приходилось пользоваться различными «оказиями», в частности, присоединяться к сборщикам ясака, что, с одной стороны, гарантировало безопасность, но с другой стороны, замедляло скорость передвижения.

Так, 18 августа 1792 г. сургутский «закащик» протопоп Н. Попов отправился из Сургута вместе со сборщиками ясака – казаками – на лодке вверх по Оби «для раздачи святого мира» приходским церквям. Лишь 22 сентября он прибыл в Ларьякскую волость. Затем целый месяц ему пришлось пережить «на пустом месте» распутицу до установки санного пути. «Тазовской стороны» Н. Попов достиг лишь 1 декабря. 6 января следующего, 1793 г. протопоп наконец-то расстался со сборщиками и предпринял самостоятельное путешествие к князю Караконской волости. На обратном пути Н. Попов вновь соединился со служилыми людьми. В дальнейшем ему пришлось ждать окончания теперь уже весенней распутицы, а возвратился он в Сургут лишь 10 июня 1793 г. Таким образом, поездка «закащика» только по части вверенного его попечению благочиния с многочисленными длительными остановками растянулась без малого на 10 месяцев. В середине сентября того же 1793 г. Н. Попов отправился вновь вверх по Оби до Верхнелумпокольской церкви. На этот раз путешествие растянулось на 45 дней (Сургутский уезд... 2006: 65–66). Еще один пример относится к 1832 г. В своих «Записках» иеромонах Макарий сообщал: «9 сентября узнали мы, что обдорский отдельный заседатель Илья Иванов Решиков отправляется на низ в инородческие селения по казенной надобности и, условившись, уехали и мы вместе с ним в одной лодке» (Абрамов 1998: 366).

Обеспечение проезда служилых и духовных лиц, а также их грузов, возлагалось на ясачное население. Повинность отправлялась большей частью «по произвольному взысканию», «без надлежащего контроля», по усмотрению местных властей, не была урегулирована законодательством. Считалось, что прихожане должны выделять подводы, исходя из своего «доброего расположения», осознания необходимости и важности решаемых причтом задач. Прогонные деньги на путевые нужды не отпускались, а

использование церковных сумм для оплаты развозов запрещалось.

Пользуясь тем, что малосведущие в законодательстве «инородцы» испытывали боязнь перед любым лицом, которое производило впечатление наделенного полномочиями начальника, не только чиновники, но и торговцы старались брать у коренных жителей подводы без всякой платы. О распространенности подобной практики говорят 221, 237 параграфы «Устава об управлении инородцев» 1822 г. (ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXVIII. (1822–1823). № 29126) Однако сложно сказать, в каких случаях духовенству предоставлялись подводы «по доброй воле», а в каких – «по принуждению».

По-видимому, характерен случай, описанный в деле за 1773 г. о расследовании «злоупотреблений» причта Куноватской церкви: священник развозит по приходу для отпевания покойников «на нашем [т. е. инородцев] коште» (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 123. Л. 2).

Миссионер И.С. Шемановский, говоря о событиях, предшествовавших созданию миссионерских учреждений на Севере, заметил, что в заботах о собственном материальном достатке в 1810 г. березовский благочинный протоиерей Иоанн Вергунов в «ясашных волостях» вел обширную торговлю сукном, холстом, чаем, сахаром, медом, солью, крупой, табаком, мехами, а его причетники развозили по всему Березовскому уезду на обывательских подводах без платежа прогонов (Шемановский 2011: 187).

На протяжении XIX в. законодательство и управление путями сообщения систематизируются и унифицируются. Развитие инородческого общественного управления, а также некоторая трансформация под влиянием государственной власти прав и обязанностей аборигенного общества затрудняют прежние методы получения подвозов для развозов по приходам (ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXIII. (1815–1816). № 26316). Уже именным указом от 24 июля 1802 г. предписывалось пресекать «безотчетное их

[подвод] употребление» (ПСЗРИ. 1-е. Т. XXVII. (1802–1803). № 20344).

Попытки решения возникшей проблемы потребовали совместных усилий светских и духовных властей. Этому способствовали, в том числе, и установившиеся доброжелательные отношения между Тобольским архиепископом и новым генерал-губернатором М.М. Сперанским. Последний с большим уважением относился к старшему по возрасту архиерею, готов был с вниманием отнестись к его просьбам и предложениям.

В октябре 1820 г. преосвященный Амвросий (Келембет), воспользовавшись возвращением сибирского генерал-губернатора в Тобольск, сообщил ему, что «прежде духовенство в развозах для исправления церковных треб по селениям пользовалось обывательскими подводами, а ныне обыватели от дачи подвод отрекаются, под тем предлогом, что им запрещено сие от земских начальников» (ГУТО ГА. Ф. И-707. Оп. 1. Д. 3. Л. 192), из-за чего встречаются препятствия в исполнении причтами их обязанностей по окормлению новокрещенных. Следом появилось циркулярное предписание М.М. Сперанского тобольскому и томскому гражданским губернаторам: «Земскому начальству ни в коем случае не положено запрещать прихожанам давать подводы от одного селения до другого по доброй воле самих прихожан. Сверх сего, если где не дано добровольно, то давать духовенству подводы положено обывательские без прогонов в следующих случаях: 1) благочинным отправляющимся по должности для обозрения церквей, давать два раза в год зимой или летом по одной подводе; 2) священникам, отправляющимся для церковных следствий, как то, в случае пожара церквей, похищения церковного имущества, и подобных дел, давать по одной пароконной подводе; 3) священникам, отправляющимся для гражданских и уголовных следствий депутатов и увещателей потребного гражданскому начальству давать каждый раз по одной пароконной

подводе; 4) священникам, отправляющимся для исполнения треб в тех приходах кои имеют более 500 верст в окружности, давать согласно положению Тобольской духовной консистории два раза в год, зимой и летом по одну пароконной подводе» (ГУТО ГА. Ф. 707. Оп. 1. Д. 3. Л. 192–193; аналогичный документ (есть небольшие различия в редакции текста) получил и томский губернатор, см.: ГАТомО. Ф. Ф-173. Оп. 1. Д. 196. Л. 344–345). Однако это решение гражданской власти, столь нужное в сибирских условиях, являлось скорее результатом временных настроений и «хороших отношений» (по воспоминаниям протоиерея П.А. Фелицина), установившихся между преосвященным Амвросием и сибирским генерал-губернатором (Сулоцкий 2000а: 752, 764–765). Документы за следующие два десятилетия наглядно показывают, что предписанный порядок не был в полной мере реализован.

О том, что вопрос по-прежнему оставался нерешенным свидетельствуют два документа, относящиеся к 1838 г. Первый – рапорт тобольского преосвященного Афанасия (Протопопова) в Св. Синод, в котором сообщалось о том, что из-за отсутствия подвод благочинные и священники не могут посещать отдаленные селения Тобольского Севера и исполнять свои прямые обязанности: «Туринское и Березовское духовные правления донесли мне, что церкви состоящие в этих уездах, в первой половине сего года благочинным не обозрены за недачею им подвод без прогонов гражданским начальством, и по не имению на платеж прогонов денег, с присовокуплением от Березовского духовного правления, что в сосвинском приходе померли три младенца без крещения, так же за недачей прихожанами священнику подвод без прогонов» (РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 957. Л. 1). Другой документ – доношение того же архиепископа Афанасия о необходимости перемещения за казенный счет настоятеля кондинского Свято-Троицкого монастыря Иннокентия в Тюмень. В выдаче прогонных

денег было отказано, т. к. переезд производился в пределах епархии и на расстояние менее 1500 верст. Тобольская Казенная палата дала разъяснение, что согласно действующему законодательству, прогоны могут быть выделены только духовенству, назначаемому в «зараженные» расколом приходы. В остальных случаях оплата проезда должна производиться за счет принимающей стороны, т. е. монастыря или прихода, куда перемещается духовное лицо (РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 607. Л. 1–2).

Духовенству необходимо было действовать через местное начальство – березовский земский суд или сургутского отдельного заседателя, от которых и можно было получить разрешение на проезд за счет казны. Добиться этого содействия удавалось далеко не всегда, и гражданские чиновники нередко отмахивались от подобных просьб как не имеющих отношение к их непосредственным обязанностям.

В представлении преосвященного Георгия (Ящуржинского) в Св. Синод за 1847 г. сообщалось о рапорте священника березовской Богородице-Рождественской церкви В. Скосырева, командированного в приходы Кушеватский и Мужевской. На просьбы «открытого предписания на выдачу подвод для выезда в приходы» с целью совершения таинств и мирских треб крещеным «инородцам» он из окружного земского суда «не получал не только удовлетворения, но даже ответа» (РГИА. Ф. 796. Оп. 128. Д. 1343. Л. 5–5 об.).

Другой взгляд на взаимоотношения причта и прихожан находим в «Записке» 1856 г. на имя тобольского архипастыря от одного из чиновников губернского управления. Автор обращает внимание на следующие «непорядки» в разъездах священников на обывательских подводах: «Бывает не редко, под предлогом исполнения трудов, священники разъезжают по приходам собственно для собирания доходов, от чего от инородцев беспрестанно поступают жалобы на частое требование священниками подвод. Вообще замечено, что означенные

поездки совершаются в такие места и в такое время, когда можно больше собрать приношений» (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 106–107). В «отношении» сургутского отдельного заседателя ларьякскому священнику находим упреки в адрес иерея В. Вергунова относительно притеснения «инородцев» взиманием подвод без платы. Ему предъявляется требование «не вынуждать прихожан Ваших для подвод и не отворачивать их от промедлительности через которую единственно ожидает правительство платежа за долговой казенный запасной хлеб – ясака и прочих законных повинностей» (ГУТО ГА. Ф. И-706. Оп. 1. Д. 3. Л. 190). В 1856 г. священник с. Мужа жаловался епархиальному архиерею, что окружной исправник разрешил прихожанам не предоставлять подводы при его поездках «как чрез что якобы отягощаются и разоряются», вследствие чего «инородцы» во время эпидемии умирают без отпущения грехов («И здесь...» 2003: 130).

Верная ли трактовка фактов была представлена чиновниками, нам неизвестно, но вполне очевидно сомнение представителей гражданской власти в целесообразности разъездов настоятелей по своим приходам.

Близкие по смыслу оценочные суждения приводятся в «отношении» главы губернской администрации А.И. Деспота-Зеновича, направленном в 1863 г. в Тобольскую консисторию. Губернатор при обозрении Березовского края пришел к выводу, что местное духовенство апатично относится к отправлению своих обязанностей, мало заботится о распространении между «инородцами священных истин Христианского учения», редко посещает свои приходы – 1–2 раза в год, а если и бывает там, то в основном для сбора руги. В результате эти поездки имеют «сомнительную пользу», а духовенство якобы более стремится соблюсти собственные материальные выгоды, чем заботиться о духовном попечении своей паствы (ГУТО ГА. Ф. И-706. Оп. 1. Д. 23. Л. 135).

Таким образом, беспокоясь о фискальных интересах казны, губернское управление особенно опасалось «чрезмерного» усердия духовенства и старалось пресекать «стеснение» бродячих и кочевых «инородцев». Ведь если поездки приходского духовенства нужны лишь для личного обогащения, то выделение подвод за казенный счет лишено всякого смысла.

В «Высочайше утвержденном положении о Земских повинностях в Сибирских губерниях» от 22 июля 1822 г. подтверждалось освобождение «бродячих инородцев» от земских повинностей, к числу которых относились ненцы, в то время как «кочевые» (ханты и манси) участвовали в их раскладке, в том числе и подводной, на общих основаниях. Без платежа прогонов допускались только поездки по делам земской и волостной полиции (ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXVIII. (1822–1823). № 29132).

«Устав о земских повинностях» 1857 г. строго воспрещал «возить, кого бы то ни было, на обывательских очередных или наемных подводах без прогонов или без установленных контрамарок иначе, как по печатным билетам, за подписанием гражданского губернатора, по форме для сего данной» (Устав... 1857: 137–138). Закон не относил приходское духовенство к категории лиц, имеющих право на «бланковые билеты» (или «открытые листы»), дающие право «на взимание земских обывательских подвод», то есть бесплатного проезда за счет государства.

В 1862–1863 гг. по распоряжению Александра II в Тобольской губернии работала следственная комиссия генерал-майора И.Г. Сколкова, командированного в Западную Сибирь для расследования нарушений «по разным частям» управления губернией (Сибирские... 2000: 309, 316). Среди множества вопросов, касавшихся совершенствования различных аспектов государственной политики в регионе, И.Г. Сколковым было внесено предложение, направленное на рассмотрение Св. Синода, «о распространении между инород-

цами нравственных начал и развитие в них стремления к образованию и оседлости». Отвечая гражданской администрации, духовное ведомство среди прочего указало на необходимость позволить сибирским священникам и миссионерам «пользоваться земскими подводами без платежа прогонов, привести дороги в удобнейшее для того положение, устроить по Березовскому округу избы для защиты от непогоды и для перемены коней и оленей» (РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 2). Но «коварная» российская реальность опять не совпала с расчетами чиновников. Вместо выдачи «подорожных бланков» миссионерам и священникам инородческих приходов разъяснили, что им это не положено ввиду отсутствия законных оснований. Единственная уступка, на которую пошло Министерство государственных имуществ: выделение средств на прогоны для второго причта сургутской Троицкой церкви, выполнявшего с 1867 г. миссионерские функции, и увеличение аналогичных сумм для членов Обдорской миссии (РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 5).

В том же 1867 г. тобольский архиепископ Варлаам II в своем представлении Св. Синоду «признал полезным» усилить «христианскую проповедь» и необходимость разъездов священников не менее трех раз в год по всем кочевьям «в сколько бы оные далеко не стояли от церквей... в каждом месте кочевья инородцев прослужить... дневные службы как то, вечернюю, утреню, и часы, или обедницу и после всего всех возрастных исповедать; а также больных по исповеди сообщать и святого причастия – запасными дарами, а равно и всех младенцев» (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 115).

Таким образом, с одной стороны, признается необходимым усилить христианизацию коренных жителей, для чего приходскому духовенству требовалось регулярно бывать в их селениях, с другой – никаких ресурсов для решения этой важной задачи не выделялось. Фактически священнику предлагалось самому изыскивать возмож-

ности для того, чтобы посещать юрты коренных жителей, договариваться с прихожанами. Можно привести характерный пример. В 1867 г. в отчете по новоучрежденной Сургутской миссии местный благочинный указывал на «явное нехотение со стороны сургутских крестьян» везти священника по приходу для исполнения христианских треб. Прихожане заявляли ему следующее: «Вас много, тот приходит, а другой поедет, но мы возить вас не согласны», а потому причт был вынужден «нанять людей на счет свой для выезда из Сургута». Однако достигнув пунктов назначения, приходскому священнику удалось договориться с местными жителями о бесплатном проезде, «хотя и не без затруднения» (Сургутский 2006: 114–115). Благочинный обращал внимание на то, что «новое и не устроившееся учреждение» (Сургутская миссия), испытывает «затруднения», т. к. на поездки к язычникам «прогонов не назначено», а «кочевое расстояние по реке Лямину вперед и обратно на 1300 верст и в противоположную сторону по реке Агану и части речек Тран-Югану 800 верст». Автор отчета делает традиционное заключение, что «получаемое притом жалование весьма недостаточно для найма лошадей и оленей в зимнее время, а людей в летнее время на проезды помянутых речек» (Сургутский 2006: 115). Как жаловался в 1856 г. мужевской священник после разрешения окружным исправником прихожанам не предоставлять ему подводы, на земских станциях «отзываются в том, что им не велено возить», а междудворные (т. е. обычные прихожане) «уклоняются в том недружелюбии: как у кого есть треба, тот пусть и везет» («И здесь...» 2003: 131).

Тем не менее, в пореформенный период, судя по документам, постепенно острота конфликтных ситуаций, касающихся выделения подвод причтам, на наш взгляд, снижается. Положением Тобольского губернского совета от 26/27 мая 1882 г. за № 110 разрешается священно- и церковнослужителям Тобольского Севера произво-

дить разезды «при исполнении служебных обязанностей на земско-обывательских подводах бесплатно» (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 15. Л. 42 об.). В результате многолетнее ходатайство церковной администрации было, наконец-то, удовлетворено. Священники и сопровождавшие их причетники получили возможность на законных основаниях перемещаться по вверенным их пастырскому попечению селениям.

Конечно, имели место ситуации, подобные описанной березовским благочинным И.С. Голошубиным в 1893 г., когда священник зависел от прихотей представителей волостного правления, которые могли затянуть выдачу подвод для разездов по приходу: «Уже в четвертый раз мне пришлось проезжать по делам службы через село Кушеватское и каждый раз приходилось встречать различные препятствия в получении земских подвод, несмотря на то, что эти подводы мною оплачивались. Все эти препятствия, по заявлению местного причта и и. д. церковного старосты г. Карпова, устраивались благодаря писарю Н. ... Нельзя теперь не подумать о том, с каким трудом подводы эти достаются местному священнику?» (Голошубин 1895: 44). Однако этот пример можно признать скорее исключением, т. к. из других документов известно, что священник И. Голошубин за сравнительно короткое время службы на Тобольском Севере успел перессориться едва ли не со всеми прихожанами. Последние неоднократно просили епархиального архиерея убрать неудобного им настоятеля (Цысь 2019).

Специфика Тобольского Севера вынуждала священника обращаться за предоставлением транспорта к местной земской власти. Теперь для регулярных разездов на обывательских подводах имелись вполне законные основания. Причты составляли свои просьбы по следующей примерной форме: «От Сургутского благочинного Стефана Тверитина 14 ноября 1885 г. в Тундринскую инородную управу. Прошу тундринскую инородную управу сделать со

своей стороны распоряжение о высылке в город Сургут к 23 числу ноября оленной подводы для моего проезда с псаломщиком к инородцам Пимской волости для отправления обязанностей приходского священника...» (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 16. Л. 34). Для выездов по личным нуждам священники должны были тратить собственные средства. «...Ввиду свободного времени от занятий по приходу Священник счел за нужное на наемных у русских оленях, проехать до села Нижне-Лумпокольского к о. Духовнику для очищения своей совести, а потом и до города Сургута, по собственной, домашней, весьма необходимой надобности...», – сообщал в полугодовом рапорте ларьякский священник Н. Силин (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 78).

Благочинные же пользовались транспортом, выделяемым жителями тех приходов, которые они посещали на основе взаимных договоренностей. Например, как следует из письма сургутского благочинного А. Сивилова уездному исправнику (1903 г.), существовало соглашение между ним и всеми приходами о том, что обывательские лошади должны во время разездов предоставляться без платежа прогонов «во избежание лишних налогов на церкви». Благочинный сообщает, что «так было установлено самими прихожанами» и ранее никаких препятствий из-за этого им не встречалось (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 25. Л. 2–2 об.). Само письмо было вызвано тем, что на последнем участке его путешествия в д. Широковой недалеко от Сургута такие бесплатные подводы ему не были представлены.

Встречается еще один вариант – приобретение приходами или священниками собственных транспортных средств. Наличие средств передвижения особенно важно было в местах, удаленных от Оби и Иртыша, где пути сообщения были уже достаточно развиты благодаря появлению земских трактов и пароходам. При этом при-

хожане должны были выделять возчиков или гребцов-проводящих.

Наименее затратной в эксплуатации и удобной оказывалась покупка лодок церковным причтом, благодаря чему перемещение по приходу проводилось в теплое время года. Так, путешественник П.П. Инфантьев, побывавший на р. Конде в 1890-х гг., сообщал, что у священника с. Погу-Шаим «была своя большая лодка, могущая поднимать более ста пудов». На ней он раз в год посещал свой приход «обыкновенно летом... после Пасхи, вскоре по разливе рек» (Инфантьев 2003: 15, 131). Такая же большая крытая лодка в начале XX в. была приобретена и ларьякским священником А.Г. Вергуновым. По воспоминаниям И.В. Борщева, на лодке был прикреплен стяг – шест с металлической иконой Николая Чудотворца. Отца Арсения перевозили от юрты к юрте гребцы – остяки (см.: Солонкин 2002: 29). В 1898 г. от причта Христорождественской церкви с. Верхне-Лумпокольского поступил рапорт «об исходотайствовании» у гражданского начальства о приобретении им крытой лодки для поездок по приходу. В ответе консистории благочинному предписывалось поговорить с прихожанами, убедить их, «что расход будет не обременительным по 20 коп. с души» (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 22. Л. 3–4 об.).

О конструктивных особенностях таких судов можно судить по фотографиям, сделанным ларьякским учителем, краеведом Г.М. Дмитриевым-Садовниковым (см.: Главацкая 2013: 24 и др.), а также оставленному обдорским священником П. Поповым краткому описанию. По свидетельству последнего, лодка, чтобы нести на себе священника, гребцов и походную церковь, должна была достигать 6 печатных саженей в длину и 4 аршина в ширину (т. е. примерно 15×3 м), иметь водоизмещение 300 пудов («И здесь...» 2003: 178).

Собственных оленей духовенству было держать, вероятно, накладно. Сохранились сведения о большом оленьем стаде

Обдорской миссии (до 400 и более голов), существовавшем с 50-х гг. XIX в. Для его содержания выделялись Св. Синодом специальные средства православной миссии. В основном оленей использовались для миссионерских поездок по ямальской тундре, а забота о них ложилась на наемных работников из числа самоедов и остяков (Из истории Обдорской... 2004: 49–50 и др.).

Подводя итог, необходимо констатировать, что поиск механизмов для обеспечения надлежащих условий службы клириков на окраинных территориях Сибири, в том числе возможностей объезда приходо-в, требовал взаимоотношения, взаимодействия структур государственной власти и церкви. Если для духовенства поездки за пределы приходского центра на Тобольском Севере оказывались крайне необходимыми, то губернская администрация всегда сомневалась в их эффективности и целесообразности. Опасения у нее вызывали попытки священнослужителей решать таким способом свои материальные проблемы за счет населения и казны, что якобы влияло на снижение платежеспособности населения. Эти сомнения имели под собой основания, т. к. изначально поездки по приходам не регламентировались. В условиях недостаточного казенного содержания причтов священнослужители вынуждены были использовать поездки в том числе для торговли, сбора необходимых средств на нужды храма.

С усилением контроля государства за транспортными расходами (путевыми расходами), выделением подвод, либерализацией религиозной политики по отношению к сибирским «инородцам» у духовенства сокращаются возможности для «безлимитных» перемещений по приходам. При этом с него никто не снимал обязанностей по окормлению верующих, требовавших периодически выезжать в юрты коренных жителей для служения треб и миссионерских забот.

При общем скептическом отношении гражданского начальства к требованиям

духовенства о предоставлении бесплатного проезда по служебным надобностям среди губернского руководства не было единства. Предпринимались попытки решить вопрос к взаимному удовлетворению сторон, впрочем, не доведшиеся до конца. К тому же существовал определенный разрыв между принятым «наверху» решением и его практической реализацией на местах. У

чиновника всегда имелась возможность под разными благовидными предложениями «вставить палки в колеса» священнику, вызвавшему у него неприязнь. В конечном счете было найдено компромиссное решение: духовенство пользовалось правом на бесплатный проезд установленное число раз, а перемещения для личных нужд следовало оплачивать из своего кармана.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГУТОГА – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

ГАТомО – Государственный архив Томской области

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

РГИА – Российский государственный исторический архив

ТДК – Тобольская духовная консистория

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Н.А.* 1998. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень: СофтДизайн.
- Вершинин Е.В.* 2003. Ямская гоньба на Оби: подводная повинность в Сибири в XVII веке // Родина 2, 66–68.
- Главацкая Е.М.* 1995. История распространения христианства // Кучер В.В. (отв. ред.). Ямал – знакомый и неизвестный: сборник. Тюмень: ИПОС СО РАН, 56–69.
- Главацкая Е.М.* 2013. Забытые образы хантыйских шаманов: каталог фотодокументов начала XX века из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
- Голошубин И., свящ.* 1895. От Березова до Обдорска (Из путевых записок бывшего благочинного церковью Березовского округа) // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 3, 42–47.
- ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 123.
- ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788.
- ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523.
- ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17.
- ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 258.
- ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1.
- ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 15.
- ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 16.
- ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 22.
- ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 25.
- ГУТО ГА. Ф. И-706. Оп. 1. Д. 3.
- ГУТО ГА. Ф. И-706. Оп. 1. Д. 23.
- ГУТО ГА. Ф. И-707. Оп. 1. Д. 3.
- ГАТомО. Ф. Ф-173. Оп. 1. Д. 196.
- Зольникова Н.Д.* 1990. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
- «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30-е – 80-е гг. XIX в.): Источники. 2003 / Сост. вступ. ст. и коммент. В.Я. Темплинга. Тюмень: Мандр и Ка.
- Из истории Обдорской миссии: Источники. 2004 / Сост. вступ. ст., коммент. В.Я. Темплинга. Тюмень: Мандр и Ка.
- Инфантьев П.П.* 2003. Путешествие в страну вогулов / Предисл. Г.И. Данилиной. Тюмень: Мандр и Ка.
- Иринарх, иером.* 1906. История Обдорской духовной миссии (1854 г. – 1904 г.). М.: печатня А.И. Снегиревой.
- Мавлютова Г.Ш.* 2000. Формы и методы миссионерской работы на севере Западной Сибири (XIX–XX вв.) // Еманов А.Г. (отв. ред.). Религия и церковь в Сибири: Сб. научных ст. и документальных материалов. Вып. 13. Тюмень: ТюмГУ, 25–35.

Мавлютова Г.Ш. 2001. Миссионерская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень: ТюмГУ.

Макарчева Е.Б. 2001. Сословные проблемы духовенства Сибири и церковное образование в конце XVIII – первой половине XIX в (по материалам Тобольской епархии): Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Николаев А.П. 1996. Приходская община новокрещенных Северо-Западной Сибири во второй половине XVIII века: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Огрызко И.И. 1941. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отделение.

Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894/95 учебный год. 1896. Тобольск: Тип. епарх. Братства.

ПСЗРИ. 1-е. Т. XXVII. (1802–1803). № 20344.

ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXIII. (1815–1816). № 26316.

ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXVIII. (1822–1823). № 29126.

ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXVIII. (1822–1823). № 29132.

РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 42.

РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 607.

РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 957.

РГИА. Ф. 796. Оп. 128. Д. 1343.

РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731.

РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 554.

Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. 2000 / Под ред. Коновалова В.В. Тюмень: Тюменский издательский дом.

Солодкин Я.Г. 2002. Из истории церкви Знамения Пресвятой Богородицы в селе Ларьякском (Ларьяке) // От Ваха до Агана: Эколого-краеведческий альманах. Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 14–32.

Солодкин Я.Г. 2018. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий: очерки ранней истории: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та.

Сулоцкий А.И. 2000а. Сперанский в Тобольске // Сочинения: В 3 т. / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики. Т. 2: О сибирском духовенстве, 737–770.

Сулоцкий А.И. 2000б. Тобольские архипастыри: Антоний (Знаменский), Евгений (Казанцев) и Георгий (Ящуржинский) // Сочинения: В 3 т. / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики. Т. 2: О сибирском духовенстве, 521–536.

Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX вв.: источники. 2006 / Сост., авт. предисл. и коммент. В.Я. Темплинг. Тюмень: Мандр и Ка, Вып. 7.

Устав о земских повинностях // Свод законов Российской империи. 1857. СПб.: в типографии второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 4, 137–138.

Цысь О.П. 2019. О взаимоотношениях причта и прихожан на Тобольском Севере в пореформенный период (на примере березовской Богородице-Рождественской церкви) // Православие. Наука. Образование 1(7), 22–31.

Шемановский И.С. 2011. Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.) // Избранные труды. Т. 1. М.: Сов. спорт, 107–289.

Tsys' V. V., Tsys' O. P. 2019. The Struggle of the Russian Orthodox Church and Secular Authorities against the Pagan "Remnants" of The Peoples of the Tobolsk North in the XVIII – XIX centuries // Былые годы. Российский исторический журнал. Т. 2. № 52, 533–541.

REFERENCES

Abramov N.A. 1998. Gorod Tyumen: Iz istorii Tobol'skoi eparkhii. Tyumen. (In Russian).

Vershinin E.V. 2003. Yamskaya gon'ba na Obi: podvodnaya povinnost' v Sibiri v XVII veke. Rodina, 2, 66–68. (In Russian).

Glavatskaya E.M. 1995. Istoriya rasprostraneniya khristianstva. In Yamal – znakomyi i neizvestnyi: sbornik. Tyumen, 56–69. (In Russian).

Glavatskaya E.M. 2013. Zabytye obrazy khantyiskikh shamanov: katalog fotodokumentov nachala KhKh veka iz sobraniya Tobol'skogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika. Yekaterinburg. (In Russian).

Goloshubin I., svyashch. 1895. Ot Berezova do Obdorska (Iz putevykh zapisok byvshego blagochinnogo tserkvei Berezovskogo okruga). Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti. Otdel neofits. 3, 42–47. (In Russian).

GUTO GA [State Archives in Tobolsk]. F. I-156. Op. 3. D. 123. (In Russian).

GUTO GA [State Archives in Tobolsk]. F. I-156. Op. 11. D. 788. (In Russian).

GUTO GA [State Archives in Tobolsk]. F. I-156. Op. 11. D. 1523. (In Russian).

- GUTO GA [State Archives in Tobolsk]. F. I-156. Op. 19. D. 17. (In Russian).
 GUTO GA [State Archives in Tobolsk]. F. I-156. Op. 19. D. 258. (In Russian).
 GUTO GA [State Archives in Tobolsk]. F. I-191. Op. 1. D. 1. (In Russian).
 GUTO GA [State Archives in Tobolsk]. F. I-191. Op. 1. D. 15. (In Russian).
 GUTO GA [State Archives in Tobolsk]. F. I-191. Op. 1. D. 16. (In Russian).
 GUTO GA [State Archives in Tobolsk]. F. I-191. Op. 1. D. 22. (In Russian).
 GUTO GA [State Archives in Tobolsk]. F. I-191. Op. 1. D. 25. (In Russian).
 GUTO GA [State Archives in Tobolsk]. F. I-706. Op. 1. D. 3. (In Russian).
 GUTO GA [State Archives in Tobolsk]. F. I-707. Op. 1. D. 3. (In Russian).
 GUTO GA [State Archives in Tobolsk]. F. I-706. Op. 1. D. 23. (In Russian).
 GATomO [State Archives of Tomsk region]. F. F-173. Op. 1. D. 196. (In Russian).
 Zol'nikova N.D. 1990. Sibirskaya prikhodskaya obshchina v XVIII veke. Novosibirsk. (In Russian).
 "I zdes' poyavlyayetsya zarya khristianstva..."(Obdorskaya missiya 30-e – 80-e gg.XIX v.). 2003. Tyumen. (In Russian).
 Iz istorii Obdorskoj missii: Istochniki. 2004. Tyumen. (In Russian).
Infant'ev P.P. 2003. Puteshestvie v stranu vogulov. Tyumen. (In Russian).
Irinarkh, ierom. 1906. Istoriya Obdorskoj dukhovnoj missii (1854 g. – 1904 g.). Moscow. (In Russian).
Mavlyutova G.Sh. 2000. Formy i metody missionerskoj rabotyna severe Zapadnoi Sibiri (XIX–XX vv.). In *Religiya i tserkov' v Sibiri: Sb. nauchnykh st. i dokumental'nykh materialov*. Issue. 13. Tyumen, 25–35. (In Russian).
Mavlyutova G.M. 2001. Missionerskaya deyatelnost' Russkoj Pravoslavnoj tserkvi v Zapadnoi Sibiri (XIX–nachalo XX veka). Tyumen. (In Russian).
Makarcheva E.B. 2001. Soslovnnye problemy dukhovenstva Sibiri i tserkovnoe obrazovanie v kontse XVIII–pervoi polovine XIX v. (po materialam Tobol'skoj eparkhii): candidate's thesis. Novosibirsk. (In Russian).
Nikolaev A.P. 1996. Prikhodskaya obshchina novokreshchennykh Severo-Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVIII veka: candidate's thesis. Novosibirsk. (In Russian).
Ogryzko I.I. 1941. Khristianizatsiya narodov Tobol'skogo severa v XVIII v. Leningrad. (In Russian).
 Otchet Tobol'skogo eparkhial'nogo uchilishchnogo soveta o tserkovno-prikhodskikh shkolakh i shkolakh gramoty za 1894–1895 uchebnyi god. 1896. Tobolsk. (In Russian).
 PSZRI [The complete collection of the laws of the Russian Empire]. 1. Vol. XXVII. (1802–1803). No 20344. (In Russian).
 PSZRI [The complete collection of the laws of the Russian Empire]. 1. Vol. XXXIII. (1815–1816). No 26316. (In Russian).
 PSZRI [The complete collection of the laws of the Russian Empire]. 1. Vol. XXXVIII. (1822–1823). No 29126. (In Russian).
 PSZRI [The complete collection of the laws of the Russian Empire]. 1. Vol. XXXVIII. (1822–1823). No 29132. (In Russian).
 RGIA [Russian State Historical Archive]. F. 796. Op. 18. D. 42. (In Russian).
 RGIA [Russian State Historical Archive]. F. 796. Op. 119. D. 607. (In Russian).
 RGIA [Russian State Historical Archive]. F. 796. Op. 119. D. 957. (In Russian).
 RGIA [Russian State Historical Archive]. F. 796. Op. 128. D. 1343. (In Russian).
 RGIA [Russian State Historical Archive]. F. 796. Op. 146. D. 731. (In Russian).
 RGIA [Russian State Historical Archive]. F. 796. Op. 442. D. 554. (In Russian).
 Sibirskie i tobol'skie gubernatory: istoricheskie portrety, dokumenty. 2000. Tyumen. (In Russian).
Solodkin Ya.G. 2002. Iz istorii tserkvi Znameniya Presvyatoi Bogoroditsy v sele Lar'yakskom (Lar'yake). In *Ot Vakhha do Agana: Ekologo-kraevedcheskii al'manakh*. Tyumen, 14–32. (In Russian).
Solodkin Ya.G. 2018. Kazachestvo Severo-Zapadnoi Sibiri na rubezhe XVI–XVII stoletii: ocherki rannei istorii. Nizhnevartovsk. (In Russian).
Sulotskii A.I. 2000a. Speranskii v Tobol'ske. Tyumen. Vol. 2: In *O sibirskom dukhovenstve, 737–770*. (In Russian).
Sulotskii A.I. 2000b. Tobol'skie arhipastyri: Antonii (Znamenskii), Evgenii (Kazantsev) i Georgii (Yashchurzhinskii). Vol. 2: In *O sibirskom dukhovenstve, 521–536*. (In Russian).
 Surgutskii uезд v dokumental'nykh pamyatnikakh XVIII–XIX vv.: istochniki. 2006. Tyumen. (In Russian).
 Ustav o zemskikh povinnostyakh. In *Svod zakonov Rossiiskoi imperii*. 1857. St. Petersburg. St. Petersburg. Vol. 4, 137–138. (In Russian).

Tsys' O.P. 2019. O vzaimootnosheniyakh prichta i prikhozhan na Tobol'skom Severe v poreformennyi period (na primere berezovskoi Bogoroditse-Rozhdestvenskoi tserkvi). *Pravoslavie. Nauka. Obrazovanie*, 1(7), 22–31. (In Russian).

Shemanovskii I.S. 2011. Khronologicheskii obzor dostopamyatnykh sobytii v Bereзовском kraе Tobol'skoi gubernii (1032–1910 gg.). Vol. 1. Moscow, 107–289. (In Russian).

Tsys' V. V., Tsys' O. P. 2019. The Struggle of the Russian Orthodox Church and Secular Authorities against the Pagan "Remnants" of The Peoples of the Tobolsk North in the XVIII – XIX centuries. *Bylye Gody*. Vol. 52, Issue 2. 533–541. doi:10.13187/bg.2019.2.533

O. P. Tsys'
Nizhnevartovsk, Russia

TRAVELS OF PARISH PRIESTS AND MISSIONARIES OF THE TOBOLSK NORTH AS A FORM OF INTERACTION OF AUTHORITIES AND SOCIETY IN THE SYNODICAL PERIOD IN THE HISTORY OF RUSSIAN ORTHODOXY

Abstract. The study investigates the relationship between the spiritual and secular authorities regarding traveling arrangements for clergy in the territory of the Tobolsk North during the Synodical Period in the history of Russian Orthodoxy. The difficulties that abbots had to face when travelling to parishes were studied. For a long time travelling arrangements for clergy were unregulated and accompanied by abuse of indigenous population of the region. The search for mechanisms to ensure proper conditions for religious service, including the possibility of visiting parishes, required joint efforts of the state and the church. The secular authorities generally took a negative attitude to the requirements of priests and clergymen to freely use state-owned horses and questioned their travelling needs. Serving the fiscal interests of the State Treasury, the secular authorities were critical of the 'excessive zeal' of the clergy and tried to restrain the abuse of wandering and nomadic minorities. By the end of the studied period, the adoption of necessary legislative acts solved the problems of organizing trips for priests and clergymen to entrusted parishes.

Key words: Tobolsk North; synodical period; parish clergy; missionary; Bereзов; Surgut.

About the author: Olga Petrovna Tsys', Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Russian History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ и Департамента образования и молодежной политики ХМАО-Югры № 18-49-860002

This study was conducted with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Department of Education and Youth Policy of Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra № 18-49-86002.

Цысь О.П. Поездки приходских священников и миссионеров Тобольского Севера как форма взаимодействия власти и общества в синодальный период истории Русской православной церкви // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2019. № 3. С. 99–107.

Tsys' O.P. Travels of parish priests and missionaries of the Tobolsk North as a form of interaction of authorities and society in the synodical period in the history of Russian orthodoxy // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2019. No. 3. P. 94–107.

ОТНОШЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ К ПРИЧИНЕНИЮ МУЖЧИНАМИ ИЗ СВЕТСКОГО И ДУХОВНОГО СОСЛОВИЙ ТЕЛЕСНОГО ВРЕДА ЖЕНЩИНАМ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ)

Аннотация. В статье рассмотрено правовое положение женщин относительно защиты от насилий со стороны мужчин в России в конце XVIII – начале XIX вв. Автором представлены результаты исследования содержания дел Тобольской духовной консистории об избииении женщин мужчинами из светского и духовного сословий, выявлены общие черты, выделены этапы производства по таким делам в тот период, изучено отношение Русской православной церкви к данной проблеме. Установлено, что делопроизводство относительно наказания мужчин как светского, так и духовного ведомства развивалось по сложившемуся обычаю и отличалось только отсутствием заключительного пункта – об отправке указа руководству, так как начальством для духовных лиц был сам владыка. Архивные документы свидетельствуют о том, что основной причиной нанесения телесных повреждений женщинам со стороны мужчин в конце XVIII – начале XIX вв. являлись давние традиции, а поводом чаще всего – «дерзкое», по мнению находящихся, как правило, в состоянии алкогольного опьянения, поведение женщины по отношению к нападавшему. Последствия же были различными в зависимости от того, находись ли преступник и жертва в браке. При отсутствии отягчающих обстоятельств обидчика ждала только епитимия. Русская православная церковь своих обвиняемых подопечных наказывала лишь штрафом и переводом в другое село. Таким образом, в рассматриваемый период она достаточно лояльно относилась к причинению телесного вреда женщинам мужчинами независимо от сословной принадлежности последних.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Тобольская епархия; Тобольская духовная консистория; гендерное насилие; духовное и светское ведомства; побои; наказание; епитимия; штраф; этапы делопроизводства.

Сведения об авторе: Александра Владимировна Спичак, кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории комплексных исследований социальных систем.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628615, Россия, г. Нижевартовск, ул. Нефтяников, д. 37; тел.: 8(912)530-50-23, e-mail: spichak-89@mail.ru.

Положение женщины издавна является предметом международно-правового регулирования и деятельности национальных правительств. Несмотря на совершенствование законодательства, принятие и подписание ряда международных документов в рамках ООН, положение женщин, как и раньше, зачастую оставляет желать лучшего (Парыгина 2009: 3). Поэтому важно обращение к прошлому, чтобы не допустить прежних ошибок в настоящем и будущем.

С принятием христианства на Руси брачно-семейные отношения входили в компетенцию церкви. К ведению церковного суда относились, помимо всех религиозных, преступления, касавшиеся брачно-семейного союза и чистоты нравов. Жестокое обращение мужа с женой практически не становилось причиной развода (Ро-

дина 2016: 18–19). Это подтверждают и архивные документы. В ответ на жалобу женщины епархиальные власти могли предложить в лучшем случае отдельное проживание.

Следует отметить, что избииение жен было распространенным явлением среди всех сословий (Родина 2006: 19). Женщины страдали не только от своих мужей, но и от других мужчин.

В ГБУТО ГАТ находятся на хранении дела ТДК по прошениям женщин и их представителей о защите. Судя по этим документам, наказывали только тех мужчин, чьи побои приводили к более или менее серьезным последствиям. Избииение чужой жены обычно наказывалось строже, чем своей.

Анализ дел ТДК по вопросам о причинении мужчинами светского сословия телесного вреда женщинам в конце XVIII – начале XIX вв. выполнен нами ранее (Спицач 2019а). Цель данного исследования – сравнить отношение Русской православной церкви к причинению мужчинами светского и духовного сословий телесного вреда женщинам в конце XVIII – начале XIX вв. (на материалах ТДК).

В ГБУТО ГАТ нами было выявлено 9 дел о побоях, нанесенных женщинам мужчинами, принадлежащими к светским лицам (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 4. Д. 19, 1536, 1733; Оп. 5. Д. 948, Д. 1128; Оп. 6. Д. 1246; Оп. 8. Д. 1328; Ф. 282. Оп. 1. Д. 19), и вдвое больше – со стороны членов причта (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 4. Д. 2371, 2520; Оп. 5. Д. 9, Д. 625, Д. 641, 1333; Оп. 6. Д. 21, 23, 1201, 1342, 1789, 1840; Оп. 8. Д. 172, 284, 754, 935, 1257; Ф. 378. Оп. 1. Д. 177). Эти дела свидетельствуют о том, что лица духовного ведомства не были лишены пороков, им, как и мужчинам из светских сословий, ничто не мешало поднять руку на женщину, не только на свою, но и на чужую жену, оставаясь при этом практически безнаказанными.

Рассмотрим одно из таких дел.

14 апреля 1819 г. вдова крестьянина села Шишкинского Тобольской округи Фекла Щукина подала прошение на имя преосвященного Амвросия Келембета с жалобой на священника своего прихода: *«Сего апреля 7-го числа означенного села священник Петр Попов, пришедши ко мне в дом требовал себе подать и пить тут же вина (так как содержу при себе винную выставку), но жена его священника просила меня, чтобы ему нисколько не давать оно-го до обедни; для того, чтобы он, отслужив оную, уехал в деревню СС крестом. Я, желая удовлетворить просьбу ее, говорила ему Попову, что вина нет, на что он говорил: “Так нет вина?”. Я говорила: “Нет”. Почему он, более не говоря ничего, схватил меня за волосы и таскал по дому, и две же дочери мои Марина и Ирина видя таковую*

мне наносимую обиду, стали за меня приставать, он же, священник, схватив первую ударив ее в правую щеку и прошиб оную, и таскал за волосы, потом малую так же схватил за волосы многократно из переднего угла и к порогу двери таскал, потом подняв ногу, ударил в оконницу и вышиб оную, в это время случились быть тут десятник Яков Шишкин и трапезник Мироншин, кои все это могут подтвердить, ... придя поздно вечером просил под окошком вина, но я, опасаясь уже сего, голосу ему не подала, почему он, не слыша ответа, и другую оконницу вышиб. На что я, терпя не первый раз уже наносимые мне тем священником обиды, покорнейше прошу Вашего Высокопреосвященства милостивого архипастыря произвести о сем его священника неблагопристойном поступке следствие и мне по законам удовольствоваться» (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 8. Д. 1257. Л. 2–2 об.).

По существовавшей в то время делопроизводственной традиции наиболее важные слова в прошении, на которые владыке и ТДК следовало бы обратить особое внимание, выделены подчеркиванием: *«в доме»* и *«обиды»*. Скорее всего, *«обида»*, нанесенная в доме пострадавшего, считалась более тяжелой. Текст прошения интересен тем, что над местоимениями *«я»*, *«мне»* и т. д. есть приписки *«она»*, *«ей»*. Вместо Феклы *«за неимением ее грамоты»* жалобу составлял другой человек, скорее всего служитель ТДК, а подписал по просьбе Щукиной подканцелярист Николай Домашев.

Дело имело стремительный ход: архиепископ дал приказ ТДК в день получения прошения, и уже через 3 дня подозреваемый священник был доставлен к епархиальному начальству, о чем свидетельствует рапорт сторожа ТДК Григория Александра. В рапорте указано, что сторож выполнял распоряжение владыки согласно инструкции, данной ему последним. Инструкция приложена к делу и заслуживает особого внимания, так как данный доку-

мент встретился нам впервые. Согласно инструкции, Г. Александров «в случае же его, от явки в оную (ТДК. – А. С.) упорства, имеешь ты взять с собою того села из крестьян понятых» (Л. 6).

19 апреля ТДК зафиксировала допрос священника, который отверг обвинения Ф. Шукиной. Он утверждал, что пришел к ней в праздник «не для питья вина», а чтобы «заказать» выпивку «для гостей», и не наносил никаких телесных повреждений ни хозяйке дома, ни ее дочерям, и не приходил больше, тем более не вышибал окна (Л. 7–7 об.).

Из-за того что показания расходились, ТДК пришлось просить Тобольское губернское правление опросить свидетелей, указанных в прошении, что было исполнено только к 9 сентября 1819 г. Максим Мироншиев, являвшийся одним из них, к тому времени уже умер (Л. 8–12). Из показания Я. Шишкина узнаем, что священник не таскал за волосы Ф. Шукину, а ударил ее один раз по голове, а заступившуюся за мать Ирину, которая назвала его «варнаком и язкою», «за волосы и подрал». Фекла «на тот раз столь смела была и проворна, самого священника неоднократно ударила лопатой, которой вынимают из печи хлеба и ее об священника изломила» (Л. 13 об.).

В деле имеется также клятвенное обещание всех фигурантов говорить правду (Л. 13–14).

ТДК выяснила, что П. Попову было 36 лет, в семинарии он не учился, был «хорошего» поведения и до 1819 г. не находился под следствием. Помимо дела, рассмотренного в ТДК, священник обвинялся также «по светской части в свенчании дворовой девки штаб-лекаря Виноградского за крестьянина Новопашенного». В докладе ТДК преосвященному предложила назначить священнику наказание в виде штрафа, взяв с него подписку, «чтобы он впредь вел себя кротко и смиренно, всячески удалялся от противозаконных сану его поступков». В документе указано, что духовные лица за побои обычно наказывались штрафом и пе-

реводом в другое село (Л. 15–16 об.). Для исполнения наказания владыка дал пристапу Василию Попову инструкцию 28 ноября 1819 г. к 10 часам утра доставить П. Попова в ТДК (Л. 18).

Как свидетельствуют материалы рассмотренного выше дела, от подачи прошения до принятия решения архиепископом прошло больше полугода.

Ранее мы выяснили, что процесс производства ТДК по делам о причинении телесного вреда женщинам со стороны светских мужчин в конце XVIII – начале XIX вв. длился также несколько месяцев, а в виде редкого исключения – несколько лет, и обычно включал следующие этапы: 1) подача просительного документа со стороны потерпевшей (через духовное правление, если она проживала в провинции, в таком случае оно переписывало ее просьбу), либо от начальства ее супруга напрямую в ТДК, если преступление совершил муж, или, в случае смерти женщины либо выкидыша, – сообщение Тобольского уездного суда (через духовное правление, если преступление совершалось не в Тобольске), либо Тобольского губернского правления с требованием о наказании от Тобольской палаты суда и расправы; 2) рассмотрение поступившей документации на заседании ТДК, составление определения в конце XVIII в., позже выписки из журнала ТДК; 3) проставление резолюции архиепископом; 4) отправка указа ТДК начальству мужа или в духовное правление; при необходимости извещали Синод (Спичак 2019а: 20).

Следует отметить, что делопроизводство относительно наказания мужчин и светского, и духовного ведомств отличалось только отсутствием в последнем случае заключительного пункта – отправки указа руководству, так как начальством духовных лиц был сам владыка, и ему не было необходимости посылать самому себе указ. В остальном же этапы делопроизводства в обоих случаях близки.

Основной причиной причинения телесного вреда женщинам со стороны муж-

чин в конце XVIII – начале XIX вв. являлись сложившиеся традиции, а поводом чаще всего «дерзкое», по мнению находящихся, как правило, в состоянии алкогольного опьянения, поведение женщины по отношению к нападавшему.

Последствия же были различными в зависимости от того, являлись ли преступник и жертва законными супругами. Если мужчина избивал свою жену, то рассчитывать на защиту она могла лишь тогда, когда находились свидетели, которые бы подтвердили, что причиняемые мужем побои могут привести к трагедии, и то этого было недостаточно для развода, пострадавшей просто разрешали жить отдельно от ее обидчика, он же чаще всего отделяться всего лишь пятью годами епитимии согласно церковным правилам. За убийство жены количество лет епитимии увеличивали до 12 и дополняли наказание светским – 30 ударов кнута. В случае если мужчина избивал чужую жену, его ждало «светское» наказание в виде битья розгами и 5 лет епитимии. При отягчающих последствиях, та-

ких как смерть нерожденного ребенка, количество ударов могли увеличить, например, до 39. Однако церковные власти, посчитав светское наказание достаточно суровым, уменьшали епитимию до 3 лет. В общем, преступника ожидало в худшем случае единовременное телесное наказание и несколько лет епитимии. Церковь верила в покаяние и исправление виновных, что зачастую не подтверждалось на практике. Подобные наказания едва ли могли удержать преступника от дальнейших жестоких действий, что являлось еще одной причиной невозможности искоренения мужского насилия (Спичак, 2019b: 142).

Церковные власти обвиняемых из своей среды наказывали максимально легко – штрафом и переводом в другое село.

Подводя итог, можно сказать, что Русская православная церковь в рассматриваемый период достаточно лояльно относилась к причинению телесного вреда женщинам мужчинами, причем независимо от сословия последних.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГБУТО ГАТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

ТДК – Тобольская духовная консистория

ЛИТЕРАТУРА

- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 4. Д. 19.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 4. Д. 1536.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 4. Д. 1733.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 4. Д. 2371.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 4. Д. 2520.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 5. Д. 9.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 5. Д. 625.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 5. Д. 641.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 5. Д. 948.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 5. Д. 1128.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 5. Д. 1333.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 6. Д. 21.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 6. Д. 23.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 6. Д. 1201.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 6. Д. 1246.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 6. Д. 1342.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 6. Д. 1789.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 6. Д. 1840.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 8. Д. 172.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 8. Д. 284.
- ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 8. Д. 754.

ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 8. Д. 935.

ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 8. Д. 1257.

ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 8. Д. 1328.

ГБУТО ГАТ. Ф. 282. Оп. 1. Д. 19.

ГБУТО ГАТ. Ф. 378. Оп. 1. Д. 177.

Парыгина Н.А. 2009. Гендерный аспект насилия в социальном измерении: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск.

Родина И.В. 2006. Родственно-семейные отношения насилия и зависимости в обычаях и нормах России: исторический аспект // Общество и право 3(13), 17–25.

Спичак А.В. 2019а. Делопроизводство Тобольской духовной консистории по вопросам о причинении мужчинами телесного вреда женщинам (конец XVIII – начало XIX вв.) // Православие. Наука. Образование 1(7), 10–21.

Спичак А.В. 2019б. Причинение мужчинами телесных повреждений женщинам в конце XVIII – начале XIX вв.: причины и результаты (на материалах Тобольской епархии) // Фролова И.В. (ред.). Гендерные режимы современного общества: мозаика сценариев маскулинности и феминности: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Диалог, 138–143.

REFERENCES

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 4. D. 19. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 4. D. 1536. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 4. D. 1733. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 4. D. 2371. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 4. D. 2520. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 5. D. 9. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 5. D. 625. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 5. D. 641. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 5. D. 948. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 5. D. 1128. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 5. D. 1333. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 6. D. 21. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 6. D. 23. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 6. D. 1201. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 6. D. 1246. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 6. D. 1342. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 6. D. 1789. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 6. D. 1840. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 8. D. 172. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 8. D. 284. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 8. D. 754. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 8. D. 935. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 8. D. 1257. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 156. Op. 8. D. 1328. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 282. Op. 1. D. 19. (In Russian).

GBUTO GAT [State archive in Tobolsk]. F. 378. Op. 1. D. 177. (In Russian).

Parygina N.A. 2009. Gendernyi aspekt nasiliya v sotsial'nom izmerenii: Extended abstract of candidate's thesis. Khabarovsk. (In Russian).

Rodina I.V. 2006. Rodstvenno-semeinye otnosheniya nasiliya i zavisimosti v obychnykh i normakh Rossii: istoricheskii aspekt. Obshchestvo i pravo, 3(13), 17–25. (In Russian).

Spichak A.V. 2019a. Deloproizvodstvo Tobol'skoi dukhovnoi konsistorii po voprosam o prichinenii muzhchinami telesnogo vreda zhenshchinam (konets XVIII – nachalo XIX vv.) [Office work of the Tobolsk spiritual consistory on Questions of Causing bodily harm to Women by Men (the end of XVIII – the beginning of XIX centuries)]. Pravoslavie. Nauka. Obrazovanie, 1(7), 10–21. (In Russian).

Spichak A.V. 2019b. Prichinenie muzhchinami telesnykh povrezhdenii zhenshchinam v kontse XVIII–nachale XIX vv.: prichiny i rezul'taty (na materialakh Tobol'skoi eparkhii). In Gendernye rezhimy sovremennogo obshchestva: mozaika stsensariiev maskulinnosti i feminnosti: Proceedings of the Conference Title. Ufa, 138–143. (In Russian).

A. V. Spichak
Nizhnevartovsk, Russia

THE ATTITUDE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH TOWARDS THE INFLICTION OF BODILY HARM TO WOMEN BY MEN FROM THE SECULAR AND SPIRITUAL ESTATES IN THE LATE XVIII - EARLY XIX CENTURIES. (BASED ON THE MATERIALS OF THE TOBOLSK SPIRITUAL CONSISTORY)

Abstract. At the article discussed the legal status of woman against protection from violence by men in Russia in the late XVIII-early XIX centuries. The author presents the results of a study which content the cases of the Tobolsk ecclesiastical consistory about beating women by men from the high classes and clerical order, identifies common features, identifies the stages of proceedings in such cases at that time, and studies the attitude of the Russian Orthodox church to this problem. It was established that the procedure regarding the punishment of men from high classes and clerical order developed according to the established custom and differed only in the absence of a final paragraph - about sending the order to the lead, because of the lead for clerical order were sovereign Lord. Archival documents indicate that the main cause of bodily harm to women by men in the late XVIII - early XIX centuries were old traditions, and the cause was women «forward behavior» against to, as rule, alcohol intoxication. The consequences were different depending on whether the offender and the victim were married. In the absence of aggravating factors, the offender was waiting only for penance. The Russian Orthodox Church punished her accused wars only with a fine and transfer to another village. Therefore during the period under consideration, she was quite loyal to the bodily harm to women by men irrespective from the classes of the latter.

Key words: Russian Orthodox Church; Tobolsk diocese; Tobolsk spiritual consistory; gender-based violence; spiritual and secular departments; beatings; punishment; penance; fine; stages of paperwork.

About the author: Alexandra Vladimirovna Spichak, Candidate of Historical Sciences, researcher of the research laboratory of complex research of social systems.

Place of work: Nizhnevartovsk State University.

Исследование осуществлено в рамках исполнения гранта президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2018) (МК-3701.2018.6)

Спичак А.В. Отношение Русской православной церкви к причинению мужчинами из светского и духовного сословий телесного вреда женщинам в конце XVIII – начале XIX вв. (на материалах Тобольской духовной консистории) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2019. № 3. С. 108–113.

Spichak A.V. The attitude of the Russian orthodox church towards the infliction of bodily harm to women by men from the secular and spiritual estates in the late XVIII – early XIX centuries. (based on the materials) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2019. No. 3. P. 108–113.

УДК 93/94

М. В. Узрюмова
Нижневартовск, Россия

РОССИЙСКАЯ ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА И ДВИЖЕНИЕ ЗА ВВЕДЕНИЕ ЗЕМСТВА В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. Статья посвящена основным вопросам земской реформы 1864 г. и земской контрреформы 1890 г. в России, особенностям и условиям их введения и реализации, включавшим в себя: плотность и образовательный центр населения, удаленность территорий от центра и их приближенность к государственными границам. В работе показано, что Сибирь не получила земство ни в период реформы, ни в период контрреформы по причинам отсутствия населения, которому можно было бы компенсировать убытки от отмены крепостного права. Особое внимание уделено анализу движения за земство в крае в целом и Тобольской губернии в частности. Привлечена к рассмотрению проектная законодательная деятельность депутатов Государственной думы, где сибирские депутаты активизировали вопрос о введении земства. Для сравнения

приведены предложения о введении земства видных деятелей Тобольской губернии – депутатов Н.Л. Скалозубова, Н.А. Ушакова, И.Я. Уфимцева, губернатора А.П. Лаппа-Старженецкого. Актуальность исследования обусловлена тем, что вопрос исторического отечественного опыта в системе местного самоуправления в условиях постоянно развивающейся власти на местах привлекает не только историков, но и действующих чиновников, служащих, аналитиков.

Ключевые слова: земство; земская реформа; земское самоуправление; земский вопрос, земская управа; проекты; Сибирь; Тобольская губерния; губернатор; правительство.

Сведения об авторе: Мария Викторовна Угрюмова, доцент кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижневартковский государственный университет.

Контактная информация: 628605, Россия, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)27-35-10, e-mail: mugryumova@mail.ru.

В 1861–1866 гг. в России была перестроена вся система крестьянского управления таким образом, что сословная изолированность крестьянства сохранилась, а права и функции должностных лиц расширились незначительно. Практика административно-полицейского попечительства над крестьянами, которое осуществлялось через институт мировых посредников, назначавшихся губернатором из числа местных дворян-землевладельцев, сохранилась. В результате земской реформы 1864 г. и городской реформы 1870 г. сохранившаяся в основных чертах до 1917 г. система самоуправления, которое на двух уровнях, земском и городском, несмотря на все издержки, носило в целом буржуазный характер и отвечало основным потребностям развития страны, а на нижнем, сельском уровне – оставалось сословным, поддерживавшим неравноправность и изолированность крестьянства. Центральным звеном этой системы было отечественное земство, оставившее уникальный опыт в управлении на местах и колоссальное документальное наследие (Угрюмова 2014).

Земство, как учреждение прогрессивное, содействовало национальному развитию страны. Показательны в этом отношении те изменения, которые происходили в структуре и объемах земского расходного бюджета. Например, если в 1868 г. более 52% бюджета шло на содержание органов управления – мировых посредников, судебных учреждений, губернских и уездных управ, то к середине 80-х гг. расходы на эти нужды составляли только 32%. В то же

время затраты на здравоохранение и народное образование в бюджете страны увеличились с 13,5 до 39%, наблюдается рост расходов на строительство складов, элеваторов, улучшается ситуация в развитии ветеринарного дела, проводятся агрономические мероприятия. В 1895–1904 гг. общая сумма средств, отпущенных земствами на экономические мероприятия, выросла в 11 раз (Веселовский 1910, т. 2: 20–28).

Земские служащие, как наиболее достойная часть русской демократической интеллигенции, наладили считавшуюся лучшей в мире статистику по хозяйству, культуре и быту, устраивали сельскохозяйственные и кустарные выставки, внедряли агрономические новшества, строили дороги, мосты, поднимали местную промышленность, торговлю, создавали сельское здравоохранение и ветеринарную службу, открывали школы. За полвека было открыто 28 тыс. земских школ, где за это время получили образование до 2 млн крестьянских детей, в учительских семинариях земства за свой счет обучили 45 тыс. учителей. Земства содержали специально подготовленных земских врачей, общее число которых с 1866 по 1904 гг. возросло почти в 12 раз. В связи с этим нельзя не согласиться с восторженными высказываниями русского либерального деятеля К.Д. Кавелина, называвшего земство «многознаменательным явлением», семенем для развития «многоветвистого дерева прогресса» (цит. по: Троицкий 1999: 207).

Преобладание дворянства в земских учреждениях, казалось, делало их безопас-

ными для самодержавия, тем не менее, обозначившийся в 1866 г. консервативный поворот сопровождался волной нападков бюрократии на земское «либеральничанье». Борьба вокруг земств разворачивалась в трех направлениях: за или против преобразования их в чисто дворянские органы; превращение их в придаток государственных структур на местах; вокруг средств и компетенции земств. Перевес в этой борьбе оказался на стороне чиновничества, более того, в 1866 г. благодаря усилиям «верховного наушника» при Александре II шефа жандармов графа П.А. Шувалова и группы министров, не способных, по оценке Д.А. Милютин, «подняться выше точки зрения полицмейстера или даже городского» (Милютин 1950: 139), вышли новые правила о земских учреждениях, по которым председатели земских управ были по существу подчинены начальникам губерний и предводителям дворянства. Самый же сильный удар по российскому земству был нанесен в период царствования Александра III, в годы «бессмысленной и необоримой» реакции и контрреформ.

12 июня 1890 г. было опубликовано новое Положение о земских учреждениях (ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 3. № 6924), которое имело целью подорвать демократические основы земской реформы 1864 г. – всеобщность и выборность. По справедливому замечанию М.Ю. Витте, «суть преобразования заключалась в том, чтобы дать больший голос в земских учреждениях дворянству и умалить голос крестьянства», т. е. «одворянствовать» земские учреждения (Витте 1991: 196). По этой причине было существенно ограничено участие в выборах буржуазии. В связи с общим повышением неземлевладельческого ценза до 15 тыс. руб. и запрещением крестьянам-собственникам участвовать в земледельческих съездах было устранено от выборов более половины полноценных избирателей. Повысился ценз для мелких владельцев, составлявший теперь не менее 20 десятин. Сократилось представительство крестьян,

кроме того, они теперь избирали лишь кандидатов в гласные с последующим утверждением их губернатором. В свою очередь, потомственные и личные дворяне были выделены в особые избирательные цензы, а в целях увеличения их представительства был снижен – в ряде уездов почти вдвое – земельный ценз.

Правительство вполне определенно отказалось впредь рассматривать земские учреждения как частные, отделенные от государства. Все председатели и члены управ объявлялись государственными служащими. Для того чтобы облечь связь земских учреждений с администрацией в конкретную форму, была найдена привычная для России бюрократическая конфигурация – «присутствие», т. е. комитет под председательством губернатора, в который, помимо губернских чиновников, входили председатель и один член губернской земской управы. Отныне наиболее важные решения должны были утверждаться присутствием.

Все эти меры так сковывали инициативу местного самоуправления, что оно теперь казалось более декоративным, чем действующим органом. В результате принятого «одворянствования» к 1903 г. удельный вес представителей высшего сословия составлял в губернских управах уже 94,1%, а в уездных – 71,9% (Веселовский 1911, т. 3: 433–434).

В начале 1900-х гг. правительство Николая II пошло на дальнейшее ограничение прав земств. Указом 12 июня 1900 г. они отстранялись от заведования делами народного продовольствия, устанавливались пределы обложения на нужды земств, что привело к сокращению их бюджета. В 1901 г. была ограничена издательская деятельность земских учреждений, в 1902 г. последовал запрет на статистическую работу. С целью подавления либерального движения в 1903–1907 гг. подверглись гонениям некоторые земские деятели. Однако все попытки ограничить деятельность земства и реакционировать его при помощи «одво-

рянствования» не дали ожидаемых самодержавием результатов, а победа реакции оказалась пирровой. Процесс обуржуазивания привел к постоянному расширению социальной базы оппозиционного земского движения и его активизации, среди земцев-дворян явно преобладали не охранители, а либералы, зачастую вносившие и материальный вклад в развитие земства.

Если самодержавие еще задолго до завершения «великих реформ» начало демонстрировать недовольство «недостаточно дворянским» составом земских учреждений и «недопустимой» направленностью их деятельности в губерниях с самым широким распространением дворянского землевладения, то очевидно, что проводить в полном объеме реформу местного самоуправления в «мужицком царстве» – Сибири – оно было тем более не склонно. В сибирских губерниях дело ограничилось введением Городового положения 1870 г., которое позднее, в 1882 г., было заменено, как и во всей стране, реакционным «установлением», лишившим избирательных прав всех горожан, не имевших недвижимой собственности. Введение же новых правил организации крестьянского самоуправления на основе Положения 19 февраля 1861 г. затянулось в Сибири почти на двадцать лет. Реформа, проведенная в соответствии с «Положением о преобразовании общественного государственного управления государственных крестьян Западной Сибири», утвержденным 20 ноября 1879 г., во многом свелась к изменению границ и числа волостей, а главное – к усилению надзора со стороны государства за крестьянским самоуправлением.

Решить вопрос о возможности и необходимости сибирского земства действительно было нелегко, потому как на одной чаше весов лежала очевидная невозможность эффективного управления огромной территорией из Петербурга и даже из губернских центров, определенная финансовая выгода, которую получало государство, переводя местные учреждения на

самоокупаемость, сокращая казенные расходы, а на другой – пугающее обилие особенностей, которые нельзя было не учитывать.

Главным аргументом противников сибирского земства была, конечно, ничтожная доля здесь помещного дворянства. Смущали небольшая плотность населения, пестрый национальный состав, невысокий культурный уровень сибиряков. Сказывалась предвзятость столичной бюрократии и околоправительственных кругов сибирской общественности, существовали опасения ее сепаратизма. Позднее стали приводиться доводы об отсутствии земского самоуправления и наличии финансовых трудностей. Системы содержания местного аппарата и поступления налогов в центр были отлажены, а в случае введения земств потребовалась бы их неперемнная ломка и дополнительные затраты, что правительству было крайне невыгодно.

Иной позиции придерживалась сибирская общественность, среди которой первыми вопрос о местном самоуправлении подняли члены кружка «Молодая Сибирь» – будущие областники, центром деятельности которых стали такие сибирские города, как Томск и Иркутск. В ранних работах лидеров областнического движения Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева содержатся общие призывы о необходимости ввести земское самоуправление в крае. Более четкой была позиция С.С. Шашкова, который в своих публичных лекциях в конце 60-х гг. XIX в. выдвинул требование о введении «новых мирских сходо́в, земских советов и нового великого земского собора» (Бородавкин 1950: 70).

В 70-е гг. XIX в. наметился заметный подъем в общественных настроениях, чему способствовало проведение городской и судебной реформ, открытие первого в Сибири университета. В этот период областники, публикуясь на страницах местных газет, отвели земству в своей программе большую роль. Областной вопрос, по их мнению, мог окончательно решиться толь-

ко с введением земства (Ядринцев 1918: 76–77).

Известный областник, историк и литератор В.И. Вагин в 1878 г. на страницах газеты «Сибирь» предложил конкретные действия по ускорению введения земства. В своей программе он предложил создать сначала «временные земские учреждения под руководством местной администрации, которые должны были заняться разработкой проектов введения земства» (Сибирь 1878: 18, 25 июля).

Таким образом, в 60–70-х гг. XIX в. основными проводниками идеи о необходимости ввести земства в Сибири являлись областники, которые по возможности пытались разрабатывать первые для края, пока еще схематические проекты применения закона от 1 января 1864 г., но вся деятельность областников за реформу в 70-х гг. XIX в. не принесла результата.

Наступление реакции 80-х гг. не могло не отразиться на настроениях сибирских либералов. Количество журнальных и газетных статей, ратовавших за земство, резко сократилось, от категоричных требований авторы перешли к робким пожеланиям.

В Тобольской губернии о введении земства публично заговорили только с 90-х гг. XIX в., и первые предложения начали поступать от населения. Во всеподданнейшем отчете за 1892 г. губернатор Н.М. Богданович писал: «...в губернии была эпидемия тифа и холеры. Из Европейских губерний в Тобольск прибыло около десятка врачей и фельдшеров, которые показали свое мастерство, вызвав доверие и симпатию населения. Население требует начать дело по улучшению врачебной части и обещает, что само будет ... охотно содействовать по степени достатка и сил каждого. Словом, население требует самоуправления во врачебной части» (ГАТО ТФ. Ф. 479. Оп. 5. Д. 2. Л. 32 об.). Так, сам губернатор поддержал земляков, подчеркнув в заключение, что поднять упавшее народное хозяйство и уплатить недоимки прежних лет можно лишь при участии самого

местного населения (ГАТО ТФ. Ф. 479. Оп. 5. Д. 2. Л. 37 об.). Губернаторское предложение осталось незамеченным в правительстве.

В 1890 г. в Тобольской губернии появляется новая газета «Сибирский листок», в которой начал активно сотрудничать губернский агроном Н.Л. Скалозубов, который нередко являлся автором публикаций о необходимости ввести земство в крае, потому как только оно «могло бы занять весьма почетное место в ряду мероприятий, направленных на экономическое преуспевание и оживление Сибири» (Сибирский листок 1894: 6 янв.). О том что управление в крае нуждалось в улучшении, как уже упоминалось выше, признавалось и тобольской губернской администрацией. В 1901 г., покидая свой пост, проработавший в Тобольске пять лет губернатор Л.М. Князев заявил, что к сотрудничеству для улучшения управления губернией необходимо привлечь местных жителей, создав для этого прочную постоянную организацию общественных сил (Сибирский листок 1901: 12 марта).

В министерских кругах тогда шла борьба между сторонниками различных взглядов на земство, но, как уже отмечалось, в конце XIX – начале XX вв. в среде высшей бюрократии возобладала идея о том, что самоуправление представляет собой угрозу существующему государственному строю. Не удивительно, что все заявления местной администрации и общественности оставались без ответа.

Обсуждение вопроса о земских учреждениях в Сибири получило новый импульс в 1902 г., когда на местах были учреждены комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством министра финансов С.Ю. Витте, для работы в которых привлекались представители крестьянства (Попов 1989: 160).

В Западной Сибири, где роль этих учреждений зачастую ассоциировалась с идеей земского самоуправления, они полу-

чили широкое распространение (Сибирская жизнь 1903: 1 авг.). В Тобольской губернии такие комитеты были созданы во всех уездах, но наиболее результативной была работа Ялуторовского и Курганского отделов. По итогам деятельности всех уездных и губернского комитетов был издан 53-й том «Трудов местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Тобольская губерния)», где были напечатаны протоколы заседаний членов комитетов, их предложения по различным вопросам, в том числе и по земскому (Труды...). Практически все уездные комитеты высказались за введение в губернии земства. В многочисленных материалах присутствовала мысль о том, что дальнейшее развитие сельского хозяйства, организация кооперации тормозятся «военно-политическим бюрократическим режимом». Единственный выход из этого положения члены комитетов видели в организации земских учреждений в крае.

Начало следующему этапу разработки вопроса о земстве в Сибири положил рескрипт Николая II на имя иркутского генерал-губернатора графа П.И. Кутайсова от 3 апреля 1905 г. о необходимости начать работу на местах по поводу введения земских учреждений (Законодательные акты... 1907: 38). После распространения копий документа по всем сибирским губерниям в уездах началась интенсивная разработка проектов введения земства в Сибири. Всего, по подсчетам С.И. Акерблома, до конца 1905 г. в регионе было подготовлено 18 проектов введения земского самоуправления, два из которых были выработаны представителями Тобольской губернии (Сборник о земстве... 1912: 24–26).

В декабре 1905 г., в период наивысшего подъема первой русской революции, в Тобольске по инициативе Н.Л. Скалозубова, Н.А. Ушакова, И.Я. Уфимцева состоялся съезд крестьян Тобольского уезда, в котором приняли участие 123 крестьянских представителя от 22 волостей (ГАТО ТФ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 15. Л. 2–10). Многие деле-

гаты прибыли в Тобольск с приговорами сельских сходов о немедленном введении земства (ГАТО ТФ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 15. Л. 63 об., 124, 131, 170, 175). Вопрос о земском самоуправлении был внесен в поездку заседаний съезда. В итоге было принято решение об «устранении должностей крестьянских начальников и введении вместо них земств и мирового суда» (ГАТО ТФ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 7. Л. 11–12). Тем не менее, постановления съезда не были реализованы: все три устроителя съезда подверглись аресту, а действовавший тогда губернатор А.П. Лаппа-Старженецкий, допустивший созыв «противозаконного собрания», был вынужден подать в отставку (ГАТО ТФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 27. Л. 1).

Некоторое воздействие на отношение рядовых сибиряков к идее сибирского земства оказали выборные кампании в I и II Государственные думы, в ходе которых многие кандидаты заявляли о своей готовности требовать проведения земской реформы в Сибири, при том что избиратели вначале не затрагивали этой темы. Ни в одном из шести крестьянских приговоров, хранящихся в фонде депутата I Думы А.Ф. Ушакова, о земстве не упоминалось (ГАТО ТФ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 5). Однако к моменту созыва II Государственной думы ситуация изменилась: 4 из 17 наказов, имеющихся в фондах депутата II Думы Н.Л. Скалозубова, содержат требования сельских сходов о введении земства в Тобольской губернии (ГАТО ТФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 35. Л. 2–46). В соответствии с подобными приговорами думской комиссией по вопросам местного самоуправления, куда входил и депутат от Тобольской губернии В.В. Колокольников, была начата работа по составлению проекта о земских учреждениях в Сибири (Там же. Ф. 147. Оп. 1. Д. 39. Л. 89).

Роспуск Думы второго созыва вновь означал крушение надежд на быстрое введение земств. В ноябре 1907 г., когда свою работу начала III Государственная дума, сибирская группа депутатов сразу же обра-

зовала земскую подкомиссию, руководство которой было предложено известному ученому-историку А.А. Корнилову. Членами подкомиссии, самым деятельным из которых вновь стал Н.Л. Скалозубов, для составления проекта было решено исходить из Положения 1890 г. с учетом поправок к нему, связанных с сибирскими особенностями (Сборник о земстве... 1912: 92). В этот раз думский проект не был принят Государственным советом, чем правительство еще раз подтвердило свое отрицательное отношение к земству в Сибири. Следующая, IV Дума, вела разработку сразу нескольких земских проектов, но на обсуждение в Государственный совет их так и не представила, видимо, ожидая предложений от правительства. Правительственный же проект о введении земства на территории Сибири, составленный на основе все того же Положения 1890 г., появился лишь в январе 1917 г. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 76. Л. 15).

Итак, этапу, на котором зарождалась борьба за учреждение земских организаций в губернии (вторая половина XIX в. – 1905 г.), соответствовало отражение общественного движения в крае и в целом по стране. Правительство не помышляло о введении земских учреждений в Сибири, но эту идею поддержали областники, губернская администрация, периодическая печать и небольшая часть местных жителей в лице крестьян, сумевших под эгидой местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности организовать для поднятия и разработки данного вопроса. Городские думы уездных и губернского городов в качестве сторонников продолжения либеральных реформ и распространения земского самоуправления на Сибирь пока не выступали. До 1905 г. думы ни разу не ходатайствовали по этому вопросу перед правительством, не выносили его на обсуждение. Согласимся здесь с мнением современников, которые объясняли такое положение дел «опасением, как бы ... не переступить запретные пределы местных

польз и нужд» (Сибирский вестник 1905: 22 янв.).

В целом, движение за учреждение земских организаций в Тобольском крае пережило три основных этапа. Первый соответствует периоду с 1864 г. до подписания царского рескрипта 1905 г., когда борьба за введение земского самоуправления в губернии только зарождалась. Вторым этапом ограничивается Первая русская революцией. В это время появилось множество местных проектов, предложений, замечаний по вопросу организации земств в крае. На третьем этапе – между двумя революциями (1907–1917 гг.) – создавались проекты о сибирском земстве не только на местах, но и на уровне высших государственных органов. Необходимо отметить, что борьба за введение земского самоуправления в губернии имела свою специфику. Заметную роль в отстаивании земства сыграли тобольские губернаторы, первые предложившие принять земскую идею на благо развития хозяйства и экономики губернии. Необходимо отметить, что борьба за земское самоуправление явилась неотъемлемой частью общероссийского общественного движения. Тем не менее, дальше планов и проектов дело не пошло. Царское правительство, в силу множества причин, отодвигало решение о введении земств в сибирских губерниях на последний план, но эту идею поддержали областники, тобольская губернская администрация, периодическая печать, общественные деятели и наиболее прогрессивная часть местных жителей – горожан и крестьян. Последние после царского рескрипта 1905 г. сумели объединиться под эгидой местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности и выработали реальные проекты, предложения по земскому вопросу в крае.

Многолетняя думская борьба за земство в сибирском крае закончилась, следующий этап, начало которому положили февральские события 1917 г. и последовавшие после них реформы Временного правительства в области местного само-

управления, отличался качественно новым подходом к решению застарелой проблемы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАТО ТФ - Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

РГИА – Российский государственный исторический архив

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи

ЛИТЕРАТУРА

Бородавкин А.П. 1950. Публицист С.С. Шашков и его историческое воззрение: Дис. ... канд. ист. наук. Томск: [б. и.].

Веселовский Б.Б. 1909–1911. История земства за сорок лет: В 4 т. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой.

Vitte С.Ю. 1991. Избранные воспоминания 1849–1911. М.: Мысль. 708 с.

ГАТО ТФ. Ф. 142.

ГАТО ТФ. Ф. 147.

ГАТО ТФ. Ф. 150.

ГАТО ТФ. Ф. 479.

Законодательные акты переходного времени. 1907. СПб.: Право. 733 с.

Милютин Д.А. 1950. Дневник Д.А. Милютина. 1947–1950 / Ред., биогр. очерк [«Д.А. Милютин», с. 5–72] и примеч. П.А. Зайончковского; Текст подгот. к печати А.В. Аскарянц; Указатель имен сост. В.Г. Лапшиной; Гос. ордена Ленина б-ка СССР им. В.И. Ленина. Отд. рукописей. М.: тип. журн. «Пограничник». Т. 3: 1878–1880 / Текст подгот. к печати Н.К. Швабе; Указатель имен сост. К.А. Майковой. М., 326 с.

Полное собрание законов Российской Империи: Собрание третье (с 1 марта 1881 года по 1913 год): В 33 т. СПб.; Пг.: Гос. тип., 1885–1916. Т. 10: 1890–1893.

Попов И.И. 1989. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во. 384 с.

РГИА. Ф. 1276.

Сборник о земстве в Сибири: Материалы по разработке вопроса на местах и в законодательных учреждениях. 1912. СПб.: Русская Скоропечатня. 160 с.

Сибирская жизнь: газета политическая, литературная и экономическая. 1897–1903. Томск: П.И. Макушин.

Сибирский вестник: газета. 1885–1905. Томск.

Сибирский листок: газета. 1894–1901. Тобольск.

Сибирь: еженедельная газета. 1878. Иркутск.

Троицкий Н.А. 1999. Россия в XIX веке. Курс лекций. М.: Высшая школа. 432 с.

Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Тобольская губерния): В 58 т. 1903–1904. СПб.: Типография «Народная польза». Т. 53.

Угрюмова М.В. 2014. Документальное наследие российских земств: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та. 207 с.

Ядринцев Н.М. 1918. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Красноярск: Издание редакции журнала «Сибирские Записки». Вып. 1.

REFERENCES

Borodavkin A.P. 1950. Publitsist S.S. Shashkov i ego istoricheskoe vozzrenie: candidate's thesis. Tomsk. (In Russian).

Veselovskii B.B. 1909–1911. Istoriya zemstvo za sorok let. St. Petersburg. (In Russian).

Vitte S.Yu. 1991. Izbrannye vospominaniya 1849–1911. Moscow. (In Russian).

GATO TF [State Archiv in Tobolsk]. F. 142. (In Russian).

GATO TF [State Archiv in Tobolsk]. F. 147. (In Russian).

GATO TF [State Archiv in Tobolsk]. F. 150. (In Russian).

GATO TF [State Archiv in Tobolsk]. F. 479. (In Russian).

Zakonodatel'nye акты perekhodnogo vremeni. 1907. St. Petersburg. (In Russian).

Milyutin D.A. 1950. Dnevnik D.A. Milyutina. Vol. 3. Moscow, 1947–1950. (In Russian).

Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi Imperii: Sobranie tret'e (s 1 marta 1881 goda po 1913 god). 1890–1893. Vol. 10. St. Petersburg. (In Russian).

Popov I.I. 1989. Zabytye irkutskie stranitsy: Zapiski redaktora. Irkutsk. (In Russian).

RGIA [Russian State Historical Archive]. F. 1276. (In Russian).

Sbornik o zemstve v Sibiri: Materialy po razrabotke voprosa na mestakh i v zakonodatel'nykh uchrezhdeniyakh. 1912. St. Petersburg. (In Russian).

Sibirskaya zhizn': gazeta politicheskaya, literaturnaya i ekonomicheskaya. 1897–1903. (In Russian).

Sibirskii vestnik: gazeta. 1885–1905. (In Russian).

Sibirskii listok: gazeta. 1894–1901. (In Russian).

Sibir': ezhenedel'naya gazeta. 1878. (In Russian).

Troitskii N.A. 1999. Rossiya v XIX veke. Moscow. (In Russian).

Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaistvennoi promyshlennosti (Tobol'skaya guberniya). 1903–1904. Vol. 53. St. Petersburg. (In Russian).

Ugryumova M.V. 2014. Dokumental'noe nasledie rossiiskikh zemstv. Nizhneartovsk. (In Russian).

Yadrintsev N.M. 1918. Pis'ma Nikolaya Mikhailovicha Yadrintseva k G.N. Potaninu. Issue 1. Krasnoyarsk. (In Russian).

M. V. Ugryumova
Nizhneartovsk, Russia

ZEMSTVO REFORM IN RUSSIAN EMPIRE AND ZEMSTVO MOVEMENT IN TOBOLSK GOVERNORATE

Abstract. The article addresses the Zemstvo Reform of 1864 and the Zemstvo Counterreform of 1890 in Russian Empire, in particular, the features and conditions of zemstvo introduction and implementation, including population density and educational requirements, remoteness of territories from central cities and their proximity to the state borders. It is shown that Siberia received *zemstvo* neither during the reform period, nor during the counter-reform period due to the lack of population that would want a compensation for the losses incurred by the abolition of serfdom. Particular attention was paid to the analysis of the movement for introduction of *zemstvo* in the Tobolsk governorate. The law-making activity of the State Duma deputies was closely considered since Siberian deputies stirred the *zemstvo* question. Proposals on introduction of zemstvos by prominent deputies of the Tobolsk governorate N.L. Skalozubov, N.A. Ushakov, I.Ya. Ufimtsev and Governor A.P. Lappa-Starzhenetsky are given for reference. Today, the historical experience in local self-government in the conditions of constantly evolving local authority setup is interesting to historians, office holders, public servants and analysts alike, which explains the relevance of the study.

Key words: zemstvo; zemstvo reform; zemstvo self-government; zemstvo question; *zemskaya uprava*; law draft; Siberia, Tobolsk governorate; governor, government.

About the author: Maria Viktorovna Ugryumova, Associate Professor, Department of Documentation and World History.

Place of employment: Nizhneartovsk State University.

Угрюмова М.В. Российская земская реформа и движение за введение земства в Тобольской губернии // Вестник Нижнеартовского государственного университета. 2019. № 3. С. 113–121.

Ugryumova M.V. Zemstvo reform in russian empire and zemstvo movement in Tobolsk governorate // Bulletin of Nizhneartovsk State University. 2019. No. 3. P. 113–121.

ПЕТР I В ЛИБЕРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов российских либеральных деятелей второй половины XIX – начала XX в. на Петра I и его преобразования. Ее предметом являются исторические и публицистические работы таких авторов как М. Погодин, С. Соловьев, К. Кавелин, Б. Чичерин, П. Виноградов, С. Франк. Используя текстологический анализ, автор ставит цель проанализировать те оценки, которые давали представители либеральной российской общественности преобразовательской деятельности Петра I. Как считает автор, с точки зрения российских либералов, Россия являлась частью Европы, прежде всего в географическом смысле, а общность судеб России и западноевропейских стран часто определялась географией. Европейская культура, считали мыслители, нашла свое место в России, которая до Петра I отличалась своей самобытностью и твердостью исконных начал. Автор приходит к выводу о том, что российские либералы признавали европеизацию в качестве органичного исторического явления, вызванного всем ходом развития страны и выражавшего ее потребности. В целом европеизации России при Петре I давалась позитивная оценка. Она рассматривалась как фактор интеграции Российского государства в европейские процессы и залог ее экономического и политического развития. Вместе с тем, преобразования России в европейском направлении, как считали интеллектуалы либерального толка, носили неоконченный характер. Либеральные мыслители выдвигали разные причины неоконченности преобразований по европейскому пути. С общей оценкой европеизации России была связана оценка личности и деятельности самого царя-преобразователя, в том числе в связи с его ролью в укреплении в России государства и самодержавного строя.

Ключевые слова: Петр I; XIX век; российский либерализм; российская история; европеизация России; реформы; Константин Кавелин; Сергей Соловьев; Борис Чичерин.

Сведения об авторе: Татьяна Юрьевна Айдунова, старший преподаватель кафедры истории России.

Место работы: Институт истории и международных отношений Южного федерального университета.

Контактная информация: 344010, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Перенко, д. 18; тел.: 89281475628, e-mail: tat-apr@mail.ru.

Историческая значимость Петра Великого ясно осознавалась разными направлениями общественно-исторической мысли России середины – второй половины XIX в. и начала прошлого века, в том числе либеральными. Это было не случайно. В нем видели великую историческую личность, которая с исключительной четкостью осознала, что Россия должна занимать свое место среди европейских стран, и сделала многое для того, чтобы сдвинуть русское общество и его культуру в данном направлении. В этом отношении, с одной стороны, прослеживается определенная культурно-историческая традиция русской общественной мысли. В самом деле, роль Петра I как государя, способствовавшего усвоению Россией достижений западных стран, признавалась еще с XVIII в. Но в либеральном течении русской общественной мысли это признание приобрело новое качество. За Петром I признавалась заслуга не просто

в усвоении передового опыта и передовой культуры стран Западной Европы, не просто в подражании передовым западноевропейским странам. Его заслугу видели в выводе России в круг европейских народов и государств. Место России в Европе мыслители либерального направления считали не случайным, поскольку оно соответствовало представлению о европейском народе как о народе, способном к саморазвитию, и такую способность признавал С.М. Соловьев не только за странами западной культуры, но и за Россией, вводя Россию как новый элемент всемирной истории (Ерыгин А.Н. 1993: 36). Конечно же, такое направление мысли было не вполне новым для русского общества. Зачатки его наблюдались еще в конце XVII в., когда Российское государство в союзе со странами Европы вступило в антиосманскую коалицию, или, по словам В.О. Ключевского, «формально вступило в концерт европейских держав» (Ключевский

1957: 353). Как часть европейского мира рассматривал Россию историк конца XVII в. А.И. Лызлов. Участник Крымских, а затем Азовских походов, он в своей «Скифской истории» ставил Россию в один ряд с европейскими христианскими странами в борьбе против турецкой агрессии (Чистякова, Богданов 1988: 126–127). В дальнейшем, на протяжении XVIII в., взгляд на Россию как на часть европейского мира продолжал утверждаться. Так, в своем наказе Уложенной комиссии 1767 г. Екатерина II прямо заявляла: «Россия есть Европейская Держава» (Наказ комиссии ... 2010: 115). Эта мысль была твердо усвоена императором Александром I. Проект Священного союза, в формировании которого он принял самое активное участие после завершения войн против наполеоновской Франции и в ходе работы Венского конгресса, означал выражение идеи европейского единства, в котором Россия занимала самое видное место.

Однако, после смерти Александра I и восстания декабристов получила преобладание идея противоположного характера. Европейские революции, прежде всего Великая Французская буржуазная революция, потрясения наполеоновских войн, а также восстание декабристов выдвинули на первый план идею, согласно которой между Россией и странами Западной Европы существуют самые резкие различия в их истории и современном состоянии, которые не позволяют отнести Россию к странам европейского мира и, следовательно, создают исторические гарантии невозможности революции в стране. При этом подчеркивалось, что у России особый исторический путь. С точки зрения М.П. Погодина, Россия и страны Западной Европы представляли собой «две большие, качественно иные мировые цивилизации – западноевропейскую, наследницу Римской, и восточноевропейскую, наследницу Восточной Римской империи» (Шириянц, Рясенцев 2010: 8). Замечание совершенно справедливое. Впрочем, однако, даже М.П. Погодин не

решался полностью оторвать Россию от стран Западной Европы. По его словам, высказанным в статье «Петр Великий», «Россия есть часть Европы, составляет с нею одно географическое целое, и, следовательно, по физической необходимости должна разделить судьбу ее и участвовать в ее движении». И при этом добавлял: «как планета повинуетя законам своей солнечной системы» (Погодин 2010: 234), поскольку параллели между историческими и физическими явлениями он считал очень убедительным аргументом. Но эта мысль все-таки находилась на периферии его мировоззрения, в котором положение об исторической обособленности России от западных стран было краеугольным. По существу, он и не отрицал это положение, поскольку говорил о России как о части Европы прежде всего в географическом смысле, а общность судеб России и западноевропейских стран определялась, по мысли его, географией.

Но если М.П. Погодин не допускал мысли о полном отрыве России от стран Запада, то либеральной общественной мысли идея общности исторического пути России и стран Западной Европы была близка. Западничество ее направление допускало, что изначально, на стадии своего исторического становления, Русь была глубоко самобытной страной. Однако уже в новое время сохранение самобытности, отрыв от европейской культуры означал не что иное, как консервацию отсталости. Поэтому переход на европейский путь развития, европеизация государственных структур, общественного быта и культуры, с превращением ее в часть европейской международной политической системы, с включением русской культуры в культуру европейского мира представляли, на взгляд западников, глубинную потребность страны. Так, Н.П. Павлов-Сильванский замечал, что сама мысль о Петре Великом как о творце новой России, «о петровской реформе как залоге дальнейшей европеизации России», по существу «разрывала органическое раз-

витие России на две половины» (Павлов-Сильванский 1988: 8). Тем не менее, идея органического развития русской истории в полной мере разделялась в западной исторической мысли. Но она вполне уживалась с представлением о переходе на европейский путь развития при Петре I. В частности, органичный характер русской истории признавали в полной мере К.Д. Кавелин и С.М. Соловьев. Возможно, поэтому замечание Н.П. Павлова-Сильванского о неизбежном отходе при противопоставлении допетровской и новой России от идеи органичного развития истории страны не было подхвачено и не получило сколько-нибудь заметного продолжения. Напротив, подчеркивалось, что С.М. Соловьев столь глубоко понимал органичный характер исторического развития страны, что проводил мысль о преемственности между историей страны времени Петра I и состоянием ее в период реформ при Александре II. В этой связи В.Е. Иллерицкий совершенно справедливо указывал, что, на взгляд С.М. Соловьева, «реформы Петра I ввели Россию в семью европейских народов, современные должны были завершить “европеизацию” России посредством создания “правового” государства, исключая социальные конфликты» (Иллерицкий 1980: 130). Замечание В.Е. Иллерицкого показывает, что положения и выводы С.М. Соловьева о петровской европеизации России были достоянием не только историографии, но и общественной мысли в целом, в которой запрос на европеизацию разных сторон внутренней жизни был в период реформ очень существенным.

Не случайно С.М. Соловьев не только поставил Петра Великого на самое видное место в отечественной истории, не только уделил огромное внимание ему и его деятельности в своей фундаментальной «Истории России с древнейших времен», но и посчитал необходимым сделать личность и деятельность Петра I темой публичных юбилейных чтений. Для слушателей эти лекции представляли интерес, а их важ-

нейшие положения находили в их сознании поддержку и понимание.

Положение С.М. Соловьева о русском народе как о народе историческом разделял мыслитель первой половины XX в. Н.П. Карсавин. Вместе с тем в само понимание этого положения он внес принципиальное изменение и рассматривал его по существу с противоположных позиций, чем это делал С.М. Соловьев. Внимание Н.П. Карсавина к вопросу о значении петровской европеизации, о самом понятии исторического народа было не случайным. Революция и эмиграция способствовали оживлению традиционного для русской общественной мысли вопроса о европеизации России и ее последствиях, о роли русского народа как народа исторического. Как отмечал Л.П. Карсавин в своем труде «Восток, Запад и русская идея», изданном впервые в 1922 г. за рубежом, в настоящее время «Россия переживает второй период острой европеизации (считая первым эпоху Петра)». Однако если для большинства мыслителей либерального, и не только либерального, направления европеизация России была явлением в целом позитивным, то Л.П. Карсавин отнесся к позитивной оценке европеизации критически и вступил в скрытую полемику с С.М. Соловьевым. Так, место русского народа среди исторических романо-германских народов определялось, с точки зрения С.М. Соловьева, тем, что он в результате петровской европеизации оказался способен к развитию, а само развитие понималось как европейский прогресс. Для того времени, когда работал С.М. Соловьев, такое отношение было не случайно. Идея исторического прогресса, четко обоснованная в период Великой Французской буржуазной революции Ж.А. Кондорсе, сохраняла свое влияние и принималась в социальной науке, переживавшей период своего становления. Петровская европеизация рассматривалась С.М. Соловьевым как форма осуществления этой идеи в России. Однако иное отношение к идее прогресса сложилось в конце

XIX в., а особенно в начале XX в., когда человечество пережило потрясение мировой войной, а затем революцией в России. Л.П. Карсавин считал возможным говорить о «русской идее» как о чем-то реальном, но до сих пор еще четко не установленном и не сформулированном. Но, во всяком случае, для него было очевидно, что «не в “европейских” тенденциях русской мысли, общественности и государственности надо искать эту идею» (Карсавин 2010: 48). Таким образом, в отличие от С.М. Соловьева, Л.П. Карсавин не связывал с европеизацией положение об историческом народе. Он указывал, что активное ее внедрение в русскую жизнь Петром I несколько не соответствовало понятию об историческом народе, поскольку это не выходило за рамки усвоения идей, сформировавшихся в других культурах, среди народов романо-германской Западной Европы.

Другой видный представитель западного направления русской общественной мысли и современник С.М. Соловьева К.Д. Кавелин обращал внимание не только на направление реформ Петра I в сторону европеизации. Он подчеркивал, что идея европеизации сформировалась в России до Петра I. «О преобразованиях на заграничный лад думали и до Петра; кое-что уже было сделано в этом направлении» (Кавелин 2010: 256), – верно отмечал он. Проводя европеизацию, Петр I несколько «не нарушил традиции, а, напротив, следовал преданию московских государей с Ивана III, а особенно с Ивана Грозного» (Кавелин 2010: 259), – писал он. «Сама сила вещей вынуждала нас облечься в европейские формы», – обосновывал он это положение, и далее указывал, как развивалась сама потребность в реформах, направленных на европеизацию России. Он указывал, что «потребность приобрести Остзейский край вовлекла нас в войну со Швецией, а это настоятельно потребовало преобразования войска по европейскому образцу и создания флота» (Кавелин 2010: 257). За этим последовали неизбежные «перемены во

внутреннем быте» (Кавелин 2010: 258). К.Д. Кавелин прямо не говорил об осознании Петром I такой взаимосвязи. Но он давал, тем не менее, понять, что царь эту взаимосвязь ощущал вполне и европеизацию страны проводил очень последовательно и настойчиво, в отличие от своих предшественников. Поэтому он подчеркивал, что «никогда еще до него преобразование не было возводимо в принцип», и что «никто до него не проникался так всецело идеалом европейского государства и быта». И поэтому «Петр внес этот идеал в русскую жизнь», причем «вступил во имя его в борьбу с тогдашней действительностью» (Кавелин 2010: 256). К.Д. Кавелин, безусловно, стремился защитить Петра I от нападок со стороны своих оппонентов славянофилов. И он нашел сильный аргумент в пользу признания петровской европеизации органичным явлением русской жизни. Доказательством этому служит, по его словам, то, что «все образованное меньшинство русского общества бросилось в «прорубленное Петром Великим окно в Европу» и «протеснялось туда наперерыв, неудержимо, с удивительной энергией, до нашего времени» (Кавелин 2010: 261). Тем самым он подчеркивал, что европеизация соответствовала не только потребностям государства, но и интересам русского общества.

Уже в другой исторический период пореформенной России, в начале 80-х гг., когда в стране начались контрреформы, о значении петровской европеизации писал выдающийся историк-юрист Б.Н. Чичерин в своем труде «Собственность и государство». Наблюдая происходившие в стране процессы, такие как усиление революционного терроризма, явную неспособность власти справиться с ним и возрастающее отчуждение власти от общества, четко осознавая невозможность с помощью усиления мер охраны предотвратить надвигающиеся потрясения, Б.Н. Чичерин выражал большую обеспокоенность. «Глубокий разлад, разъедающий современные общества, отражается у нас в потрясающих явлениях и

порождает страшные события» (Чичерин 2010: 889), – писал он в заключительной части своего труда. Он пытался предложить какой-то выход из положения и приводил как пример опыт европеизации страны при Петре I, тем более, что, как справедливо отметил А.И. Нарезный, он рассматривал историческое развитие России «в контексте европейской цивилизации» (Нарежный 2010: 10). Историк отвергал при этом всякую обоснованность действий, «возлагая все свои надежды на темные инстинкты масс», тем самым отрицая революционный путь, вероятность которого в то время обозначалась в стране все более отчетливо. Выход он предлагал иной: «не отречься от всемирной истории как от чего-то нам чуждого, не отвращаться от ясной области разума». Именно таким был исторический путь, проделанный почти за двести лет до выхода «Собственности и государства», «новой России, введенной гением Петра в семью европейских народов». Б.Н. Чичерин при этом подчеркивал наличие исторической связи между реформами Петра I, направленными на европеизацию страны, и буржуазными реформами при Александре II, указывая, что эти буржуазные реформы составляли продолжение идеи, заложенной в петровской европеизации. Исследователь видел в этом направление пореформенных преобразований, «великих и дорогих всякому русскому преобразований минувшего царствования, которые окончательно поставили нас на европейскую почву, перестроив весь наш общественный быт на началах свободы» (Чичерин 2010: 890). Указание Б.Н. Чичерина на продолжение при Александре II петровской европеизации было не случайным. Он по существу стремился опереться на Петра Великого, как бы предлагая иной путь развития страны по сравнению с тем, который был заключен в манифесте о незыблемости самодержавия, написанном К.П. Победоносцевым, или в революционном пути, угрозу которого русское общество все сильнее ощущало. Конечно же, Б.Н. Чичерин пони-

мал, что в такой логической связи была натяжка с исторической точки зрения. И если перестройку страны «на началах свободы» еще можно было как-то связывать с буржуазными реформами, то петровская европеизация несколько не соответствовала началам свободы. Но в данном случае такое логическое построение было полемическим приемом, который использовал Б.Н. Чичерин против реакционеров.

Мысль С.М. Соловьева и Б.Н. Чичерина о европеизации России как о внутреннем содержании и методе проведения петровских реформ воспринял другой выдающийся историк, В.О. Ключевский. Как он указывал, эти реформы, начинавшиеся еще до царя-реформатора, «были предприняты частью под влиянием Западной Европы и исполнены при содействии людей той же Европы. До той поры русское общество жило влиянием туземного происхождения, условиями своей собственной жизни и указаниями природы своей страны» (Ключевский 2010: 417). Замечание очень точное. По склонности В.О. Ключевского к кратким, четким и образным выражениям своей мысли он выразил то, что привлекало Петра I и русское общество к странам Запада и к их культуре. «На Западе знают больше нашего и даже для нас могут много сделать лучше, чем мы сами. Таким образом, Запад для нас и школа, и магазин полезных изделий, и своего рода курс исторических уроков», – писал он. Но вместе с тем В.О. Ключевский обосновывал пределы и границы европеизации, проводившейся Петром I. Он заявлял, что Петр I «по-видимому, думал, что Россию связывает с этой Европой временная потребность в военно-морской и промышленной технике, которая там процветала в его время, и что по удовлетворении этой потребности эта связь разрывалась». Историк даже утверждал, что царь будто бы так говорил по этому поводу: «Европа нужна нам еще на несколько десятков лет, а там мы можем повернуться к ней спиной». Тем самым Петр I будто бы сам четко ограничил цели

и пределы европеизации. Но, отмечал В.О. Ключевский, ограничить европеизацию русского общества этими пределами было невозможно. По его словам, «ослабевая в государственной и экономической жизни, западная культура проникала в жизнь общественную, в нравы, понятия и привычки общежития, прививая к нему западные удобства и украшения, пристаивая к нему, как пыль к колесу» (Ключевский 2010: 420). Отсюда вытекало неизбежное следствие. После Петра I «русское общество и не думало повертываться спиной к Западной Европе» (Ключевский 2010: 421). Это верно, европеизация страны, резко ускоренная Петром I, продолжала развиваться после него. Но вместе с тем мысль В.О. Ключевского о стремлении царя ограничить европеизацию только сферой, относящейся к науке и технике, к военному и морскому делу, к непосредственным нуждам государства противоречит некоторым сторонам реальной деятельности по европеизации дворянства вообще. Тем более, что сам В.О. Ключевский несколько противоречил в этом отношении сам себе. Он правильно указывал, что «когда иноземная культура навязывается обществу, не чувствующему в ней потребности, необходим механический проводник, который бы искусственными средствами прививал и вводил ее в это общество» (Ключевский 2010: 424). В роли такого проводника он видел дворянство. Но в результате того, что на него была возложена подобная роль, оно, по словам историка, «успело уже связаться с Западом разнообразными нитями, которые трудно было порвать» (Ключевский 2010: 428). Да и не заметно, чтобы царь как-то пытался порвать эти связи. В отличие от С.М. Соловьева, читавшего публичные лекции о Петре Великом в условиях реформ Александра II, В.О. Ключевский также читал курс публичных лекций о европеизации после Петра I в московском Политехническом музее уже в период контрреформ. Сама тема давала ему повод для раздраженного высказывания об осо-

бенностях идеологии этого времени. Он отмечал, что «прилив патриотизма и тоска по самобытности так могущественно захватывает наше общество, что мы, обыкновенно довольно неразборчивые поклонники Европы, начинаем чувствовать какое-то озлобление против всего европейского» (Ключевский 2010: 421). По существу, этот курс был призван напомнить о прочности петровской европеизации России, которая успешно продолжалась уже без самого царя.

Более точно, чем В.О. Ключевский, о пределах петровской европеизации России говорил уже в период первой мировой войны П.Г. Виноградов. В своей статье «Россия и Европа» он исключительно позитивно оценивал «широкий путь, на который решительно вступил Петр Великий – путь приобщения к великой европейской культуре» (Виноградов 2010b: 411). Так, через категорию культуры, он понимал европеизацию России. Но такое понимание позволяло включать в европеизацию самые разные сферы жизни, относящиеся к военному делу и к технике, к экономике и к государственному строительству, к духовной культуре и разным сторонам быта. П.Г. Виноградов соглашался с В.О. Ключевским, что «Петр и его последователи интересовались прежде всего приобретением технических навыков» в странах Европы. Но он более четко заявлял о социальной составляющей петровской европеизации. Так, В.О. Ключевский говорил лишь о дворянстве как о проводнике реформ и европеизации. П.Г. Виноградов же отметил последствия этой европеизации для «зависимой народной массы на Руси». «Кроме хозяйственного и юридического крепостничества получилось разделение по культурным началам», – указывал он, имея в виду разделение этой народной массы и дворянства. Но П.Г. Виноградов вместе с тем указывал и на то, что и для самого дворянства европеизация была ограниченной. Благодаря этому выходило так, что «своеобразным смягчением противоположности (культурной про-

тивоположности между народом и дворянством. – Т.А.) являлось полудикое состояние самих правящих классов, для которых наносная культура в значительной степени осталась лишь внешней формой» (Виноградов 2010b: 414). Следовательно, сам культурный уровень старой России ставил пределы европеизации. И если исследовательница допетровской европеизации Т.В. Черникова говорила о поверхностном ее характере (Черникова 2012: 845), то П.Г. Виноградов также указывал по существу своим читателем на столь же поверхностное усвоение европейских начал значительной частью русского дворянства при Петре I и после его правления. Еще более точно он указал на такую поверхностность в своей более поздней статье «Положение дел в России», написанной уже после революции. «Начавшись с поверхностного влияния в восемнадцатом столетии, соединение русской культуры с культурой Центральной и Западной Европы достигло быстро возрастающей стремительности в девятнадцатом» (Виноградов 2010a: 513), – отмечал он. Тем самым европеизацию России петровского времени он также считал поверхностной и ограниченной. Однако на европеизацию России в либеральной общественной мысли указывалось не только как на ограниченную, но и как на далеко не завершенную. В своем «Общем ходе всемирной истории» Н.И. Кареев, выделяя европеизацию России как значимое явление не только отечественной, но и мировой истории, указывал на ее последствия. Он писал, что «со времени петровской реформы, подготовленной, впрочем, всем предыдущим историческим развитием, Россия малопомалу заняла свое место в Европе». Это, по его словам, означало, что «высшая культура», под которой он имел в виду западную культуру, нашла свое место и в России, которая до Петра I отличалась своей самобытностью и твердостью исконных начал. Однако само вхождение в европейский мир ни при царе-преобразователе, ни после него завершено, как подчеркивал

Н.И. Кареев, не было. Отсюда не случайно «наша историческая отсталость и до сих пор дает о себе знать» (Кареев 2010: 342). Это было написано им в конце XIX в., однако и в более позднее время отсталость так и не была преодолена.

С.Л. Франк проделал путь от участника революционных народнических и марксистских революционных группировок к легальному марксизму и деятельности в либеральном «Союзе Освобождения», а затем к религиозной философии. В статье «Из размышлений о русской революции», вышедшей в свет в эмиграции в 1923 г., он сравнивал процессы «раскрепощения личности и секуляризации культуры» в странах Запада и в России. Исследователь отметил, что на Западе «этот процесс начинается с могущественного и совершенно спонтанного духовного и религиозного движения – с Ренессанса и Реформации». Но в России не было «ни Ренессанса, ни Реформации». Начиналось все в России «сразу как бы с периферии – с секуляризации государственности и связанных с нею внешних, граждански-юридических форм культуры». На этом основании он связывал с Петром I не просто европеизацию России. В своей оценке он шел дальше и заявлял, что «Петр Великий ... был действительно первым русским революционером, и не случайно большевики при последнем ограблении церковью ссылались на его пример» (Франк 2010: 282). Сравнение весьма показательное. Несомненно, что для С.Д. Франка, пережившего революцию и эмиграцию, как и для эмигрантской среды вообще, сравнение Петра I с революционером несло явно негативный смысл. Вместе с тем С.Л. Франк справедливо указал на достаточно широкую распространенность в то время представления о Петре Великом как о революционере на троне.

Таким образом, представители либеральной общественной мысли России признавали европеизацию в качестве органичного исторического явления, вызванного всем ходом развития страны и выражавше-

го ее потребности. В целом европеизации России при Петре I давалась позитивная оценка. Но вместе с тем либеральные мыслители указывали на незавершенность преобразований России по европейскому пути.

С общей оценкой европеизации России была связана оценка личности и деятельности самого царя-преобразователя, в том числе в связи с его ролью в укреплении в России государства и самодержавного строя.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов П.Г.* 2010а. Положение дел в России // Избранные труды. М.: РОССПЭН.
Виноградов П.Г. 2010b. Россия и Европа // Избранные труды. М.: РОССПЭН.
Иллерицкий В.Е. 1980. Сергей Михайлович Соловьев. М.: Наука.
Кавелин К.Д. 2010. Мысли и заметки о русской истории // Избранное. М.: РОССПЭН.
Кареев Н.И. 2010. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох // Избранные труды. М.: РОССПЭН.
Карсавин Л.П. 2010. Восток, Запад и русская идея // Избранное. М.: РОССПЭН.
Ключевский В.О. 1957. Курс русской истории // Соч. в 8 т. Ч. 3. М.: Госполитиздат.
Ключевский В.О. 2010. Западное влияние в России после Петра // Избранное. М.: РОССПЭН.
 Наказ комиссии о сочинении проекта нового Уложения. 30 июля 1767 г. 2010 // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 115–189.
Нарежный А.И. 2010. Борис Николаевич Чичерин // Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М.: РОССПЭН.
Павлов-Сильванский Н.П. 1988. Феодализм в Древней Руси // Феодализм в России. М.: Наука, 3–149.
Погодин М.П. 2010. Петр Великий // Избранные труды. М.: РОССПЭН.
Франк С.Л. 2010. Из размышлений о русской революции // Избранные труды. М.: РОССПЭН.
Черникова Т.В. 2012. Европеизация России во второй половине XV–XVII веках. М.: МГИМО-Университет.
Чистякова Е.В., Богданов А.П. 1988. «Да будет потомкам явлено...». Очерки о русских историках второй половины XVII века. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов.
Чичерин Б.Н. 2010. Собственность и государство. М.: РОССПЭН.
Шириянц А.А., Рясенцев К.В. 2010. Михаил Петрович Погодин // Избранные труды. М.: РОССПЭН.

REFERENCES

- Vinogradov P.G.* 2010a. Polozhenie del v Rossii. Moscow. (In Russian).
Vinogradov P.G. 2010b. Rossiya i Evropa. Moscow. (In Russian).
Illeritskii V.E. 1980. Sergei Mikhailovich Solov'ev. Moscow. (In Russian).
Kavelin K.D. 2010. Mysli i zametki o russkoi istorii. Moscow. (In Russian).
Kareev N.I. 2010. Obshchii khod vseмирnoy istorii. Ocherki glavneishikh istoricheskikh epoch. Moscow. (In Russian).
Karsavin L.P. 2010. Vostok, Zapad i russkaya ideya. Moscow. (In Russian).
Klyuchevsky V.O. 1957. Kurs russkoi istorii. Part. 3. Moscow. (In Russian).
Klyuchevsky V.O. 2010. Zapadnoe vliyanie v Rossii posle Petra. Moscow. (In Russian).
 Nakaz komissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniya. 30 iyulya 1767 g. Ekaterina II. Moscow, 2010, 115–189. (In Russian).
Narezhnij A.I. 2010. Boris Nikolaevich Chicherin. In Chicherin B.N. Sobstvennost' i gosudarstvo. Moscow. (In Russian).
Pavlov-Sil'vansky N.P. 1988. Feodalizm v Drevnei Rusi. Feodalizm v Rossii. Moscow, 3–149. (In Russian).
Pogodin M.P. 2010. Petr Velikii. Moscow. (In Russian).
Frank S.L. 2010. Iz razmyshlenii o russkoi revolyutsii. Moscow. (In Russian).
Chernikova T.V. 2012. Evropeizatsiya Rossii vo vtoroi polovine XV–XVII vekakh. Moscow. (In Russian).
Chistyakova E.V., Bogdanov A.P. 1988. “Da budet potomkam yavleno...”. In Ocherki o russkikh istorikakh vtoroi poloviny XVII veka. Moscow. (In Russian).
Chicherin B.N. 2010. Sobstvennost' i gosudarstvo. Moscow. (In Russian).
Syrians A.A., Ryasentsev K.V. 2010. Mikhail Petrovich Pogodin. Moscow. (In Russian).

T. Yu. Edunova
Rostov-on-Don, Russia

PETER THE FIRST IN RUSSIAN LIBERAL DISCOURSE OF THE SECOND HALF OF XIXth AND THE BEGINNING OF XXth CENTURIES

Abstract. The article is devoted to the analysis of the views of Russian liberal leaders of the second half of the XIX – early XX centuries on Peter I and his transformation. The subject of the article is the historical and publicistic works of such authors as M. Pogodin, S. Soloviev, K. Kavelin, B. Chicherin, P. Vinogradov, S. Frank. Using textological analysis, the author aims to analyze the assessments made by representatives of the liberal Russian public of Peter I's transformational activities. According to the author, representatives of the Russian liberal discourse spoke about Russia as a part of Europe primarily in the geographical sense, and the common destiny of Russia and Western European countries is often determined by geography. Thinkers believed that European culture found its place in Russia, which before Peter I distinguished by its originality and firmness of the original principles. The author concludes that Russian liberals recognized Europeanization as an organic historical phenomenon caused by the whole progress of development of the country and expressing its needs. In general, the Europeanization of Russia under Peter I was given a positive assessment. Europeanization was considered as a factor in the integration of the Russian state into the European processes and a guarantee of its economic and political development. At the same time, the transformation of Russia in the European direction, as liberal intellectuals believed, was unfinished. Pointing to the incompleteness of the transformation, liberal thinkers put forward various reasons for the incompleteness of the transformation along the European path. The general assessment of the Europeanization of Russia was associated with the assessment of the personality and the activities of the King-converter himself, including in connection with his role in strengthening the state and the autocratic system in Russia.

Key words: Peter the First; 19th century; Russian liberalism; Russian history; Europeanization of Russia; reforms; Konstantin Kavelin, Sergey Soloviev, Boris Chicherin.

About the author: Tatiana Yurievna Edunova, senior lecturer in the history of Russia.

Place of employment: Institute of history and international relations of the Southern Federal University.

Айдунова Т.Ю. Петр I в либеральном дискурсе России второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Нижегородского государственного университета. 2019. № 3. С. 122–130.

Edunova T.Yu. Peter I in Russian liberal discourse of the second half of XIXth and the beginning of XXth centuries // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2019. No. 3. P. 122–130.

УДК 93/94

Э. С. Красовитова
Сургут, Россия

ПРОЦЕССЫ УРБАНИЗАЦИИ В ЭПОХУ АКТИВНОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА СУРГУТА)

Аннотация. Статья посвящена проблемам строительства в городе Сургуте в эпоху промышленного освоения Севера в середине 1960–80-х гг. Рассмотрены ключевые ошибки, допущенные застройщиками при строительстве. В 1960–70-е гг. главным событием в Сибири стало формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, которое наиболее существенно за всю историю XX столетия изменило значимость региона, как в хозяйственном комплексе страны, так и в мировой экономике. Многоведомственность в проектировании города, отсутствие должного надзора за градостроительством, отсутствие базы стройиндустрии, безответственность министерств и ведомств, местных организаций, градостроительных организаций, отсутствие утверждённого генерального плана города и его единого заказчика, а также отсутствие типовых проектов, учитывающих вопросы градостроения на севере – всё это привело к нерациональным затратам, низкому уровню элементарных основ градостроительства. Анализ произведён на основе документов, протоколов, справок Совета Министров, народного контроля и т. д.

Ключевые слова: Север Западной Сибири; городская история; история Сургута.

Сведения об авторе: Эльвира Сергеевна Красовитова, аспирантка Сургутского государственного педагогического университета, учитель истории и обществознания.

Место работы: МБОУ «Средняя школа № 9» г. Сургута.

Контактная информация: 628417, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2; тел. 89322561117, e-mail: KrasovitovaElvira@yandex.ru.

Индустриальное освоение Севера Западной Сибири началось во второй половине XX в. Уникальный характер послевоенного освоения в северном сибирском исполнении заключался в том, что индустриальное развитие края в значительной мере носило, как говорят экономисты, характер пионерного освоения: в процессе строительства объектов здесь создавались транспортная сеть, производственная и социально-бытовая инфраструктура, возводились города (Гололобов 2018: 13).

Открытие в Западной Сибири более 70 месторождений нефти и газа, общие запасы которых превышали 100 млрд тонн, способствовало созданию новых отраслей промышленности в Томской и Тюменской областях. В течение короткого времени Север Западной Сибири превратился в один из основных нефтегазодобывающих районов страны. Активная добыча нефти началась с середины 1960-х гг. (Шмыглёва 2017: 51).

В рассматриваемый период времени население в ХМАО увеличилось в 10,3 раза. Причем городское население в ХМАО в конце 1980-х гг. достигло 90,8% (ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 34). При этом оставались открытыми следующие вопросы: 1) насколько рационально возведение крупных городов при эксплуатации месторождений, 2) в каком исполнении должна вестись застройка – деревянном или капитальном (Стась 2016: 92).

Для обсуждения этих вопросов в 1966 г. была организована научно-техническая конференция по проблемам градостроительства в нефтегазоносных районах Тюменской области. На конференции приняли идею централизованного расселения населения в крупных городах, но не были решены вопросы планировки и основного направления развития города: либо созда-

вать отдельные посёлки, либо концентрированные населенные пункты, где можно было бы организовать хорошие условия для проживания (Стась 2016: 98).

Развитие города Сургута началось бурными темпами с 1964 г., с преобладанием деревянного строительства. Основным аргумент в пользу дерева – дешевизна материала. Дома сдавались без благоустройства: водопровода, канализации и т. д. При строительстве уничтожался лес, лучшие уголки природы оказались загубленными. Нефтяникам и геологам нужна была древесина для строительства дорог, жилья, возникла необходимость прорубки трасс под нефте- и газопроводы, под площадки бурения, линии электропередачи (ЛЭП). Лес заготавливался и использовался не рационально. Например, в 1973 г. нефтяниками, строителями и геологами было брошено на перегнивание более 400 тыс. кубометров древесины (История освоения лесных богатств Ханты-Мансийского автономного округа).

В 1960-е гг. в Сургуте появились посёлки геологов, строителей, нефтяников, которые отличались низким уровнем комфорта и благоустройства. В быстро растущем Сургуте остро не хватало объектов инфраструктуры для нормальной жизни: школ, детских садов, магазинов, столовых, клубов. Главтюменьгеология, Главтюменьнефтегаз исключали эти, как они их называли, «второстепенные» объекты, из списков строительства при утверждении. Строительство общегородских инженерных коммуникаций и дорог резко отставало от роста самого города. Миллионы тонн материалов и оборудования, которые поступали в речной порт, перевозились через весь город, превращая тем самым улицы в сплошное месиво (ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 1).

С 1966 г. происходят изменения в строительстве культурно-бытовых объектов. Они стали строиться в капитальном исполнении (ГБУ ГАТО. Ф. 1810. Оп. 3. Д. 176. Л. 139). Тем не менее, облик города у жителей и приезжих вызывал много нареканий. Например, в 1969 г. журналист А. Нежный, побывавший в Сургуте, в опубликованном в «Новом мире» очерке «Города, которые мы строили» писал: «Посёлки старались ставить там, где поудобнее. Но Сургуту вышло от этого великое неудобство: его растянули вдоль Оби на 15 километров, и стал он, как худосочный подросток, сердце которого не успевает перегонять кровь во все уголки слабого тела... Сургут вообще представляет собой город несколько несообразный» (Нежный 1969: 206).

Строительство небольших, неудобных микрорайонов не обеспечивало на должном уровне людей жильём. Материалов для строительства не хватало, оно не отвечало условиям Севера (ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 1.). Основными застройщиками в Сургуте были:

1. Главтюменьнефтегаз;
2. Сургутнефть;
3. Главтюменьнефтегазстрой;
4. Сургутгазстрой (в 1969 г. отмечалось особенно низкое качество работ СУ № 9);
5. Обьнефтеразведка;
6. Рыбоконсервный комбинат;
7. Сургутский горисполком (построил только четыре восьмиквартирных брусчатых жилых дома) (ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 3).

Комитет народного контроля часто проверял, как идёт застройка городов в нефтеносных районах Тюменской области, например, Сургута и Нефтеюганска. Чаще всего встречается информация о неудовлетворительной застройке: «выявлено в ходе проверки, что планировка, застройка и благоустройство этих городов находится на низком уровне: архитектурно-планировочном и строительно-техническом, в своей

подавляющей части противоречит основным, элементарным правилам советского градостроительства» (ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 2). Нарушались принципы, указанные в постановлении Совета Министров СССР от 21.08.1963 г. № 903 и в постановлении от 28.05.1969 г. № 392. Общие рекомендации научно-технической конференции по проблемам градостроительства в нефтегазоносных районах Тюменской области, проведённой в июне 1966 г. и в июне 1968 г. в Тюмени, не нашли своей реализации в Сургуте и Нефтеюганске, несмотря на то, что имелось постановление Совета Министров СССР № 89 от 3/II-66 г. «О мерах по дальнейшему развитию нефтедобывающей промышленности в Тюменской области на 1966–1970 гг.», в котором предусматривалось построить мощную базу строительной индустрии, в том числе и в Сургуте (ГБУ ГАТО. Ф. 1810. Оп. 3. Д. 176. Л. 138). По данным различных организаций, расположенных на территории Сургута, мы видим, что имелись некоторые проблемы с планом застройки города и самим строительством.

Разработка плана застройки Сургута длилась 4 года. При этом отсутствовала топографическая и инженерно-геологическая съёмка. Проектировался город по двум вариантам: 1) минимум на 120–130 тыс. населения. Город должен был расширяться на восток: от ручья Кедровка в сторону Старого Сургута и Чёрного мыса; 2) максимум на 250 тыс. населения. Город должен был расширяться на запад: от ручья Кедровка, в сторону Белого Яра. В 1968 г. решили строить на восток от ручья Кедровка с использованием территории Старого города до Чёрной речки. Данное решение было одобрено Тюменским обкомом и облисполкомом, но проекты планировки ещё рассматривались и утверждены не были (ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 10, 11). Руководство области не устраивало качество застройки города ввиду ведомственности и низкой градостроительной дисциплины. Сургутский горисполком не обеспечи-

вал необходимое руководство и контроль за строительством города и развитием городского хозяйства (Стась 2016: 113, 114).

Генеральный план г. Сургута был утверждён решением облисполкома от 27.12.1968 г. № 785 (ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 30). Таким образом, город около пяти лет строился без генерального плана, по сути, велась самовольная застройка. Из документов организаций, занимавшихся строительством, видно, что процесс во многом носил хаотичный характер. Планы по строительству то перевыполнялись, то не выполнялись. Например, в 1969 г. в Сургуте план по строительству был выполнен на 102%. Но ввод жилья в эксплуатацию не всегда давал нужный результат. В этом же году из-за отсутствия рабочих рук план по сдаче жилья был выполнен только на 56,5% (АО Администрации г. Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 321а. Л. 2). Новые города росли быстро, но строительство велось с серьёзными недостатками, имела место текучесть кадров (ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 90). В 1970 г. из-за длительного разлива реки Оби в Сургуте и Мегионе план не был выполнен ни по строительству, ни по сдаче жилья. По этой же причине не было завершено строительство специального причала (АО Администрации г. Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 321а. Л. 2).

С 1969 г. всё жилищное строительство было переведено на крупнопанельное (ГБУ ГАТО. Ф. 1810. Оп. 3. Д. 176. Л. 139). В Сургуте в 1969 г. население обеспечивали жильём: 1) Главтюменьнефтегазстрой – 2 818 м² (количество работающих – 3 686); 2) Главтюменьнефтегаз – 41 600 м² (количество работающих – 3 900); 3) Главтюменьгеология – 34 818 м² (количество работающих – 892); 4) прочие ведомства – 17 290 м²; 5) индивидуальное жилищное строительство – 19 950 м² (ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 33).

С 1970 г. людей начали переселять в более благоустроенные дома, старое и ветхое жильё сносили, но планы сноса жилья срывали, и вновь посёлки застраивались

временным неблагоустроенным жильём (Стась 2016: 118). По данным исполнительного комитета Тюменского областного совета народных депутатов, в жилищном хозяйстве имелись серьёзные недостатки: было много мелких нерентабельных жилищно-эксплуатационных контор и домоуправлений, приёмка жилья проходила не на должном уровне (ГБУ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6259. Л. 7).

Многие организации не справлялись с планом ремонта жилья: Главтюменьнефтегаз, Главтюменьгеология, Всесоюзное промышленное объединение «Тюменьгазпром», управление Главтюменьпромстрой. К 1979 г. остались неосвоенные средства, было не отремонтированное жильё, качество ремонта оставалось низким. Не уделялось достаточное внимание развитию и укреплению производственной базы жилищно-эксплуатационных и ремонтно-строительных организаций, повышению уровня механизации трудоёмких работ и сокращению в жилищном хозяйстве ручного труда (ГБУ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6259. Л. 7, 8).

По данным Сургутского завода ЖБК (железобетонный комплекс) ясно видно, что потребность в жильё была. В 1983 г. должны были ввести общежитие на 404 места, но ввод не был осуществлён. С 1985 по 1987 гг. ввели четыре 89-квартирных жилых дома, детский сад, магазин, столовую, общежитие (ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 8200. Л. 57, 78).

Общегородские инженерные коммуникации не строились, даже и не проектировались. Получалось так, что каждый застройщик строил коммуникации в своих обособленных посёлках. Разрозненные поселковые хозяйства принадлежали многочисленным ведомствам и никем не координировались (ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 5). Много средств нерационально тратилось на выторфовывание, выкорчёвывание леса, хотя имелись сухие территории, пригодные для строительства. Финансирование было недостаточным. Ещё один фактор не-

рационального расходования средств был связан с тем, что застройка северных городов велась по устаревшим типовым проектам серий I-464А, I-439А, I-447С, также строили деревянные дома. Строили как для жителей средней полосы. Главтюменьнефтегазстрой допускал ошибки во время строительства. Основными причинами допущенных ошибок были: отсутствие должного надзора за градостроительством; отсутствие базы стройиндустрии; отсутствие типовых проектов, учитывающих вопросы градостроительства на севере Тюменской области, а также своевременно утверждённых генеральных планов застройки города; отсутствие единого застройщика (ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 22, 23).

Особенности климатических условий, труднодоступность, огромные площади вечной мерзлоты стали оказывать влияние на выбор оптимальных конструкций и теплозащитных материалов лишь к 1974 году. Наиболее эффективны оказались материалы на основе вспученного перлита (на основе кислого водосодержащего вулканического стекла) (ГАРФ. Ф. 5587. Оп. 18. Д. 1586. Л. 29). Вспученный перлит применялся для утепления покрытий жилых и общественных зданий. Также был разработан теплоизоляционный материал на основе битумокерамзита (ГАРФ. Ф. 5587. Оп. 18. Д. 1586. Л. 30). В 1974 г. битумоперлитом было утеплено около 50 тыс. м² гражданских и технических объектов (ГАРФ. Ф. 5587. Оп. 18. Д. 1586. Л. 84). Постепенно проблема начала разрешаться.

Итак, урбанизация происходила интенсивно, но качество жизни населения бы-

ло низким. Урбанизация и градостроительная политика являлись одними из главных двигателей развития Сургута. Урбанизация была неразрывно связана с индустриализацией, многое зависело от территориального расположения города и крупных промышленных предприятий (Стась 2016: 215).

Город застраивался, не имея генплана, стихийно, в виде разрозненных автономных посёлков. Дома не соответствовали условиям севера, застройка велась некачественно, также нарушалась дисциплина (ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 93). Работы по утеплению наружных стен приводили к удорожанию стоимости строительства (ГБУ ГАТО. Ф. 1810. Оп. 3. Д. 176. Л. 106).

Многоведомственность в проектировании города, отсутствие должного надзора за градостроительством, отсутствие базы стройиндустрии, безответственность министерств и ведомств, местных организаций, градостроительных организаций, отсутствие утверждённого генерального плана города и его единого заказчика, а также отсутствие типовых проектов, учитывающих вопросы градостроения на севере – всё это привело к нерациональным затратам, низкому уровню культуры градостроительства (ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 7, 9; ГБУ ГАТО. Ф. 1810. Оп. 3. Д. 176. Л. 139).

В последнее время история градостроения в Сургуте вызывает все больший исследовательский интерес. Акцентируется внимание на проектно-изыскательской работе по возрождению Сургута как нового города (Прищепа 2018). Исследования в этом направлении необходимо продолжать.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО Администрации г. Сургута – Архивный отдел администрации города Сургута
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ЛИТЕРАТУРА

АО Администрации г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 323. Л. 50.
АО Администрации г. Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 321а. Л. 2.
ГАРФ. Ф. 5587. Оп. 18. Д. 1586. Л. 29.
ГАРФ. Ф. 5587. Оп. 18. Д. 1586. Л. 30.
ГАРФ. Ф. 5587. Оп. 18. Д. 1586. Л. 32.
ГАРФ. Ф. 5587. Оп. 18. Д. 1586. Л. 84.

- ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 1.
 ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 2.
 ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 3.
 ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 5.
 ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 7, 9.
 ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 10, 11.
 ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 30.
 ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 33.
 ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 34.
 ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 22, 23.
 ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 90.
 ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 93.
 ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 8200. Л. 57, 78.

Гололобов Е.И. 2018. Экологическая история Сибирского Севера. XX век: поиск и анализ источников. Сургут: Сургут. гос. пед. ун-т.

История освоения лесных богатств Ханты-Мансийского автономного округа. URL: www.admhmao.ru/economic/prom/les_hist.htm. (2019. 05 окт.).

Колева Г.Ю. 2007. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления и развития (1960–1980-е гг.) // Вестник Томского государственного университета 302, 90–95.

Нежный А. 1969. Города, которые мы строим: о проблемах градостроительства. Заметки публициста // Новый мир 10, 188–206.

Прищепина А.И. 2014. Еще раз о первом генеральном плане застройки Сургута // Вестник Нижневартовского государственного университета 2, 65–68.

Стась И.Н. 2016. От посёлков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е начало 1990-х гг.). Сургут: Дефис.

Шмыглёва А.В. 2017. Антропогенное воздействие как фактор деградации экосистем Западной Сибири в советский период // Вестник Сургутского государственного педагогического университета 6(51), 48–54.

REFERENCES

AO Administratsii g.Surguta [Archival Department of Administration of Surgut]. F. 1. Op. 1. D. 323. L. 50. (In Russian).

AO Administratsii g.Surguta [Archival Department of Administration of Surgut]. F. 90. Op. 1. D. 321a. L. 2. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 5587. Op. 18. D. 1586. L. 29. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 5587. Op. 18. D. 1586. L. 30. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 5587. Op. 18. D. 1586. L. 32. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 5587. Op. 18. D. 1586. L. 84. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 2335. L. 1. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 2335. L. 2. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 2335. L. 3. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 2335. L. 5. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 2335. L. 7. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 2335. L. 9. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 2335. L. 10. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 2335. L. 11. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 2335. L. 30. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 2335. L. 33. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 2335. L. 34. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 2335. L. 22. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 2335. L. 23. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 2335. L. 90. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 2335. L. 93. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 8200. L. 57. (In Russian).

GARF [State Archive of the Russian Federation]. F. 9527. Op. 1. D. 8200. L. 78. (In Russian).

Gololobov E.I. 2018. Ekologicheskaya istoriya Sibirskogo Severa. XX vek: poisk i analiz istochnikov. Surgut. (In Russian).

Istoriya osvoeniya lesnykh bogatstv Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga. available at: <https://clck.ru/JYDG3>. (2019. 05 okt.). (In Russian).

Koleva G.Yu. 2007. Zapadno-Sibirskii neftegazovyi kompleks: istoriya stanovleniya i razvitiya (1960–1980-e gg.). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal of History], 302, 90–95. (In Russian).

Nezhnyi A. 1969. Goroda, kotorye my stroim: o problemakh gradostroitel'stva. Zаметki publitsista. Novyi mir, 10, 188–206. (In Russian).

Prishchepa A.I. 2014. Eshche raz o pervom general'nom plane zastroiki Surguta. Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Nizhnevartovsk State University], 2, 65–68. (In Russian).

Stas' I.N. 2016. Ot poselkov k gorodam i obratno: istoriya gradostroitel'noi politiki v Khanty-Mansiiskom okruge (1960-e nachalo 1990-kh gg.). Surgut. (In Russian).

Shmygleva A.V. 2017. Antropogennoe vozdeistvie kak faktor degradatsii ekosistem Zapadnoi Sibiri v so-vetskii period. Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Surgut State University Journal]. 6(51), 48–54. (In Russian).

E. S. Krasovitova
Surgut, Russia

URBANIZATION PROCESSES IN THE AGE OF ACTIVE DEVELOPMENT OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA (ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF SURGUT)

Abstract. The article is devoted to the problems of construction in the city of Surgut in the age of industrial development of the North in the middle of 1960 - 1980. The key mistakes made by developers during construction were considered. In the 1960-1970s. the main event in Siberia was the formation of the West Siberian oil and gas complex, which most significantly in the history of the twentieth century has changed the importance of the region, both in the country's economic complex and in the global economy. The multi-departmental nature of city planning, the lack of proper supervision of urban planning, the lack of a construction industry base, the irresponsibility of ministries and departments, local organizations, urban planning organizations, the absence of an approved master plan of the city and its single customer, as well as the absence of standard projects that take into account urban planning in the north. All this led to irrational costs, low level of discredit of the elementary foundations of urban development. The analysis was made on the basis of documents, protocols, certificates of the Council of Ministers, national control, etc.

Key words: Surgut city; north of Western Siberia; construction; settlement; housing; oil; gas.

About the author: Elvira Sergeevna Krasovitova, graduate student of Surgut State Pedagogical University, teacher of history and social studies in the municipal budgetary educational institution secondary school № (number) 9.

Place of employment: Secondary school № 9.

Красовитова Э.С. Процессы урбанизации в эпоху активного освоения севера Западной Сибири (на примере города Сургута) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2019. № 3. С. 130–136.

Krasovitova E.S. Urbanization processes in the age of active development of the north of western Siberia (on the example of the city of Surgut) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2019. No. 3. P. 130–136.
